

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PG
3898
G3
F56
1900A

STANFORD
LIBRARIES

P4-95

A 265
581

Проф. Т. ФЛОРИНСКІЙ

МАЛОРУССКІЙ ЯЗЫКЪ

И

„УКРАИНСЬКО-РУСЬКІЙ“

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕПАРАТИЗМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

1900

Въ настоящей книжкѣ воспроизводятся
кон статьи о малорусскомъ языкѣ и но-
вьбшемъ «украинско-русскомъ» литера-
турномъ движеніи, первоначально появив-
шемся въ газетѣ «Киевлянинъ» за 1899 г.
(октябрь и ноябрь).

Почти всененіи разныхъ мѣстных по-
правокъ и дополненій въ преждѣ напеча-
танный текстъ статей, в сечетъ не лишнимъ,
прибавить еще одну новую (заключитель-
ную) главу, въ которой останавиваюсь на
вопросѣ о необходимости оказания скорой
и дѣятельной помощи зарубежной Руси въ
удольствореніи ея насущныхъ духовныхъ
нуждъ.

Новѣйшее «украинско-русское» литера-
турное движеніе, средоточіемъ котораго
служить Ладина, не можетъ не привле-

Дозволено цензурою 18 июня 1900 г. Киевъ.

каты къ себѣ вниманія нашего образованнаго общества. Достаточно вспомнить, что это движеніе въ послѣднемъ своемъ фазисѣ, наблюдаемомъ въ настоящее время, ставитъ для рѣшенія не только въ теоріи, но и въ жизни вопросъ большой важности: одинъ или два научныхъ и образованныхъ языка необходимы русскому народу? Въ виду этого предложенная въ данной книжкѣ скромная попытка дать сильное разъясненіе нѣкоторыхъ сторонъ указаннаго движенія, быть можетъ, не будетъ признана совсѣмъ излишней.

Проф. Т. Флоринскій.

Кіевъ. 31 декабря 1899 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

За послѣднее время какъ въ кіевской печати, такъ и въ нѣкоторыхъ столичныхъ газетахъ, а равно въ періодическихъ изданіяхъ Галицкой Руси возобновились старыя толки о малорусскомъ языкѣ (нарѣчій) и малорусской литературѣ. Опять заговорили въ печати объ отношеніи малорусскаго языка (нарѣчія) къ другимъ русскимъ нарѣчіямъ и прочимъ славянскимъ языкамъ, о степени пригодности малорусскаго языка (нарѣчія) для роли языка научнаго и образованнаго, о желательности или нежелательности широкаго развитія малорусской литературы и о другихъ тому подобныхъ предметахъ. Такому оживленію въ обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ нельзя не радоваться въ виду представляемой ими важности, и не только съ теоретической, но и съ практической точки зрѣнія. Въ всякаго сомнѣнія, правильное, наиболѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе спорнаго вопроса

во всякъ его обрѣтъ можетъ быть достигнуто только постъ жесторопняго, снокопняго и безприсрастнаго обрѣтени его въ печати. Рукотворствъ тавнѣше ствѣтъ общиѣмъ соображеннѣмъ, и рѣшася представитъ на судъ читателѣй нѣсколькы замѣчаннѣ по поводу новѣйшихъ томковъ о маорусскомъ языкѣ (нарѣчнѣ) и маорусской литературы. Отыасти къ этому мѣня побуждаютъ и нѣкоторыя личныя моты, на которые неодоумо указать теперь же.

Знжашипитъ поводомъ къ оживленню полемикн по маорусскому вопросу послужили двѣ статьи въ ноябрьской книгѣ «Университетскихъ Навѣстнѣ» за 1898 г. моеи коротенькой критическои замѣтки на статью галицкаго ученаго Д-ра Яв. Франка *Literatura ukrajinskoscuska* (въ чешск. журн. *Slovenský Přehled*) и 2) возбуджденнѣ въ началѣ 1899 года львовскнмъ «Ученымъ обществомъ имени Шевченка» вопросъ о допущеннѣ на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кнѣвѣ федераторъ на «украинско-руськомъ» языкѣ. Мои сужденнѣ о маорусскомъ языкѣ и маорусской литературѣ, высказаннѣ въ означенной коротенькой замѣткѣ, вызвали рядъ возраженнѣ въ «Кнѣвскои Старинѣ», въ статьяхъ редактора В. П. Науменка (1899 г. №№ 1 и 3) и г. К. Михальчука («Что такое маорусская южно-русская рѣчь», № 8), а также въ галицко-маорусской газетѣ «Русьсканъ»

и, какъ стѣи, еще въ друпихъ заграничныхъ періодическихъ изданнѣхъ. Вопросъ о допущеннѣ «украинско-русскаго языка» въ заграничнѣхъ статьѣхъ не получнлъ адекватнаго для ннннцаторовъ этого языка разрѣшеннѣ, что въ нѣкоторыхъ русскнхъ, галицкнхъ и польскнхъ газетахъ было приннсано главнѣше моему протесту противъ допущеннѣ маорусскаго языка въ ученнхъ собраннхъ статьяхъ. Да, звыженному въ застѣданнхъ преуварителнхъ нѣтъ комитетѣ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изданнхъ повнглнсь шпрки по моему адресу за такое именно отношенне мое къ данному делу.

Такимъ образомъ, можно указать на вышеописанно соображеннѣ, для мѣня возникла настоятельная необходимость отвѣтитъ на сѣдѣннѣи мнѣ возраженнѣ и шпрки и, выстъ съ тѣмъ, подуробѣ разнѣтъ и обосноватъ свои взгляды и положеннѣ, что я понятно не могъ сѣдѣтъ въ своѣй первой бнблнграфической замѣткѣ и что оумно, также поставлено мнѣ въ вину моннн критиканн.

Я намѣренъ постѣдовательно остановнтъ на сѣдѣющнхъ вопросахъ: 1) Что такое маорусская рѣчь? 2) Плененное едннство великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ и общерусскнѣ литература и образованннѣи языкѣ. 3) Малорусская литература преже и теперь; отношеннѣ ея къ общерусской литературѣ. 4) Дѣствнтельно ли зарубежная Русь имѣетъ надуобность въ созданнн сно-

его особаго научнаго и образованнаго языка вза-
мѣнѣ существующаго общерусскаго? 5) Львов-
ское «Ученое Общество имени Шевченка» и со-
здаваемый имъ научный «украинско-руський»
языкъ. 6) Попытка пропаганды научнаго «укра-
инско-русскаго» языка на XI археологическомъ
сѣздѣ. 7) Чѣмъ и какъ помочь зарубежной Руси
въ ея горькой долѣ?

I.

Что такое малорусская рѣчь?

Точнѣ этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ
въ такой формѣ: какое мѣсто занимаетъ мало-
русскаго языка среди многочисленныхъ языковъ
и нарѣчій славянскаго племени и къ частности —
въ какомъ отношеніи онъ находится въ просто-
народнымъ русскимъ нарѣчьямъ великорусскому
и бѣлорусскому и къ общерусскому литератур-
ному языку? Вообще опредѣленный, категориче-
скій отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ ин-
тересъ не только съ научной точки зрѣнія, но и
съ практической, житейской, такъ какъ степенью
большей или меньшей самостоятельности и обо-
собленности даннаго языка (нарѣчія) среди дру-
гихъ родственныхъ языковъ естественно обусло-
вливается большая или меньшая необходимость
развитія отдѣльной литературы на этомъ языкѣ,
а также тотъ или иной объемъ и характеръ
самой литературы. Одинъ изъ моихъ крити-

ковъ, В. П. Науменко, не признаетъ большого значенія за выводами филологической науки при рѣшеніи вопроса о литературномъ языкѣ. Онъ указываетъ, что «исторія жизни народовъ не очень-то считается съ установленной филологами теоріей языковъ и нарѣчій, и что помимо филологіи при рѣшеніи вопроса о правѣ на книжный языкъ нужно считаться съ другими науками — социальными». Я готовъ признать это замѣчаніе въ известной степени справедливымъ и въ своемъ мѣстѣ остановлюсь на немъ подробнѣе, но все же полагаю, что выводы филологіи въ данномъ вопросѣ несомнѣнно имѣютъ важное значеніе, такъ какъ признаю безспорнымъ то положеніе, что два наиболѣе близкихъ между собою языка или нарѣчій, принадлежащихъ къ одной діалектической группѣ, представляютъ меньше внутреннихъ основаній для превращенія каждаго изъ нихъ въ особый литературный языкъ, чѣмъ два языка или нарѣчія, менѣе близкихъ между собой и принадлежащихъ къ двумъ различнымъ діалектическимъ группамъ. Вѣрность этого положенія признаютъ и защитники правъ малорусскаго языка (нарѣчія) на книжную обработку; начиная съ известнаго проф. Е. Огоновскаго, они усердно ищутъ въ филологіи доказательства въ пользу отстояваемой ими отдѣльности и обособленности малорусскаго языка въ семьѣ славянскихъ языковъ. Самъ г. редакторъ «Кіевской

Старини» нашелъ возможнымъ и полезнымъ дать на страницахъ редактируемаго имъ журнала мѣсто статьѣ г. Михальчука, посвященной разсмотрѣнію спорнаго вопроса главнымъ образомъ съ филологической точки зрѣнія. Такимъ образомъ и мнѣ приходится начать съ выводовъ филологіи. Какой же отвѣтъ даетъ современная наука на поставленный выше вопросъ о малорусскомъ языкѣ?

Да, именно тотъ, какой уже былъ приведенъ въ моей замѣткѣ на статью д-ра Ив. Франка «Малорусскій языкъ есть не болѣе какъ одно изъ нарѣчій русскаго языка или, другими словами, онъ составляетъ одно цѣлое съ другими русскими нарѣчійми.» Выражусь теперь еще точнѣе: малорусскій языкъ (нарѣчье) на ряду съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ народными нарѣчійми и общерусскимъ литературнымъ языкомъ принадлежитъ къ одной русской діалектической группѣ, которая лишь въ полномъ своемъ составѣ можетъ быть противопоставлена другимъ славянскимъ діалектическимъ группамъ соответствующаго объема, какъ-то: польской, чешской, болгарской, сербо-хорватской, словинской и друг. Тѣсная внутренняя связь и близкое родство между малорусскимъ языкомъ съ одной стороны и великорусскимъ, бѣлорусскимъ и общерусскимъ литературнымъ языками съ другой настолько очевидны, что выдѣленіе малорусскаго изъ русской діалек-

тической группы въ какую-либо особую группу въ такой же степени немислимо, въ какой немислимо и выдѣленіе, напр., великопольскаго, силезскаго и мазурскаго нарѣчій изъ польской діалектической группы, или моравскаго нарѣчій — изъ чешской діалектической группы, или рунанскаго нарѣчій изъ болгарской діалектической группы. Въ полномъ соответствіи съ этими выводами сравнительнаго славянскаго языкознанія находится и не подлежащее спору основное положеніе славянской этнографіи, на которое я также уже ссылался въ упомянутой выше статьѣ. «Малоруссы въ этнографическомъ отношеніи представляютъ не самостоятельную славянскую особь (въ противоположность, напр., чехамъ, полякамъ, болгарамъ или сербо-хорватамъ), а лишь разновидность той обширной славянской особи, которая именуется русскимъ народомъ. Въ составъ ея входятъ на ряду съ малоруссами великоруссы и бѣлоруссы. Въ частныхъ сторонахъ и явленіяхъ своей жизни, въ языкѣ, бытѣ, народномъ характерѣ и исторической судьбѣ малоруссы представляютъ не мало своеобразныхъ особенностей, но при всемъ томъ они всегда были и остаются частью одного цѣлаго — русскаго народа.» Фактъ цѣлости и единства русскихъ нарѣчій въ смыслѣ принадлежности ихъ къ одной діалектической группѣ считается въ современной наукѣ истиной, не требующей доказательствъ. Въ подтвержденіе справед-

ливости данной мысли достаточно указать, что въ научное понятіе «русскаго языка» на ряду съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчійми и общерусскимъ литературнымъ языкомъ непременно входитъ и малорусское нарѣчье (языкъ), подобно тому, какъ понятіе «русскій народъ» не только въ житейскомъ словоупотребленіи, но и въ научномъ смыслѣ обнимаетъ не однихъ великоруссовъ и бѣлоруссовъ, но непременно и малоруссовъ. Такъ, научная «исторія русскаго языка» въ трудахъ авторитетнѣйшихъ представителей славянскаго и русскаго языкознанія И. П. Срезневскаго, А. А. Потебни, Колосова, А. П. Соболевскаго, И. В. Ягича, А. А. Шахматова и др. имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе судебъ не только книжнаго русскаго языка, но и простонародныхъ нарѣчій — великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго съ ихъ разнообразными говорами. Подъ «русской діалектологіей» разумѣется тотъ отдѣлъ русскаго языкознанія, который вѣдаетъ систематическое изученіе всѣхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ и въ томъ числѣ непременно малорусскихъ. Подобнымъ образомъ и «русская этнографія», по опредѣленію А. Н. Пыпина, «обнимаетъ не только великорусскую и бѣлорусскую этнографію, но и малорусскую». Тотъ же ученый разсматриваетъ малорусскую литературу Южной Руси, Галиціи и Буковины какъ частную литературу русскаго языка. («Исторія слав. литер.» т. I).

русской группы в какой-либо особой группе в такой же степени немыслимо, в какой немыслимо и выделение, например, великопольскаго, белорусскаго и малорусскаго наречий в какой-либо единичной диалектной группе, или русланскаго наречия в диалектной диалектной группе. В подобной соотвѣтствии съ этими идеями сравнительно-наго главнѣйшаго языковеденія находится и не только лексическое основное положеніе славянской этнографіи, на которое уже ссылались въ упомянутой выше статьѣ. «Малорусскія в этнографическомъ отношеніи представляются не самою самостоятельную славянскую особь (въ противоположності, напр., чехамъ, полякамъ, болгарамъ или сербо-хорватамъ), а лишь разновидность той обширной славянской особи, которая именуются русскими народами. Въ составъ ея входятъ на ряду съ малорусскими великорусскія и белорусскія в частныхъ сторонахъ и явленіяхъ своей жизни, въ языкѣ, бытѣ, народномъ характерѣ и историческою судьбой малорусскія представляются не мало своеобразныхъ особенностей, но при всемъ томъ они всегдѣ были и остаются частью одного цѣлаго — русскаго народа.» Фактъ цѣлости и единства русскихъ наречій въ смыслѣ принятаго, какъ носитъ ихъ къ одной диалектной группѣ счисляется въ современной наукѣ истиной, не требующей показывать. Въ подтвержденіе срава-

зности данной мысли достаточно указать, что въ научное понятіе «русскаго языка» на ряду съ великорусскимъ и белорусскимъ наречіями и общерусскимъ литературнымъ языкомъ, принадлежатъ и малорусское наречіе (языкъ), каково входить и малорусское наречіе (языкъ), каково только въ истинномъ словоупотребленіи, но и въ научномъ смыслѣ обнимаетъ не только великорусскія и белорусскія, но непрекѣнно и малорусскія. Такъ, научная «исторія русскаго языка» въ трехъ авторитѣтнѣйшихъ представителехъ славяновѣдѣнія и русскаго языковѣдѣнія Н. П. Срезневскомъ, А. А. Цитовицѣ, Колосовѣ, А. П. Соколовскомъ, И. В. Ягичѣ, А. А. Шахматовѣ и др. имѣетъ своимъ предметомъ историческое изученіе не только ипшанаго русскаго языка, но и престопадныхъ наречій — великорусскаго, белорусскаго и малорусскаго съ ихъ разнообразными говорами. Но въ «русской диалектологіи» разумеется тотъ отъкъ русскаго языковѣдѣнія, который вѣдетъ система-русское изученіе всѣхъ русскихъ наречій и поговоръ и въ томъ числѣ непременно малорусскихъ. Подобнымъ образомъ и «русская этнографія», по опредѣленію А. Н. Пыпина, «обнимаетъ не только великорусскую и белорусскую этнографію, но и малорусскую». Тотъ же ученный рассматриваетъ малорусскую литературную Южнорусскія, Галицкія и Буковинскія какъ частію литературнаго русскаго языка. («Исторія слав. литер.» т. I).

Для большей ясности сказаннаго привожу нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій выдающихся изслѣдователей русскаго языка. И. И. Срезневскій, извѣстный знатокъ не только русскаго языка, но и прочихъ славянскихъ языковъ и нарѣчій, въ замѣчательнѣйшемъ своемъ сочиненіи «Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій» (изд. 2-е, Спб. 1889, стр. 84—85), между прочимъ, говоритъ слѣдующее о рускомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ: «Давни, но не ископни черты, отдѣляющія одно отъ другого нарѣчія сѣверное и южное—великорусское и малорусское; не столь уже давни черты, разрознившія на сѣверѣ нарѣчія восточное—собственно великорусское и западное—бѣлорусское, а на югѣ нарѣчія восточное—собственно малорусское и западное—русинское, карпатское; еще новѣе черты отличія говоромъ мѣстныхъ, на которые развилось каждое изъ нарѣчій русскихъ. Конечно, всѣ эти нарѣчія и говоры остаются до сихъ поръ только отбѣнками одного и того же нарѣчія и ни мало не нарушаютъ своимъ несходствомъ единства русскаго языка и народа. Ихъ несходство вовсе не такъ велико, какъ можетъ показаться тому, кто не обращаетъ вниманія на разнообразіе мѣстныхъ говоромъ въ другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, напр., въ языкѣ италіанскомъ, французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, въ нарѣчій хорватскомъ, словацкомъ, сербо-хорватскомъ».

комъ, польскомъ.» Глубочайшій изслѣдователь русскаго языка на почвѣ сравнительнаго славянскаго языкознанія, А. А. Потебня, всегда относившійся съ горячимъ сочувствіемъ къ малорусскому языку (нарѣчію) къ одному изъ своихъ сочиненій пишетъ: «Русскій языкъ, въ смыслѣ совокупности русскихъ нарѣчій, есть отвлеченіе; но возводя, теперешнія русскія нарѣчія къ ихъ древнѣйшимъ признакамъ, находимъ, что въ основаніи этихъ нарѣчій лежитъ одинъ, конкретный, нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ славянскихъ... Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось многими раньше XII в., потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самаго великорусскаго нарѣчія на сѣверо-великорусское и южно-великорусское, и такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣдніе другъ отъ друга.» (Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, стр. 188). П. И. Житецкій въ своемъ изслѣдованіи объ исторіи звуковъ малорусскаго языка, пришедшій къ выводу, что «главныя черты малорусскаго вокализма въ XII—XIII ст. вполне обнаружилась», дѣлаетъ такое заключеніе объ общемъ происхожденіи русскихъ нарѣчій: «Такъ органически, изъ первобытной почвы русскаго пра-

языка выросло малорусское нарѣчіе съ древнѣйшимъ своимъ говоромъ, сѣвернымъ, отъ котораго къ концу кіевской эпохи и въ первые годы татарщины на югѣ отдѣлились говоры галицкіи и волинскіи. Тотъ же процессъ образования мы должны допустить и для великорусскаго нарѣчія»... («Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія». К. 1876, стр. 264). М. А. Колозовъ въ своемъ «Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» приводитъ данныя изъ области великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій и, между прочимъ, пишетъ: «Внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ та научная истина, что русскій языкъ представлялъ нѣкогда единую цѣльную лингвистическую особь», которая впоследствии распалась на три нарѣчія: великорусское, бѣлорусское и малорусское (253, 264). Проф. А. И. Соболевскій, авторитетнѣйшій среди современныхъ изслѣдователей русскаго языка, снискавшій себѣ почетную извѣстность въ славянскомъ ученомъ мѣрѣ своими замѣчательными систематическими обзорами исторіи русскаго языка и русской діалектологіи, такими чертами характеризуетъ цѣлость и единство русскихъ нарѣчій: «Русскій народъ какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніяхъ представляетъ единое цѣлое.—Исторія русскаго языка, отличающагося вообще

значительнымъ консерватизмомъ (сравните исторію языковъ чешскаго и болгарскаго), за много вѣковъ не дала ничего такого, что разрушило бы единство русскаго языка. Онъ дѣлился на говоры издавна, съ тѣхъ временъ, когда у насъ еще не существовало никакой письменности; онъ дѣлится на нарѣчія и говоры теперь, подобно тому, какъ дѣлится на нихъ всякій языкъ, имѣющій сколько-нибудь значительную территорию; но эти нарѣчія и говоры, имѣя другъ отъ друга отличія въ фонетикѣ, морфологіи и лексикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ такое множество общихъ чертъ, что русскій типъ языка вполне сохраняется въ каждомъ изъ нихъ; онъ выступаетъ въ нихъ настолько ясно, что не можетъ быть вопроса относительно ни одного изъ нихъ, не слѣдуетъ ли его считать говоромъ не русскимъ, а напримѣръ—польскимъ или словацкимъ. Если есть полное основаніе видѣть въ современномъ русскомъ языкѣ одинъ языкъ, то объ единствѣ древнерусскаго языка, напримѣръ XI вѣка, когда различіе между русскими говорами, какъ будетъ показано ниже, не было сколько-нибудь значительно, не можетъ быть даже и вопроса.—«Вслѣдствіе этого мы излагаемъ не исторію отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, а исторію всего русскаго языка.» (Лекціи по исторіи русскаго

языка выросло малорусское нарѣчіе съ древнѣйшимъ своимъ говоромъ, сформировавъ, отъ короче къ концу кельтской эпохи и въ первое время варваризма на югѣ отъѣзженскъ говоры галльскій и волынскій. Тотъ же процессъ образованія миѣ дожины допущается и для великорусскіе нарѣчіе...» («Очеркъ языковой исторіи малорусскаго нарѣчіе», К. 1876, стр. 264). М. А. Коло-совъ въ своемъ «Обзорѣ языковъ и формаль-ныхъ особенностей народнаго русскаго языка» приводитъ дѣянія изъ области великорусскаго, малорусскаго и малорусскаго нарѣчіе и, между прочимъ, пишетъ: «Есть всякаго сомнѣнія стоять та научная истина, что русскій языкъ пре-дставляя нѣкогда единую цѣльную лингвистическую особь, которая впоследствии стала разпасть на три нарѣчіе: великорусское, было-русское и малорусское (253, 264). Проф. А. И. Соболевскій, авторитетнѣйшій сроду современ-ныхъ исследователей русскаго языка, снискавъ широкую почетную известность въ славянскомъ ученномъ мѣрѣ своими замѣчательными система-тическими обзорамъ исторіи русскаго языка и русскій диалектологи, такими чертами характер-ной цѣлостности и единства русскіе нарѣчіе: «Русскій народъ какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отно-шеніяхъ представляетъ единое цѣлое — исторія русскаго языка, отличающаяся вообщемъ

значительнымъ консерватизмомъ (сравните исто-рию языка чешскаго и болгарскаго), за много вѣковъ не утѣла ничего такого, что разру-шило бы единство русскаго языка. Онъ дѣлится на говоры пѣлавна, съ тѣхъ временъ, когда у насъ еще не существовало никакой несомнѣнности; онъ дѣлится на нарѣчіе и то-воры теперь, подобно тому, какъ дѣлится на нихъ всякій языкъ, имѣющій сколько-нибудь значительную территорию; но эти нарѣчіе и говоры, имѣя различіе отъ дѣянія отличія въ фонетикѣ, морфологій и лексикѣ, имѣетъ съ тѣмъ имѣютъ такое множество общихъ чертъ, что русскій типъ языка вполне со-храняется въ каждомъ изъ нихъ; онъ вы-ступаетъ въ нихъ настолько ясно, что не мо-жетъ быть вопроса относительно ни одного изъ нихъ. Если есть полное основаніе видѣть въ современномъ русскомъ языкѣ одинъ языкъ, то объ единствѣ древнерусскаго языка, напри-мѣръ, XI вѣка, когда различіе между русскими гово-рами, какъ будетъ показано ниже, не было сколько-нибудь значительно, не можетъ быть даже и вопроса.—«Велѣдствіе этого миѣ изла-гаетъ не исторія отъѣзженскіе русскіе нарѣчіе и говоры, а исторія всего русскаго языка» (Лекція по исторіи русскаго

языка. Изд. 2-е, Сиб. 1891, стр. 1—2). Академикъ А. А. Шахматовъ въ своей повѣщенной, весьма цѣнной работѣ по вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей, между прочимъ, приходитъ къ такому выводу: «Русскій языкъ еще въ доисторическое время распался на три группы говоровъ: сѣверно-русскую, средно-русскую и южно-русскую. Средне-русская группа состояла изъ двухъ вѣтвей—западной и восточной; южно-русская группа дѣлилась на двѣ же вѣтви—сѣверную и южную.» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1899 г., Апрель, стр. 328). Академикъ И. В. Ягичъ въ самое недавнее время, въ своемъ журналѣ по славянской филологіи, высказалъ слѣдующее категорическое сужденіе о взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ нарѣчій: «Что всѣ русскія нарѣчія въ отношеніи къ прочимъ славянскимъ языкамъ (кому не нравится выраженіе «нарѣчіе», можетъ замѣнить его словомъ «языкъ»,—въ наукѣ это—второстепенное дѣло) составляютъ одно цѣлое, отличающееся многими замѣчательными чертами внутренняго единства, это для языковѣдовъ не представляетъ спорнаго вопроса.» (Archiv für Slavische Philologie 1898. Bd. XX. 1. 33.*).

*) Относительно правильности сего сужденія знаменитого славянскаго ученаго въ подлинникѣ: «Dass alle russischen Dialecte gegenüber den übrigen slavischen Dialecten—von

И такъ, въ настоящее время не можетъ быть никакихъ сомнѣній, никакихъ споровъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ малорусскій языкъ (нарѣчіе) въ семьѣ славянскихъ языковъ и нарѣчій. Вопросъ этотъ уже рѣшенъ наукой достаточно ясно и опредѣленно. Мое сужденіе о малорусскомъ языкѣ, высказанное въ вышеупомянутой замѣткѣ о статьѣ д-ра И. Франка, воспроизводитъ лишь общепризнанный въ наукѣ взглядъ. Тѣмъ удивительнѣе для меня было встрѣтить

der Ausdruck Dialect nicht gefällt, kann dafür Sprache sagen, in der Wissenschaft ist das Nebensache—ein Ganzes bilden, mit vielen merkwürdigen Zügen einer inneren Einheit ausgestattet, das bildet unter Sprachforschern keine Streitfrage. Дѣлаю эту ссылку главнѣйше въ виду того, что одинъ изъ моихъ критиковъ, г. Михальчукъ написалъ, что нѣкіе ак. Ягича о данномъ предметѣ «выражено въ этой цитатѣ съ недостаточной ясностью и даже съ нѣкоторыми замѣтными увлеченіями идеей единства русскихъ нарѣчій», и что оно не имѣетъ того смысла, какой принимается ему мной («малорусское нарѣчіе составляетъ одно цѣлое съ другими русскими нарѣчійми»). Г. критикъ предлагаетъ свой переводъ этой цитаты, который дѣйствительно не отличается ясностью и значительно искажаетъ настоящій смыслъ словъ академ. Ягича. Вотъ этотъ переводъ: «Что всѣ русскія нарѣчія сравнительно (?) съ остальными славянскими нарѣчійми,—если не нравится слово нарѣчіе, можно употребить нѣчто иного слово языкъ, это для науки дѣло постороннее,—многими замѣтными (?) чертами своимъ образуетъ дѣлающъ (?) одно внутреннее единство, это не составляетъ спорнаго вопроса въ славянствѣ.»

рѣзкое осужденіе этого взгляда на страницахъ такого солиднаго научнаго журнала, какимъ считается «Кіевская старина».

Г. К. Михальчукъ въ своей статьѣ «Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь?», направленной столько же противъ меня, сколько и противъ проф. С. К. Булича, дерзнувшаго назвать малорусскую рѣчь «нарѣчіемъ», становится на одну точку зрѣнія съ нѣкоторыми галицкими публицистами, которые, не считая нужнымъ справляться съ выводами славянскаго языковѣдѣнія, не перестаютъ твердить при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ о полной «самостойности» и «отрубности» малорусскаго языка. Съ одной стороны онъ оспариваетъ правильность моихъ вышеизложенныхъ сужденій о малорусскомъ языкѣ, съ другой противопоставляетъ имъ свои сужденія, въ которыхъ проводитъ ту мысль, что малорусскій языкъ занимаетъ такое же самостоятельное мѣсто въ семьѣ славянскихъ языковъ и нарѣчій, какое занимаютъ, напр., польскій и чешскій языки въ сѣверо-западной группѣ, или болгарскій и сербо-хорватскій—въ юго-западной. По его представленію, взаимныя отношенія малорусскаго и великорусскаго нарѣчій, предполагающихъ общее происхожденіе отъ одного посредствующаго языка (восточно-славянскаго), вполне соответствуютъ взаимнымъ отношеніямъ чешскаго и польскаго, восходя-

щихъ къ одному общему западно-славянскому языку или взаимнымъ отношеніямъ болгарскаго и сербо-хорватскаго, опять предполагающихъ существованіе общаго южно-славянскаго языка.

Что можно сказать по поводу возраженій и разсужденій автора, занимающихъ значительное мѣсто въ его статьѣ? Очень немногое: и тѣ, и другія не основательны и не научны.

Что касается возраженій г. Михальчука, направленныхъ противъ меня, то они нисколько не колеблютъ высказаннаго мною общепринятаго въ наукѣ положенія, такъ какъ основаны на какомъ-то странномъ недоразумѣніи, источникъ котораго, повидимому, лежитъ въ недостаточномъ знакомствѣ автора съ современнымъ состояніемъ науки славянскаго языковѣдѣнія, съ новѣйшими ея данными и выводами, съ ея терминологіей и, въ частности, съ указаннымъ выше рѣшеніемъ разсматриваемаго вопроса. Г. Михальчукъ, очевидно, не вполне понялъ смыслъ моихъ сужденій о малорусскомъ языкѣ, какъ не понялъ и вышеприведеннаго вполне яснаго сужденія академика Ягича объ единствѣ русскихъ нарѣчій, и на почвѣ этого непониманія и ведется имъ весь споръ. Онъ начинаетъ съ длиннаго, довольно отвлеченнаго разсужденія объ условномъ значеніи въ лингвистикѣ терминъ «языкъ» и «нарѣчіе», о допущенномъ мною будто бы неправильномъ толкованіи термина

нику, въ другомъ общему знаменително-сравнительному
 языку или развѣдывая отношенія болгарскаго
 языка къ славянскому, или славянскому, или славянскому
 и сербско-хорватскому, или славянскому, или славянскому
 существованію общаго южно-славянскаго языка.
 Что можно сказать по поводу возраженій и
 разсужденій автора, занимающаго значительное
 мѣсто въ его статьѣ? Очень немногое: и тѣ, и
 другія не основательны и не научны.
 Что касается возраженій г. Михайчука, на-
 прикинутыхъ противъ меня, то они несколько
 некорректны, высказанные мною общеприня-
 тую въ науку положенія, такъ какъ основаны
 на какомъ-то странномъ неюридическомъ, несто-
 янть которое, повидимому, лежитъ въ осно-
 вѣ. Авторъ знаетъ автора съ конкретными, съ
 состоящими науки славянскаго языковеденія, съ
 подробными ея данными и выводами, съ ея тер-
 минологіей и, въ частности, съ указаніемъ г. Ми-
 хайчука, очевидно, не только помятъ, какъ
 монхъ сужденій о мажорусскомъ языкѣ, какъ
 не понятъ и вышеприведеннаго помятъ языка
 служенія академика Лича отъ единствѣ рус-
 скихъ нарѣчій, и на помятъ этого непониманія
 и ведется имъ весь споръ. Онъ начнается съ
 диннаго, условно отвлеченнаго разсужденія
 отъ условнаго значенія въ лингвистикѣ терми-
 новъ «языкъ» и «нарѣчье», о допущенномъ мною
 быто. Онъ неправильно употребляетъ термины

такое сужденіе этого языка на славянскій
 такого созданнаго научнаго журнала, какія
 сличаются «Кіевскія старина».
 г. К. Михайчуку въ своей статьѣ «Что такое
 мажорусская (южно-русская) рѣчь», направле-
 ною столько же противъ меня, сколько и про-
 тивъ проф. С. К. Булича, редакціи сказать
 мажорусскую рѣчь «нарѣчье», сличаются на
 одну точку зрѣнія съ нѣкоторыми галицкими
 публицистами, которые, не считая нужнымъ
 справляться съ выводами славянскаго языка-
 знанія, не перестаютъ твердить при каждомъ
 удобномъ и неумодномъ случать о подноі «са-
 мостоятельности» мажорусскаго языка.
 Съ одной стороны онъ оспариваетъ приня-
 ность монхъ вышеизложенныхъ сужденій о ма-
 жорусскомъ языкѣ, съ другой противопоставляетъ
 имъ свои сужденія, въ которыхъ провозвѣстуетъ
 мысль, что мажорусскій языкъ занимается такое
 же самостоятельное мѣсто въ семьѣ славянскихъ
 языковъ и нарѣчій, какое занимаютъ, напр.,
 польскій и чешскій языки въ сѣверо-западной
 группѣ, или болгарскій и сербско-хорватскій—въ
 юго-западной. По его представленію, взаимныя
 отношенія мажорусскаго и великорусскаго на-
 рѣчій, предполагающихъ общее происхожденіе
 отъ одного поредающаго языка (восточно-
 славянскаго), вполнѣ соответствуютъ взаимнымъ
 отношеніямъ чешскаго и польскаго, восточно-

«нарѣчіе» и еще болѣе неправильно примѣненіи его къ малорусской рѣчи. Проф. Буличъ и проф. Флоринскій, говоритъ г. К. Михальчукъ, придаютъ «очевидно» терминамъ «языкъ» и «нарѣчіе» сомнѣнію особое значеніе, понимая ихъ, повидимому, въ известномъ безотносительномъ смыслѣ и связывая съ ними представленія о двухъ какихъ-то безусловно неравныхъ языковыхъ величинахъ по самому существу ихъ внутренней природы. По крайней мѣрѣ они требуютъ строгаго различія этихъ терминовъ въ случаѣ примѣненія ихъ къ той или иной языковой величинѣ. Въ особенности они категорически настаиваютъ на возможности примѣненія одного лишь изъ этихъ терминовъ, именно термина «нарѣчіе» къ малорусской рѣчи, считая и ненаучнымъ, и незаконнымъ присвоеніе ей термина «языкъ.» («Кіевская Старина» 1899 г., Авг., стр. 187—188). Не мое дѣло защищать здѣсь проф. Булича. Что же касается вводимыхъ на меня обвиненій, то не могу не признать ихъ напраслиной. Термины «языкъ» и «нарѣчіе» я употребляю въ чисто условномъ значеніи, т. е. такъ, какъ считаю нужнымъ мой критикъ; именно я примѣняю безразлично тотъ и другой терминъ къ одной и той же лингвистической особи, когда она рассматривается какъ таковая безъ отношенія къ другимъ особямъ лингвистическимъ особямъ, при чемъ не только

не отнимаю у малорусской рѣчи права именоваться языкомъ, но, напротивъ, постоянно присваиваю ей этотъ терминъ; если же дѣло идетъ о выясненіи взаимныхъ отношеній лингвистическихъ особей, то оба термина имѣютъ у меня болѣе опредѣленный смыслъ согласно установленнымъ требованіямъ лингвистической терминологіи, т. е. слово «языкъ» имѣетъ родовое значеніе, «нарѣчіе»—видовое. Все это явствуетъ какъ нельзя лучше изъ той моей фразы, противъ которой собственно и направлены возраженія г. Михальчука: «Малорусскій языкъ есть не болѣе какъ одно изъ нарѣчій русскаго языка.» Въ данномъ случаѣ терминъ «русскій языкъ», конечно, служитъ для обозначенія родового понятія, какъ это видно изъ дальнѣйшаго поясненія, слѣдующаго въ моемъ текстѣ за приведенной фразой. Въ составъ этого родового понятія входятъ видовыя понятія, обозначаемыя терминомъ «нарѣчіе». Другими словами, подъ именемъ русскаго языка въ наукѣ разумѣется цѣлая группа близко родственныхъ діалектическихъ единицъ, которыя естественно назвать русскими нарѣчіями, а именно нарѣчія великорусское, бѣлорусское, малорусское и южнорусское, обще-русское (т. е. «литературный обще-русскій языкъ»—языкъ русской науки, литературы, общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ образованныхъ классовъ русскаго обще-

ства). Такимъ образомъ, сущность дѣла не въ наименованіи малорусской рѣчи языкомъ или нарѣчіемъ, а въ признаніи близкаго родства ея съ прочими русскими нарѣчіями и принадлежності ея вмѣстѣ со всѣми ими къ одной общей діалектической группѣ, что дѣлаетъ невозможнымъ противоположеніе малорусскаго языка, какъ разновидности или вѣтви болѣе крупной лингвистической особи, другимъ такимъ же крупнымъ лингвистическимъ особямъ: языку чешскому, болгарскому и т. д. Такой именно смыслъ имѣетъ и нижеприведенная моя фраза, повергшая г. К. Михальчука въ крайнее недоумѣніе и негодованіе: «Старое мнѣніе Миклошича, отводившее малорусскому языку самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ славянскихъ языковъ, въ настоящее время не выдерживаетъ критики.» Дѣйствительно, въ спискѣ славянскихъ языковъ, понимая этотъ терминъ въ смыслѣ родовыхъ язычныхъ категорій, малорусская рѣчь не занимаетъ какого-либо особаго или самостоятельнаго мѣста на ряду съ языками польскимъ, чешскимъ, сербо-лужицкимъ, болгарскимъ и др., а входитъ въ составъ той категоріи, которая носитъ названіе русскаго языка. Вотъ этой точки зрѣнія не хочетъ или не умѣетъ понять мой критикъ.

Такое же недоумѣніе вызываетъ и дальнѣйшее, столь же мало основательное обвиненіе,

изводимое на меня г. Михальчукомъ. Къ удивленію моему, г. критикъ говоритъ слѣдующее (стр. 156): «Между тѣмъ проф. Флоринскій, говоря въ назиданіе д-ру Франку, что будто бы новѣйшіе филологи, а главнымъ образомъ акад. Ягичъ «считаютъ безспорнымъ положеніе, что малорусскій языкъ составляетъ одно цѣлое съ другими русскими нарѣчіями», понимаетъ, если не ошибаемся, данное положеніе въ томъ смыслѣ, что всѣ русскія нарѣчія представляютъ чуть ли не полное конкретное и индивидуальное тождество.» Смѣю увѣрить г. Михальчука, что онъ дѣйствительно «ошибается», такъ какъ мнѣ никогда и въ голову не приходила приписываемая мнѣ странная мысль «о полномъ конкретномъ и индивидуальномъ тождествѣ всѣхъ русскихъ нарѣчій». Я всегда признавалъ и признаю, что малорусское нарѣчіе (языкъ) многими весьма любопытными особенностями отличается отъ другихъ русскихъ нарѣчій, чѣмъ собственно и опредѣляется существованіе его какъ особой разновидности или вѣтви русскаго языка; признаю и то, что малорусское нарѣчіе не менѣе древне, чѣмъ великорусское, и что вообще происхожденіе діалектическихъ различій въ русскомъ языкѣ относится къ глубокой древности; но въ то же время (вмѣстѣ со всѣми новѣйшими авторитетными изслѣдователями) полагаю, что какъ эти частныя отличія, такъ и древность

Таким образом, существовать язык не в
наименовании маорусской речи выкажет или
наречьем, а в признании единства происхождения
русских наречий и принадлеж-
ности ей вкять со всеми или к одной общей
диалектической группе, что означает невозмож-
ность противопоставления маорусского языка,
как равнозначности или вкьян ботте крупной
лингвистической особи, друпимъ, такимъ же круп-
нымъ лингвистическимъ особямъ: языку чепи-
скому, болгарскому и т. д. Такой именно смыслъ
иметь и нижеотдѣляющаяся фраза, повершая
г. К. Михайчука въ крайнее недоумѣние и не-
тодование: «Старое мнѣнїе Миклошича, отводя-
щее маорусскому языку самостоятельное мѣсто
въ ряду друпихъ славянскихъ языковъ, въ на-
стоящее время не выдерживаетъ критики.» Дѣй-
ствительно, въ спискѣ славянскихъ языковъ,
понимая этотъ терминъ въ смыслѣ родовыхъ
язычныхъ категорій, маорусская речь не за-
нимаетъ какого-либо особаго или самостоя-
тельного мѣста на ряду съ языками полечскимъ,
чешскимъ, сербо-лужичскимъ, болгарскимъ и др.,
а входить въ составъ той категоріи, которая
носитъ название русскаго языка. Вотъ этой
точкой зрѣнія не хочется ии, не ухватить понять
такое же недоумѣние выкажетъ и дальнѣй-
шее, столь же мало основательное обвинене,

находящее на меня г. Михайчукомъ. Къ уни-
женію моему, г. критикъ говорить слѣдующее
(стр. 156): «Между тѣмъ проф. Фюринскій, го-
воря въ назиданіе д-ру Франку, что будутъ бы
новѣйшіе филологи, а главнѣмъ образомъ акад.
Вичъ «считаютъ безспорнымъ положеніе, что
маорусскій языкъ составляетъ одно цѣлое съ
друпими русскими наречіями», понимаетъ, если
не ошибаюсь, данное положеніе въ томъ смыслѣ,
что всѣ русскія наречія предъставляются, чуть ли
не полное конкретное и индивидуальное тождес-
тво.» Слѣдуя въричь г. Михайчука, что онъ
дѣйствительно «ошибается», такъ какъ мнѣ ни-
когда и въ голову не приходило приписывать
мнѣ странная мысль «о полномъ конкретномъ
и индивидуальномъ тождествѣ всѣхъ русскихъ
наречій». Я всегда признавалъ и признаю, что
маорусское наречіе (языкъ) многими весьма
любимыми особенностями отличается отъ
друпихъ русскихъ наречій, чѣмъ собственно и
опредѣляется существованіе его какъ особаго
равнозначности или вкьян русскаго языка; при-
знаю и то, что маорусское наречіе не мѣнѣе
древне, чѣмъ великорусское, и что вообще проис-
хожденіе диалектическихъ различій въ рус-
скомъ языкѣ относится къ глубокой древности;
но въ то же время (вкять со всеми новѣй-
шими авторитетными исследователями) полагаю,
что какъ эти частныя отличія, такъ и древность

нѣкоторыхъ изъ нихъ отнюдь не мѣшаютъ признанію единства и цѣлости всѣхъ русскихъ нарѣчій. Единство это я представляю себѣ въ томъ видѣ, какъ представляетъ его себѣ и акад. Ягичъ, мнѣнія котораго также никакъ не можетъ понять г. Михальчукъ: оно выражается въ существованіи большого количества характерныхъ фонетическихъ и морфологическихъ признаковъ (не говоря уже объ общихъ лексическихъ и синтаксическихъ особенностяхъ), одинаково свойственныхъ всѣмъ русскимъ нарѣчій. Итакъ, возраженія г. критика не затрогиваютъ сущности разбираемаго вопроса и лишь свидѣлствуютъ, по собственному его признанію, о непониманіи имъ точки зрѣнія на предметъ, выраженной въ моей статьѣ и находящейся въ полномъ согласіи съ выводами современной науки.

Причину такого страннаго непониманія дѣла г. Михальчукомъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ видѣть въ томъ, что въ данномъ вопросѣ онъ стоитъ на своей точкѣ зрѣнія и твердо держится своего особаго вышеуказаннаго мнѣнія объ «отдѣльности» и «самостоятельности» малорусскаго языка. Для выясненія спора автору, конечно, слѣдовало бы не ограничиваться критикой отвергаемаго научнаго положенія, а заняться болѣе подробнымъ обоснованіемъ противопоставляемаго имъ другого мнѣнія. Къ сожалѣнію, въ данной

статьѣ г. К. Михальчука этого не видно. Никакихъ новыхъ доводовъ и новыхъ соображеній въ пользу указываемаго имъ обособленнаго или самостоятельнаго положенія малорусскаго языка въ семьѣ славянскихъ языковъ онъ не приводитъ, да и мнѣніе свое объ этомъ высказываетъ вскользь, очевидно, считая только это мнѣніе дѣйствительно научнымъ, а положеніе объ единствѣ русскихъ нарѣчій, блестяще доказанное Срезневскимъ, Потебней, Соболевскимъ и Ягичемъ, — чѣмъ-то еретическимъ, далекимъ отъ истины. Однако, о степени научной цѣнности собственнаго взгляда г. Михальчука можно судить уже по тому, что въ основаніи его лежитъ устарѣвшая теперь гипотеза А. Шлейхера, на основаніи которой онъ представляетъ себѣ происхожденіе и взаимное отношеніе славянскихъ языковъ въ видѣ родословнаго дерева. «Да, говоритъ онъ, въ наукѣ принято считать установленнымъ, что не только въ обще-русскомъ, но и въ обще-западно-славянскомъ и въ обще-южно-славянскомъ языкахъ діалектическія разновидности появились лишь послѣ отдѣленія этихъ общихъ языковъ отъ праславянскаго языка.» Авторъ, повидимому, и не догадывается, что современная наука въ лицѣ выдающихся ея представителей уже отвергла тезисъ Шлейхеровой теории о посредствующихъ общихъ языкахъ (Grundsprache); въ частности считаетъ недока-

запннмъ существованіе когда-либо обще-западно-славянскаго и обще-южно-славянскаго языковъ и признаеть (согласно гипотезѣ Юг. Шмидта) болѣе достовѣрнмъ предположеніе о происхожденіи всѣхъ крупныхъ лингвистическихъ особей, т. е. языковъ русскаго, польскаго, чешскаго, болгарскаго и др. непосредственно изъ славянскаго праязыка. При послѣднемъ взглядѣ на дѣло, конечно, теряютъ значеніе указываемыя г. Михальчукомъ аналогіи между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіями (какъ вѣтвями общаго восточно-славянскаго языка) съ одной стороны и чешскимъ, польскимъ, сербо-лужицкимъ (какъ разновидностями мнимаго обще-западно-славянскаго языка) или болгарскимъ, сербо-хорватскимъ, славянскимъ (какъ разновидностями мнимаго обще-южно-славянскаго языка) — съ другой. Къ тому же, современное сравнительное изученіе славянскихъ языковъ безповоротно выяснило, что, помимо всего прочаго, разстояніе между отдѣльными языками какъ западной, такъ и южной группы неизмѣримо дальше, чѣмъ между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіями. Взглядъ, котораго держится г. Михальчукъ на отношеніе малорусскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ, въ настоящее время являеться страннымъ анахронизмомъ. Старые представители этого взгляда, нынѣ уже покойные профессоры Фр. Миклошичъ и Е. Огоновскій, въ

данномъ вопросѣ не должны служить авторитетомъ для повѣрившихъ изслѣдователей. Фр. Миклошичъ, раздѣлившій въ своей «Сравнительной Грамматикѣ» русскій языкъ на два отдѣльныхъ языка, въ сущности, отнюдь не былъ глубокимъ знатокомъ ни исторіи русскаго языка, ни русскаго діалектологіи. Довольно сказать, что въ Россіи онъ никогда не былъ и живой русской рѣчи совѣтъ не знаетъ. Сверхъ того, Миклошичъ вообще не былъ непогрѣшимъ во многихъ своихъ сужденіяхъ и заключеніяхъ. Въ той же самой «Сравнительной Грамматикѣ» помимо раздвоенія русскаго языка онъ выставилъ рядъ обидныхъ положеній, которыя въ настоящее время уже отвергнуты наукой. Таковы, напр., его положеніе полной отдѣльности хорватскаго языка отъ сербскаго, о наибольшей близости бѣлорусскаго нар. къ малорусскому, а не къ великорусскому, и друг. Что касается проф. Ем. Огоновскаго, ученика Фр. Миклошича, то его общія сужденія о взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ нарѣчій научная критика единодушно признала несостоятельными (Ср. напр. Arch. f. slav. Phil. Bd. XX, 1, 26—27 и А. Н. Пыпина «Исторія русской этнографіи», т. III, стр. 332 и слѣд.).

Подвожу итоги всему разсужденію. Вопросъ о мѣстѣ малорусской рѣчи въ научной классификаціи славянскихъ языковъ нужно считать окончательно рѣшеннымъ. Малорусская рѣчь,

занимать существование когза-иноо обще-запад-
славянского и обще-южно-славянского языков и
признается (соласно мнению г. Шмидта) болъе
установлять предположение о происхождении
нѣхъ крупныхъ лингвистическихъ особенностей,
языковъ русскаго, польскаго, чешскаго, болгар-
скаго и др. непосредственно изъ славянскаго
примика. При побрѣженъ казвѣтъ на это,
конечно, тервятъ значеніе указываемыя г. Ми-
хальчукъ аналогіи между великорусскимъ и
малорусскимъ нарѣчiami (какъ ятвiami общио
южно-славянскаго языка) съ одной стороны
и чешскимъ, польскимъ, сербо-лужицкимъ (какъ
разновидностями обще-западнo-славян-
скаго языка) или болгарскимъ, сербо-хорват-
скимъ, славянскимъ (какъ разновидностями ми-
нo-мало обще-южно-славянскаго языка) — съ другой.
къ тому же, современное сравнительное изученіе
славянскихъ языковъ безспорно выяснило,
что, помимо всего прочаго, расстоеніе между
отдѣльными языками какъ западной, такъ и
южной группы немалорико уальше, чѣмъ между
великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчiami.
Взгляды, котораго держится г. Михальчукъ на
отношеніе малорусскаго языка къ другимъ слав-
янскимъ языкамъ, въ настоящее время въ
нашемъ странннхъ антропологахъ. Старые пред-
ставители этого взгляда, мнѣ въ покорннхъ
профессора Фр. Ликтошичъ и Е. Ороновичъ, въ

угодно въ подробннхъ изслѣдователяхъ. Фр. Ми-
хальчукъ, разубавившій въ своей «Сравнительной
Драматикѣ» русскій языкъ на два отдѣльныхъ
языка, въ сущности, отноудъ не блтъ кубокимъ
анатомококтъ ни исторіи русскаго языка, ни рус-
ской филологіи. Ювотъно сказать, что въ Рос-
сиіи онъ никтоудъ не блтъ и живои русской рѣ-
чи совсѣтъ не знаетъ. Сверхъ того, Ликтошичъ
вообще не блтъ непорѣшннхъ по многимъ сво-
имъ сужденіямъ и заключеніямъ. Въ той же са-
мой «Сравнительной Драматикѣ» помимо раз-
личнн русскаго языка онъ вставилъ пять об-
щнхъ положеиій, которыя въ настоящее время
уже отвергнуты наукой. Таковы, напр., его поло-
женіи о полнотѣ отдѣльности хорватскаго языка отъ
сербскаго, о наиболыпей близости отъорусскаго
нар. къ малорусскому, а не къ великорусскому,
и друг. Что касается проф. Ем. Ороновича, уде-
ника Фр. Ликтошича, то его общія сужденія о
взаимныхъ отношеніямъ русскнхъ нарѣчій наудъ-
нав критика единаудино признала несостоятель-
ными (Ср. напр. Arch. f. slav. Phil. Bd. XX, 1,
26—27 и А. Н. Пыпина «Исторія русской этно-
графіи», т. III, стр. 332 и слѣд.).
Поэтому, итотъ-всему, разубавленію-Бондръ
о мѣстѣ малорусской рѣчи въ научной класси-
фикаціи славянскихъ языковъ нужно считать
оночательно рѣшеннымъ. Малорусская рѣчь,

называть ли ее языкомъ или нарѣчіемъ, составляетъ со всѣми прочими русскими нарѣчіями нѣчто единое и цѣлое, т. е. принадлежитъ вмѣстѣ съ великорусскимъ, бѣлорусскимъ и обще-русскимъ литературнымъ нарѣчіями къ одной диалектической группѣ, обозначаемой терминомъ русскій языкъ. Мнѣніе, признающее самостоятельность и отдѣльность малорусскаго нарѣчія и отводящее ему въ семьѣ славянскихъ языковъ такое же мѣсто, какое занимаютъ южные и западные языки, не имѣетъ для себя прочной опоры въ современной наукѣ. Такимъ образомъ, при обоснованіи права малорусскаго языка на широкую книжную обработку всякія ссылки на аналоги чешскаго, польскаго или сербо-хорватскаго языка нужно считать неправильными и неумѣстными. Защитники этого права должны разъ навсегда отказаться отъ надежды получить какую-либо поддержку своимъ стремленіямъ отъ сравнительнаго славянскаго языковеденія. Выводы этой науки скорѣе противъ нихъ, чѣмъ за нихъ.

II.

Племенное единство великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ и обще-русскій литературный и образованный языкъ.

Безспорно, языкъ представляетъ собой одну изъ важнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ особенностей въ ряду другихъ чертъ, которыми обыкновенно опредѣляется каждая этническая особь человѣческаго рода. Народы различаются между собой прежде всего по языку и на основаніи большаго или меньшаго сходства своей разговорной рѣчи распределяются въ тѣ или иные этническія группы. Съ этой стороны близкое племенное родство великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ, какъ уже было разъяснено выше, не подлежитъ никакому спору: современная наука точно установила фактъ цѣлости и единства всѣхъ русскихъ нарѣчій въ смыслѣ принадлежности ихъ къ одной и той же лингвистической категоріи—русскому языку. Но

столь же несомненно единство всѣхъ трехъ вѣтвей русскаго народа въ отношеніи другихъ этническихъ чертъ, какъ то: народныхъ преданій, повѣстей, сказокъ, повѣрій, пѣсенъ, обрядовъ, быта семейнаго и общественнаго, свойствъ физическихъ и душевныхъ и т. п. Конечно, каждая изъ русскихъ народностей во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представляетъ и свои индивидуальныя черты, такъ какъ иначе нельзя было бы и говорить о существованіи какихъ-либо разновидностей даннаго народа или племени; но вмѣстѣ съ тѣмъ у великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ наблюдается такое множество общихъ этническихъ особенностей, что на всѣ три народности нельзя смотрѣть иначе, какъ на части одного цѣлаго—русскаго народа. Последнее положеніе давно уже стало аксіомой въ жизни и наукѣ. Не признають его только нѣкоторые галицкіе ученые и публицисты и наши українофилы, желающіе видѣть въ великоруссахъ и малоруссахъ непремѣнно два совершенно самостоятельныхъ и рѣзко отличающихся между собой народа. Къ нимъ примыкаетъ и г. Михальчукъ, выступившій на страницахъ «Кіевской Старины» съ опроверженіемъ даннаго положенія, въ которомъ онъ видитъ не болѣе, какъ мое личное «усмотрѣніе». Г. критикъ рекомендуетъ моему вниманію статью Н. И. Костомарова «Двѣ русскія народности», въ которой, по его сло-

вамъ спокойный историкъ устанавливаетъ столь глубокія разницы въ историческомъ, бытовомъ и психологическомъ отношеніяхъ между сказанными двумя русскими народностями, что онѣ доходятъ почти до полнаго контраста между ними и едва ли въ такой степени встрѣчаются между народностями другихъ отраслей славянскаго племени» (182). Затѣмъ г. К. Михальчукъ ссылается на статьи проф. Д. Н. Анучина «Великоруссы» и «Малоруссы» (въ Энциклопед. слов. Брокгауза и Ефрона), въ которыхъ говорится о физическихъ и этнографическихъ отличіяхъ малоруссовъ отъ великоруссовъ, и, наконецъ, отмѣчаетъ фактъ проявленія «типическихъ чертъ въ высокой степени оригинальной и рѣзко очерченной индивидуальности народной въ событіяхъ всей исторической жизни южно-русскаго народа, отъ самаго ея начала и до настоящаго времени».

Однако, присматриваясь ко всѣмъ даннымъ, на которыя ссылается г. К. Михальчукъ, и даже допуская, что онѣ соответствуютъ дѣйствительному положенію дѣла и лишены всякой субъективной окраски (что едва ли такъ), я не могу не поставить такого вопроса: какой же собственно выводъ вытекаетъ изъ этихъ данныхъ? Да никакого другого, кромѣ слѣдующаго: малоруссы не совсѣмъ то, что великоруссы; великоруссы не совсѣмъ похожи на малоруссовъ; каждая изъ

как «новый историк» устанавливает, столь глубоки различия в историческом, бытовом и хозяйственном отношении между славянскими и западноевропейскими народами, что они должны почти до полного контраста между ними и едва ли в такой степени испытываются между народами разными друг от друга, отрасли славян-ского племени» (182). Заметил г. К. Михайчук, ссылаясь на статьи проф. Д. Н. Анучина «Вестник» и «Маторуссы» (в «Энциклопедии», «Вестник» и «Вестник», в которых говорится о физическом и этнографическом отличии «Маторуссов» от великоруссов, и, наконец, отъясняет факт провинции «типических черт» в высокой степени оригинальной и резко очерченной индивидуальности народной в событиях всей исторической жизни южно-русского народа, от самого ее начала и до настоящего времени».

Однако, присматриваясь ко всем данным, на которых ссылается г. К. Михайчук, и даже допуская, что они соответствують действительному положению дела и лишены всякой субъективной окраски (что едва ли так), я не могу не поставить такого вопроса: какой же собственно вынол вытекает из этих данных? Да никакой другого, кроме следующего: малоруссы не сомнѣютъ то, что великоруссы, великоруссы не сомнѣютъ, то, что великоруссы, какъ и на-совѣтъ похожи на малоруссовъ, какъ и на-

столь же несомненно единство всех трех великорусских и украинских и т. п. Конечно, каждая из русских народностей по своим индивидуальным чертам, так как иначе нельзя было бы и говорить о существовании каких-либо разнородных данных народа или племени, но вытекает из этого у великоруссов, малоруссов и других русских народностей такое множество общности, что на все три народности нельзя смотреть иначе, как на части одного племени — русского народа. Постыдное положение давно уже стало аксиомой в жизни и науке. Не признают его только некоторые либеральные ученые и публицисты и наши украинские философы, желающие видеть в великоруссах и малоруссах непременно два совершенно самостоятельных и резко отличающихся между собой народа. Къ нимъ примыкает и г. Михайчук, выступивши на страницах «Киевской Старины» с опровержением данного положения, в котором онъ видит не больше, какъ мое личное «убеждение». Къ кричику «рекогносцировка» вниманно статью Н. И. Костомарова «Два русских народности», в которой, по его сло-

этихъ вѣтвей русскаго народа представляетъ свои любопытныя этнографическія особенности. Но этому никогда нѣдѣ никто и не отрицаетъ; никто и не оспариваетъ факта извѣстнаго разнообразія въ русскомъ племennomъ типѣ. Дѣло лишь въ томъ, что такое разнообразіе нисколько не мѣшаетъ единству русскаго народа. Вѣдѣ абсолютнаго единства и не существуетъ въ природѣ; оно всегда заключаетъ въ себѣ и элементы разнообразія. Напримѣръ, никому и въ голову не придетъ отрицать единство данной семьи потому, что одни члены ея имѣютъ свѣтлыя волосы, другіе — темныя, одни съ большою охотой занимаются музыкой, пѣніемъ или литературой, а другіе — предпочитаютъ болѣе практическую дѣятельность, одни отличаются болѣе ровнымъ и спокойнымъ характеромъ, другіе, напротивъ, вспыльчивы и раздражительны и т. д. Вотъ такого единства въ разнообразіи не понимаютъ или не хотятъ понять сторонники украинфильскихъ тенденцій. Но въ ошибочности ихъ взглядовъ легко убѣдиться, если, оставивъ въ сторонѣ великоруссовъ и малоруссовъ, обратить вниманіе на другіе славянскіе народы, напр., на поляковъ, чеховъ, болгаръ, сербо-хорватовъ. Въ средѣ каждаго изъ этихъ народовъ мы встречаемся съ не меньшимъ этническимъ разнообразіемъ, чѣмъ въ средѣ русскаго народа. Такъ, мазуры, слоняки, германе не только по своимъ

нарѣчіямъ, но и по физическому типу и душевнымъ особенностямъ, и по образу жизни, и по обычаямъ значительно отличаются отъ малопольянъ и волынополянъ, и, однако, никто не сомнѣвается въ томъ, что всѣ эти народности составляютъ одинъ польскій народъ. Еще болѣе характерныхъ этнографическихъ отличій находимъ между типическими разновидностями сербо-хорватскаго народа — сербами королевства и черногорцами, далматинцами и босняками, приморскими хорватами и славонцами. Равнымъ образомъ и мораване, особенно наиболѣе типическіе представители ихъ валахи и ганаки, не совсѣмъ похожи на западныхъ чеховъ и тѣмъ не менѣе составляютъ съ ними одно этническое цѣлое. Значительное разнообразіе въ отношеніи языка, обычаявъ, одежды, образа жизни, психическихъ особенностей представляютъ славянскія племена восточной половины Балканскаго полуострова, обитатели Родопа и долины Марци, Балканъ и Придунайской Болгаріи, окрестностей Витоша и Рыла, и, несмотря на всѣ эти частныя этническія отличія, всѣ эти племена признаются разновидностями одного и того же болгарскаго народа.

Въ частности по поводу ссылки на статью Н. И. Костомарова «Двѣ русскія народности» считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Предложенная въ этой статьѣ характеристика двухъ отраслей русскаго народа, на мой взглядъ,

отнюдь не дает оснований заключать о «почти полномъ контрастѣ между ними», какъ это представляется г. К. Михальчуку. Напротивъ, миѣ всегда казалось, что этническія, бытовыя и психическія черты, которыя покойный историкъ присвоиваетъ каждой изъ русскихъ народностей, взаимно дополняютъ одиѣ другія и въ своей совокупности служатъ для характеристики цѣльнаго русскаго этническаго типа. Такъ, между прочимъ, смотрѣлъ на дѣло величайшій и гениальнѣйшій изъ малоруссовъ Н. В. Гоголь. Въ письмѣ къ А. О. Смирновой въ 1844 г. онъ пишетъ: «Скажу вамъ одно слово насчетъ того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсуждений и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ, и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой,—явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слившись

во-едино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ.» (Ср. Н. И. Петровъ. «Очерки Украинской литературы XIX ст.» Кіевъ. 1884. Стр. 201). Во всякомъ случаѣ, Н. И. Костомаровъ, противопоставляя малоруссовъ великоруссамъ, говоритъ отнюдь не о двухъ обособленныхъ народахъ, а о двухъ русскихъ народностяхъ, т. е. о двухъ разновидностяхъ русскаго народа, между которыми признаетъ самую тѣсную связь и близкое племенное и культурное родство. Это видно особенно ясно изъ другой его работы, помѣщенной въ томъ же (первомъ) томѣ «Историческихъ монографій и изслѣдованій», гдѣ находится и упомянутая статья «Двѣ русскія народности». И разумѣю его «Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси». Установивъ положеніе, «что въ первой половинѣ нашей исторіи, въ періодъ удѣльновѣчеваго уклада, народная стихія обще-русская является въ совокупности шести главныхъ народностей (южно-русской, сѣверской, великорусской, бѣлорусской, исковской и новгородской)», авторъ затѣмъ говоритъ: «Теперь слѣдуетъ намъ указать на тѣ начала, которыя условливали между ними связь и служили поводомъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ носили и должны были носить названіе общей Русской земли, принадлежали къ одному общему составу, и признавали эту связь, несмотря на обстоятель-

во-едино, составить собою нечто совершенно новое
въ чуждыя времена» (Ср. Н. Н. Петровъ, «Очерки
Украинской литературы XIX ст.», Киевъ, 1884,
Стр. 201). Но какъ бы, скажи, Н. Н. Костомаровъ,
говоритъ о томъ, что о духахъ, о особенностяхъ
нашихъ народовъ, а о духахъ русскихъ народовъ
нельзя сказать, что о духахъ разнородностихъ рус-
ского народа, между которыми признается самую
тесную связь и близкое племенное и культур-
ное родство. Это видно особенно ясно изъ дру-
гой его работы, посвященной въ томъ же (пер-
воначально) томъ «Историческимъ монографіямъ и вест-
никамъ», гдѣ находится и упомянутая статья
«Духъ русскія народности». Я приведу его «Духъ
о фактивности» начать древней Руси». Уста-
новить положение, что въ первой половине на-
шей истории, въ періодъ культурнаго упадка,
народная стихія общаго русскаго выразилась
въ совокупности шести главныхъ народностей
(южно-русской, сѣверной, западной, восточной, юго-
русской, некорской и новгородской); авторъ за-
тъкъ говоритъ: «Теперь стѣдуетъ намъ указать
на тѣ начала, которыя лежатъ въ основаніи между
ними связь и сложили походы, что въ
онѣ вѣстѣ носили и сложили были носили
названіе общаго Русской земли, признаете-
жали къ одному общему составу, и созна-
вали эту связь, несмотря на различіе»

отнюдь не есть основанія заключать о «нечто
полномъ контрастѣ между ними», какъ это пред-
ставляется г. К. Михайльчукъ. Напротивъ, мы
несколько знаемъ, что этнически, бытовая и пси-
хическая черты, которыя подобны историческимъ
признакамъ каждой изъ русскихъ народностей,
взаимно дополняютъ другъ друга и въ своей
совокупности служатъ для характеристичности
наго русскаго этническаго типа. Такъ, между
прочимъ, смотрѣть на это различіе и ге-
ниальнѣйшій изъ историковъ Н. В. Голубъ. Въ
письмѣ къ А. О. Смирновой въ 1844 г. онъ
пишетъ: «Скажу вамъ одно слово насчетъ того,
какая у меня душа, хохляцкая или русская, по-
тому что это, какъ вьнзку изъ письма вашего,
служило одно время предметомъ разсужденій
и споровъ съ друзьями. На это вамъ ска-
жу, что я самъ не знаю, какая у меня душа,
хохлацкая или русская. Знаю только то, что
никакъ бы не далъ признающаго ни малорос-
славину переду русскимъ, ни русскому переду
малорославинномъ. Объ природѣ славянскихъ
народовъ болтъ, и какъ народно, какъ и изъ
нихъ пороженъ заключаетъ въ себя то, чего нѣтъ
въ другой,—явный знакъ, что онѣ должны по-
полнять одна другую. Для этого самая исторія
на другую, какъ пороженъ воспитались различныя
силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, сдѣлавшись

ства, склонившія къ уничтоженію этого сознанія.» Этими началами, по мнѣнію Н. И. Костомарова, были: происхожденіе, бытъ и языкъ, единый княжескій родъ, христіанская вѣра и единая церковь (Историч. моногр., т. I, 1863, стр. 24).

Итакъ, этническое единство великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ составляетъ неоспоримый фактъ, фактъ науки и жизни, отрицаніе котораго на страницахъ ученаго журнала нужно считать по меньшей мѣрѣ страннымъ недоразумѣніемъ. При этомъ особенно важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что племенное единство русскихъ народностей не только существуетъ какъ явленіе природы, которое можетъ быть предметомъ ежедневнаго наблюденія и изученія, но всегда жило и живетъ въ сознаніи самихъ народностей. Крѣпко было это сознаніе въ древней Руси, не заглохло оно въ тяжелые вѣка политическаго разобщенія русскаго сѣвера и юга и яркимъ пламенемъ вспыхнуло въ XVII в., когда въ эпоху Богдана Хмельницкаго облегчало сліяніе Малой и Великой Руси въ одно государство. Наконецъ, и въ настоящее время племенное единство живо сознается всѣми вѣтвями русскаго народа, не исключая и зарубежной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской), находящейся въ крайне тяжелыхъ условіяхъ политическаго и національнаго существованія.

Крѣпости сознанія племенного единства какъ у великоруссовъ, такъ у малоруссовъ и бѣлоруссовъ содѣйствовало и содѣйствуетъ единство вѣры и связанная съ этимъ общность многихъ основныхъ началъ образованности.

Фактъ этническаго единства всѣхъ вѣтвей русскаго народа—великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ—самъ по себѣ, независимо отъ политическихъ причинъ и обстоятельствъ, предполагаетъ единеніе всѣхъ ихъ въ одномъ общемъ литературномъ и образованномъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи русскій народъ долженъ былъ слѣдовать тому общему закону культурнаго развитія, которому слѣдовали и другіе великіе народы Европы стараго и новаго времени,—греки, римляне, французы, нѣмцы, англичане и итальянцы,—создавшіе свои общіе литературные языки, которые съ теченіемъ времени получили міровое значеніе. Вышнія политическія обстоятельства только содѣйствовали естественному ходу вещей, намѣчая пути и направленія, по которымъ должно было двигаться великое дѣло созданія книжнаго единенія для всѣхъ частей русскаго народа. Сплоченіе въ одномъ могущественномъ государствѣ всѣхъ разновидностей русскаго народа (за исключеніемъ 3¹/₂ милліоновъ австро-угорскихъ малоруссовъ) облегчило и узаконило образованіе общаго для всѣхъ ихъ литературнаго языка.

Въ настоящее время русскій народъ и обла-

даетъ такимъ общимъ литературнымъ языкомъ, которому съ полнымъ правомъ присвоится названіе обще-русскаго. Въ вѣтви русскаго народа одинаково имъ пользуются какъ языкомъ школы, науки, литературы и общественной жизни. Только среди трехъ съ половиной миллионнъ малоруссовъ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси наблюдаются болѣе или менѣе значительныя помѣхи широкому употребленію нашего обще-русскаго литературнаго языка, но и тамъ онѣ имѣютъ не мало своихъ почитателей и сторонниковъ. Зато, значеніе обще-русскаго языка распространяется далеко за предѣлы этнографической Руси. Служа органомъ богатой научной и художественной литературы, снискавшей себѣ извѣстность и уваженіе у величайшихъ культурныхъ народовъ Западной Европы, онѣ исполняетъ роль языка образованнаго у многочисленныхъ не-русскихъ народовъ, входящихъ въ составъ Русскаго государства, все болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе южныхъ и западныхъ славянъ и по площади распространенія не уступаетъ ни одному другому міровому языку.

Развитіе обще-русскаго литературнаго языка имѣетъ свою длинную исторію, главные фазисы которой находятъ себѣ соотвѣтствіе въ тысячелѣтнемъ ходѣ политической и культурной жизни русскаго народа. Русскій книжный и образованный языкъ создавался постепенно въ теченіе

длиннаго ряда столѣтій, при живомъ участіи всѣхъ вѣтвей русскаго народа, изъ которыхъ каждая внесла изъ своего діалектическаго разнообразія свою лепту въ обще-русскую духовную сокровищницу. Въ древнемъ періодѣ (X в.—XIV в.) въ письменности господствовалъ языкъ церковно-славянскій или т. н. славяно-русскій языкъ, служившій однимъ изъ главныхъ средствъ культурнаго единенія дробныхъ русскихъ племенъ, мелкихъ княжествъ и народоправствъ. Только въ памятникахъ изъ сферы юридической и государственной выступаетъ въ болѣе чистомъ видѣ живая народная рѣчь, при томъ съ различными діалектическими отбѣнками. Однако, въ этотъ періодъ ни одинъ изъ областныхъ діалектовъ не получилъ гегемоніи надъ прочими и не возвысился до роли самостоятельнаго языка. Зато, между всѣми ими поддерживался самый живой и непрерывный взаимный обмѣнъ. Въ среднемъ періодѣ (XV в.—XVII в.), когда Русь въ политическомъ отношеніи дѣлилась на двѣ половины, восточную и западную, московскую и польско-литовскую, въ каждой изъ половинокъ сохранялось свое значеніе языка литературнаго языка церковно-славянскій, но рядомъ съ нимъ развиваются и къ концу періода получаютъ условную устойчивость два особыхъ, довольно искусственныхъ книжныхъ языка—восточно-русскій и западно-русскій. Сходство между ними

длиннато рѣка столѣтій, при живомъ участіи
всѣхъ вѣтвей русскаго народа, изъ которыхъ
каждая несетъ изъ своего дѣлественнаго разво-
образія свою лепту въ общее русскую духовную
собранинницу. Въ древнѣхъ періодахъ (X в.—
XIV в.) въ незначительности господствовало языкъ
церковно-славянской или т. н. славяно-русской
языкъ, служившій орудіемъ изъ главныхъ средствъ
культурано образованія русскихъ русскихъ не-
менѣ, мѣстныхъ книгъ и народонаселенія.
Только въ наметившихъ изъ сферы юрисдикціи
и государственной власти въ болѣе чистотѣ
и государственной власти въ болѣе чистотѣ
идѣе жизни народной рѣчь, при томъ съ раз-
личными диалектными отклоненіями. Однако,
въ этотъ періодъ не орудіе изъ образованныхъ
дѣлествовать не получило господства надъ прочими
и не возникло изъ болѣе самостоятельнаго языка.
Зато, между всѣми или по крайней мѣрѣ
живой и непосредственной взаимной ообщеніи. Въ
среднѣхъ періодахъ (XV в.—XVII в.), когда Русь въ
политическомъ отношеніи дѣлилась на двѣ по-
ловинны, восточную и западную, московскую и
польско-литовскую, въ каждой изъ половинъ
сохраняется свое значеніе языка литературнаго
языкъ церковно-славянской, но рядомъ съ нимъ
развиваются и къ концу періода получаютъ
исключительныхъ книжныхъ языкъ—восточно-ру-
сскій и западно-русскій. Сходство между ними

даетъ такія общія литературныхъ языковъ,
которому съ полнотой привносится на-
звание общерусскаго. Въ этотъ русскаго на-
рода орудіе изъ неслыханно изъ вѣдомъ
школа, науки, литературы и общественной жи-
зни. Только среди трехъ съ позитивной митохон-
маторсовъ Латинкой, Буквиной и Чуждой
Русь выходяются болѣе или менѣе значитель-
ныя помѣхи широкому употребленію нашего
общерусскаго литературнаго языка, но и такъ
онъ издѣтъ не мало своихъ почитателей и сто-
ронниковъ. Зато, значеніе общерусскаго языка
распространяется далеко за пределы этнографіи-
ческой Руси. Слова ораторъ болѣе той научной
и художественной литературы, снискавшей себѣ
извѣстность и уваженіе въ незначительныхъ куль-
турныхъ народахъ: французской, отъ неслы-
шавъ роль языка образованнаго въ многочислен-
ныхъ нерусскихъ народахъ, входящихъ въ со-
ставъ русскаго государства, все болѣе привле-
каетъ къ себѣ вниманіе коммунъ и западныхъ
славянъ и по поводу ихъ распространенія не усту-
паетъ ни одному изъ мировыхъ языковъ.
Развитіе общерусскаго литературнаго языка
имѣетъ свою длинную исторію, главныя фазисы
которой назовутъ себѣ соответствіе въ тысяче-
лѣтнемъ ходѣ политическою и культурной жизни
русскаго народа. Русскій книжный и образова-
тельный языкъ создавался постепенно въ теченіи

заключалось въ томъ, что и тотъ и другой содержали въ себѣ значительное количество церковно-славянизмовъ, а различіе состояло въ томъ, что въ западно-русскомъ языкѣ къ церковно-славянскимъ элементамъ примѣшивались, кромѣ многочисленныхъ полонизмовъ, элементы народныхъ говоровъ то бѣлорусскихъ, то чернорусскихъ, то украинскихъ, при чемъ послѣдніе въ концѣ концовъ возобладали, а въ восточно-русскомъ церковно-славянская основа рѣчи была истреблена элементами живыхъ великорусскихъ говоровъ, преимущественно московскаго. Дуализмъ этотъ, однако, не мѣшалъ и въ средній періодъ извѣстному взаимодействию областныхъ говоровъ, такъ что не было полной обособленности между восточно-русскимъ и западно-русскимъ книжными языками. Такъ, напр., князь Курбскій, выходецъ изъ Москвы, принималъ дѣятельное участіе въ западно-русской литературѣ, на ряду съ княземъ Острожскимъ, конечно, приспособляясь къ нормамъ мѣстнаго книжнаго языка. Церковно-славянская грамматика западно-русса Мелетія Смотрицкаго (1619 г. въ г. Вильнѣ), Катихизисъ Лаврентія Зизанія и Краткое исповѣданіе вѣры (1645 г. Кіевъ) были переизданы въ Москвѣ вскорѣ послѣ появленія оригиналовъ въ предѣлахъ Западной Руси и пользовались широкимъ распространеніемъ на востокъ не только въ XVII в., но и въ XVIII в. Кіевскіе уче-

нне: Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій, Симеонъ Кохановскій работали въ области литературы въ Москвѣ съ не меньшимъ усѣхомъ, чѣмъ въ Кіевѣ, и содѣйствовали перенесенію въ Москву не только западно-русской учености, но также и нѣкоторыхъ особенностей западно-русскаго книжнаго языка.

Новый періодъ въ развитіи русскаго образованнаго языка (XVIII в.—XIX в.) ознаменовался прежде всего сліяніемъ западно-русскаго языка съ восточно-русскимъ въ одинъ общерусскій языкъ. Это сліяніе послѣдовало непосредственно за политическимъ соединеніемъ Малороссіи съ Московскимъ царствомъ. Затѣмъ съ Петровской эпохи постепенно прекратился старый книжный дуализмъ въ предѣлахъ русскаго государства: языкъ дѣловой (грамоты, актовъ, статейныхъ списковъ, судебныхъ и проч.), пропитанный элементами народныхъ говоровъ, мало-по-малу сливается съ славяно-русскимъ, захватывая вмѣстѣ съ тѣмъ всю область не только государственной и общественной, но и литературной жизни. Дальнѣйшій процессъ развитія русскаго образованнаго языка, завершившійся выработкой того типа его, какой наблюдается въ настоящее время, состоялъ въ томъ, что, благодаря замѣчательной литературной дѣятель-

ности Ломоносова, Карамзина, Крылова, Пушкина и многочисленных ихъ послѣдователей, церковно-славянскіе элементы отошли на задній планъ, уступивъ свое мѣсто стихіямъ живой народной рѣчи. Совершенно естественно, что въ силу историческихъ и политическихъ условій великорусское нарѣчіе (преимущественно московскій его говоръ) заняло первенствующее положеніе въ ново-русскомъ образованномъ языкѣ, опредѣливъ его типъ главнѣйше въ звуковомъ отношеніи. Такъ всегда бываетъ при образованіи литературныхъ языковъ: одно нарѣчіе или говоръ вълѣдствіе чисто внѣшнихъ причинъ возвышается надъ другими, получаетъ надъ ними гегемонію и составляетъ фронтъ возникающаго литературнаго языка. Но, помимо основной великорусской стихіи, нашъ образованный языкъ принялъ въ себя не мало стихій изъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ. Передатчиками этихъ стихій, помимо уже раньше полученнаго наслѣдія, были многочисленные ученые и поэты выходцы изъ Западной Руси, писавшіе на томъ же книжномъ языкѣ, средоточіемъ котораго была Москва и вообще Восточная Русь. Такъ для XVIII в. достаточно назвать: духовныхъ писателей Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго, Анастасія Братановскаго, Іоанна Леванду, проповѣдника и историка Георгія Конисскаго, путешественника Василя Гри-

горовича Барскаго, поэта Ипполита Богдановича и др.: для XIX ст.: Гибдича, Гоголя, С. Елиску, Гребенку, Некрасова, Костомарова, Гр. Данилевскаго, Вс. Крестовскаго, Марко-Вовчка, Мордочева и мн. др. Такимъ образомъ, современный русскій литературный и образованный языкъ нужно считать плодомъ многовѣковой культурной работы передовыхъ людей всего русскаго народа. Онъ созданъ общими усиліями всѣхъ его вѣтвей и потому составляетъ для всѣхъ ихъ одинаково драгоценное достояніе *).

Нѣкоторые галицкіе ученые и публицисты и наши украинофилы держатся иного взгляда на происхожденіе обще-русскаго образованнаго языка; отрицая въ немъ присутствіе разнородныхъ диалектическихъ стихій, они считаютъ этотъ языкъ специально «великорусскимъ». Къ сторонникамъ послѣдняго мнѣнія принадлежитъ и г. К. Михальчукъ, выступившій съ рѣзкимъ осужденіемъ вышеуказанной точки зрѣнія, сказано изложенной уже въ первой моей статьѣ (въ «Универ. Изв.»). Въ своихъ доводахъ, направленныхъ противъ меня, онъ ссылается помимо гимназическихъ

*) Въ приведенныхъ выше замѣчаніяхъ объ историческомъ развитіи обще-русскаго литературнаго языка я ограничиваюсь передачей общепризнанныхъ въ наукѣ положеній, сказано изложенныхъ въ известномъ томицикѣ проф. А. С. Будиловича «Обще-славянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы». Т. II, стр. 238—260.

*) Въ приведенныхъ выше замѣчаніяхъ отъ историче-
ского развитія обще-русскаго литературнаго языка в отря-
женіи, скаго положенія въ развитіи совннениі проф-
А. С. Буайловича «Обще-славянскій языкъ въ два друпихъ
ошнхъ языковъ древней и новой Европы». Т. II, стр. 288—290.

*) Въ приведенныхъ выше замѣчаніяхъ отъ историче-
ского развитія обще-русскаго литературнаго языка в отря-
женіи, скаго положенія въ развитіи совннениі проф-
А. С. Буайловича «Обще-славянскій языкъ въ два друпихъ
ошнхъ языковъ древней и новой Европы». Т. II, стр. 288—290.

юванна Левану, проповѣдника и историка Ле-
вита Флоринскаго, Авдеева Братовскаго,
духовныхъ писателей Амвросія Юшкевича, Ки-
кая Русь. Тартъ для XVIII в. достаточно назвать:
точнее котораго была Москва и вообще Восточ-
писавше на томъ же книжномъ языкѣ, средо-
ученые и поэты выходцы изъ Западной Руси,
полученнаго наставія, были многочисленныя
Перевѣтчики этихъ стихій, ножию уже раньше
изъ маюрусскихъ и оторусскихъ поворотъ.
Ваннй языкъ принять въ себя не мало стихій
основной великорусской стихіи, нашъ образо-
никающаго литературнаго языка. Но, пожию
нашъ нми телекою и составлять фондъ воз-
причинъ возвышается нашъ языкъ, получаеъ
рѣче или поворъ жѣтѣвые чисто вышннхъ
образованнхъ литературныхъ языковъ: оіно на-
ководъ отиошеніи. Тартъ жеіа блжастъ при
языкъ, опредѣляя его типъ главнѣше въ язы-
показаніе въ ново-русскомъ образованномъ
сковскій его поворъ) жанию превнствующе
вѣлкорусское нарѣче (прежннственнаю мо-
въ снду истрнческнхъ и политнческнхъ условнхъ
народной рѣчи. (Очерменно отественно, что
павнъ, устунннъ свое жѣво стихнхъ жпной
перкомно-славннчскіе элементн на заупн
кннн и мноючнственнхъ ихъ пострѣоствелъ.
юкнн Доконовн, Карамзнн, Крылова, Луи-

учебниковъ, главнѣйше на сужденіе проф. А. И. Соболевскаго, который въ своемъ «Очеркѣ русской диалектологии», характеризуя южно-великорусское или какое-то поднорвичіе, между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ литературнымъ или общерусскимъ языкомъ. Центръ и родина его — Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ». Но это сужденіе проф. А. И. Соболевскаго, очевидно, не имѣетъ того смысла, какой видятъ въ немъ г. К. Михальчукъ. Оно указываетъ лишь на особенную близость московскаго говора къ общерусскому образованному языку, а отнюдь не на полное тождество этого говора съ литературнымъ языкомъ. Это ясно видно изъ слѣдующаго мѣста труда проф. Соболевскаго, которое также приводитъ г. К. Михальчукъ: «Московский простонародный и подмосковный говоръ никакихъ звуковыхъ особенностей не имѣетъ, и главное отлччіе его отъ литературнаго говора — въ формахъ и словарномъ матеріалѣ, который хотя и извѣстенъ образованнымъ людямъ, но считается вульгаризмами». Слѣдовательно, проф. А. И. Соболевскій отмѣчаетъ въ русскомъ образованномъ языкѣ присутствіе элементовъ московскаго говора, какъ господствующей

щей стихіи. Но, вѣдь и я не только не отрицаю этой общезвѣстной истины, а напротивъ прямо указываю на великорусскій фонъ нашего литературнаго языка, когда (на страницахъ «Унив. Извѣстій») писалъ, что «великорусская стихія занимаетъ въ немъ первенствующее, но не исключительное мѣсто». Я увѣренъ, что ни проф. А. И. Соболевскій, и никакой другой ученый, вдумывавшійся въ вопросъ о составѣ общерусскаго образованнаго языка, его возникновеніи и развитіи, не будетъ возражать противъ слѣдующихъ выставленныхъ мною положеній: 1) Современный общерусскій литературный языкъ далеко не вполне тождественъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ или однимъ изъ его говоровъ; 2) языкъ этотъ представляетъ собой организмъ, довольно сложный по диалектическимъ и историческимъ наслоеніямъ; 3) великорусское нарѣчіе или, точнѣе, московскій говоръ составляетъ въ общерусскомъ образованномъ языкѣ господствующую стихію, опредѣлившую его типъ преимущественно въ звуковомъ отношеніи; 4) кромѣ преобладающей великорусской стихіи въ общерусскомъ образованномъ языкѣ участвуютъ стихіи малорусская и бѣлорусская (преимущественно въ лексикѣ); 5) церковно-славянскій языкъ имѣетъ огромное вліяніе на развитіе общерусскаго литературнаго языка въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, такъ что церковно-славянская стихія и

теперь занимаетъ въ немъ довольно видное мѣсто; б) большіе образованные языки Западной Европы (особенно французскій и нѣмецкій) также имѣли нѣкоторое вліяніе на лексическій составъ общерусскаго литературнаго языка.

Доказывать вѣрность всѣхъ этихъ положеній путемъ анализа самаго литературнаго языка и въ частности опредѣлять удѣльный вѣсъ вошедшихъ въ него стихій малорусской и бѣлорусской—едва ли удобно въ настоящемъ трудѣ общаго характера. Зато, кажется, будетъ вполне уместно указать здѣсь, что изложенный выше взглядъ на образованіе общерусскаго литературнаго языка находится въ полномъ согласіи съ мнѣніями, высказанными по тому же вопросу двумя нашими извѣстными славистами. Проф. В. И. Ламанскій въ своей замѣчательной работѣ «Национальности италянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ» (Отеч. Записки 1864, Ноябрь, стр. 187), выражая свое несочувствіе «тѣмъ великорусскимъ патріотамъ, которые позволяютъ себѣ нападки на всѣ попытки малорусскихъ писателей», между прочимъ говоритъ: «Въ этомъ отношеніи они поступаютъ очень неблагоуразумно и неосторожно, поддерживая ложную мысль о нашемъ литературномъ языкѣ, какъ будто онъ есть чисто великорусскій. По своему происхожденію и образованію, онъ есть общее до-

стояніе Великой, Малой и Бѣлой Руси»... Проф. А. С. Будиловичъ, самъ специально работавшій надъ исторіей русскаго и другихъ славянскихъ языковъ, утверждаетъ, что «въ взаимодѣйствіи всѣхъ областныхъ разнорѣчій въ выработкѣ нашего образованнаго языка составляетъ важное его преимущество передъ другими, имѣющими болѣе узкую діалектическую почву». («Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы». Т. II. Варшава. 1892. Стр. 250). Тотъ же ученый пишетъ: «Правда, количество вкладовъ въ общій языкъ, сдѣланныхъ съ XVIII вѣка разнорѣчіями великорусскими, несравненно больше, чѣмъ со стороны разнорѣчій малорусскихъ, благодаря чему и самый типъ нашего языка значительно ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Но эта близость не доходитъ до тожества и не исключаетъ важности услугъ, оказанныхъ общему языку бѣлоруссами и малоруссами. Они имѣютъ вслѣдствіе того полное право называть этотъ языкъ плодомъ и своихъ усилій на поприщѣ общественно-литературномъ»... (Тамъ же).

Наконецъ, въ заключеніе, сошлюсь еще на любопытное мнѣніе покойнаго львовскаго профессора Ем. Огоновскаго, пользующагося большимъ авторитетомъ у галицкихъ и нашихъ украинофиловъ. Въ своемъ сочиненіи, Studien

теперь занижается въ немъ, довольно нисше н-го
 сто; б) больше образованные языки (латинскій, французскій и итальянскій) так-же имѣли нѣкоторое влияние на лексическій составъ общерусскаго литературнаго языка.

Иногда вѣрнѣе сказать, что въ языкѣ, положенннхъ литературнаго языка и путижъ анализа сакнаго литературнаго языка и въ частности опредѣлнть утѣбный въсь юнскн-пнхъ въ нѣко стнхнхъ малорусской и белорусской—сѣмъ ли угодно въ настоинемъ трыть о-цнто характера; зато, кажется, будетъ ннотнть утѣбно указать ать, что нзложенннхъ ннне взлзуть на образование общерусскаго литературнаго языка находнтся въ полномъ согласнн съ ннѣннхн, выказанными по тому же вопросу дѣлня нашнми ннѣннхнми стнннхнми. Проф. В. И. Ланскнхъ въ своей замѣчательной работѣ «Национальность итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеннхъ» (Отеч. Записки 1864, Новоръ, стр. 187), выражая свое несочувствнн «тъмъ великорусскнхъ патрнотамъ, которые позволяютъ себѣ нападки на всѣ попытки малорусскихъ писателей», между прочимъ говорить: «Въ этомъ отношеннн онъ поступаетъ очень неосторожно и неосторожно, подрывая ложную мысль о нашемъ языке литературномъ языкѣ, какъ будто онъ есть ннсто великорусскнй. По своему происхожденню и образованню, онъ есть общее до-»

стояние Великой, Малой и Бѣлой Руси»... Проф. А. С. Будиловскнхъ, какъ спеціально работавшнхъ надъ историческимъ и другимъ ставннхъ языкнхъ, утверждаетъ, что «важно-дѣнствннхъ въхъ областныхъ разнорѣчнхъ въ языкѣ нашего образованнаго языка составляетъ важное его преимущество передъ другими, ннѣннхнми бодте языкнхъ диалектнхъскую поруку». (Общественннхъ языкѣ въ рѣкѣ днхъ пнхъ общнхъ языкнхъ, Дрениннхъ и нннхъ Кнроннхъ Т. II. Варшава, 1892, стр. 250). Тотъ же ученый писатель: «Правда, конечно въ ннѣннхъ въ общнхъ языкѣ, стнннхнхъ съ XVIII вѣка разнорѣчнхъ языкнхъ великорусскнхъ, несравненно больше, чѣмъ въ ннѣннхъ разнорѣчнхъ малорусскнхъ, ставннхъ въ ннѣннхъ языкѣ значительнаго чѣмъ и самымъ типъ нашего языка значительнаго бодте къ нерывнхъ, чѣмъ къ послѣдннхъ. Но эта бодте не доходить до тожества и не исключаетъ важности услнхъ, оказанныхъ общему языку белорусскнхъ и малорусскнхъ. Онн имѣютъ вѣднствннхъ тою полное право называть этотъ языкѣ диалектъ и свонхъ языкнхъ на ннѣннхъ обществннхъ - литературномъ»... (Тамъ же).

Наконечнхъ, въ заключенннхъ, сообщается еще на ннѣннхъ мнѣннхъ покойнаго львовскаго профессора К. М. Отоновскаго, похвалннхъсь болншнхъ пнхъ авторитетомъ у ннѣннхъ, и нашнхъ украинификаторъ. Въ своемъ сочиненннхъ, Studien

auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache (Lemberg. 1880), ont' отстаннеть мысль, что «лексический и грамматический материал русинскаго (т. е. малорусскаго) языка былъ въ XVIII ст. и XIX ст. такъ поглощенъ московскимъ нарѣчьемъ, что новый языкъ принялъ даже атрибутъ русскаго» и затѣмъ, варьируя это положеніе на разные лады, утверждаетъ, что «богатые запасы языка малорусской націи въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій были систематически эксплуатируемы въ пользу московскаго нарѣчія», что «нынѣшній русскій языкъ произошелъ изъ смѣси московскаго нарѣчія, русинскаго (т. е. малорусскаго) и церковно-славянскаго» и что «великорусскій языкъ могущественно развился на счетъ малорусскаго» *). Конечно, во всѣхъ этихъ сужденіяхъ не мало странныхъ преувеличеній; тѣмъ не менѣе засвидѣтельствованіе со стороны

*) Freilich kann nicht in Abrede gestellt werden, dass das Ruthenische sich in einem sonderbaren Verhältnisse zum Russischen befindet, dass namentlich das lexicale und grammatische Material jener Sprache im XVIII und XIX Jahrhunderte vom moskowitischen Dialecte dergestalt absorbiert wurde, dass sogar das Attribut *русскій* (russisch) von der neu-geschaffenen Sprache adoptirt ward (S. 8). — Der Sprachschatz dieser Nation wurde nun, seit zwei Jahrhunderten zu Gunsten des moskowitischen Dialectes systematisch ausgebeutet... Während also das heutige Russische aus einem Gemisch des moskowitischen Dialectes, der ruthenischen und kirchensla-

малорусскаго ученаго филолога факта присутствія элементовъ малорусской рѣчи (при томъ въ широкомъ объемѣ) въ обще-русскомъ литературномъ языкѣ представляетъ собою явленіе, столь же характерное, сколько поучительное для тѣхъ, кому хочется во что бы ни стало объявить нашъ образованный языкъ за специально великорусскій.

Итакъ, твердо держась почвы несомнѣнныхъ фактовъ и бесспорныхъ научныхъ выводовъ, едва ли можно допустить малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что обще-русскій литературный и образованный языкъ созданъ общими усиліями великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ и составляетъ общее достояніе всего русскаго народа.

wischen Sprache entstanden ist. — Ist es nun möglich, dass die Kleinrussische Sprache in die niedere Rangordnung eines Dialectes deshalb herabsteige, weil das Grossrussische auf ihre Kosten sich mächtig ausgebildet hat? (S. 15).

III.

Малорусская литература прежде и теперь; отношение ея къ обще-русской литературѣ.

«Поднимать малорусскій языкъ до уровня образованнаго литературнаго въ высшемъ смыслѣ, пригоднаго для всѣхъ отраслей знанія и для описанія человѣческихъ обществъ въ высшемъ развитіи—была мысль соблазнительная, но ея несостоятельность высказалась съ перваго взгляда. (Н. П. Костомаровъ, «Малорусская литература». Въ сборникѣ Н. Б. Гербеля «Поэзія славянъ». Спб., 1871. Стр. 162).

Для всякаго большаго народа, слагающагося изъ нѣсколькихъ меньшихъ близко родственныхъ этническихъ разновидностей созданіе общаго литературнаго и образованнаго языка составляетъ дѣло первой необходимости и высокой важности. Только обладая такимъ языкомъ, нація получаетъ средства какъ для возможно полнаго раскрытія всѣхъ своихъ духовныхъ силъ, такъ и для широкаго участія въ міровомъ культурномъ движеніи; только при такомъ условіи она имѣетъ возможность создать богатую литературу, сдѣ-

лать цѣнные вклады въ науку, а равно упрочить свое политическое могущество и приобрести нравственное вліяніе среди другихъ большихъ и малыхъ народовъ. Понятно, что такой общій литературный и образованный языкъ, какъ созданіе всѣхъ этническихъ разновидностей одного народа, имѣетъ для всѣхъ ихъ значеніе общаго драгоценнаго достоянія, служить предметомъ народной гордости, самаго внимательнаго попеченія и ухода. Подобно другимъ великимъ народамъ Европы и русскій народъ обладаетъ такимъ могучимъ, прекрасно выработаннымъ литературнымъ и образованнымъ языкомъ, который созданъ, какъ уже было разъяснено, общими усиліями всѣхъ вѣтвей націи. Въ виду такого безспорнаго факта возникаетъ вопросъ: насколько необходимо и полезно для каждой изъ русскихъ народностей при пользованіи выработаннымъ общерусскимъ языкомъ, какъ органомъ науки, литературы и высшей образованности, развивать и разрабатывать также свои частныя нарѣчія и создавать на нихъ свои особыя литературы? На вопросъ этотъ можетъ быть двойкій отвѣтъ въ зависимости отъ того, какъ понимать и опредѣлять содержаніе и задачи такихъ частныхъ литературъ.

Если дѣло идетъ о присвоеніи каждому изъ русскихъ нарѣчій тѣхъ функций языка литературнаго и образованнаго, какія уже давно испол-

затъ цѣныяе вкату въ науку, а равно уро-
 праживенное каине срѣи урѣихъ болыпихъ
 и кагахъ народовъ. Иовито, что такой общи
 литературный и образованный языкъ, какъ созда-
 не языкъ этническихъ разностией одного
 народа, илеть для всѣхъ въ значеиіе общаго
 культурнаго достоянн, стужитъ предѣломъ на-
 родной культуры, само внимательнаго пооче-
 ны и ухаа. Иудобо урѣихъ великихъ наро-
 дахъ Европы и русскнхъ народахъ такиаъ
 коучникъ, преградо образованннхъ литерату-
 рахъ и образованный языкъ, которнн со-
 зданъ, какъ уже было разлнсно, общнми ус-
 лннн всѣхъ вѣтвей націи. Въ виду такоао бо-
 спорнаго факта возннкаетъ вопросъ: насколько
 необходимо и поазано для каждой изъ русскнхъ
 народностей при пользованнн развитанныаъ
 общерусскнхъ языкъ, какъ органъ науки,
 литературы и вышен образованности, называтъ
 и разрабатывать также свои частныя нація и
 создавать на ннхъ свои особыя литературы? На
 вопросъ этотъ можетъ быть дѣнокн отвѣтъ въ
 зависимости отъ того, какъ поннать и опре-
 дѣлтъ содержаніе и задачу такихъ частныхъ ли-
 тературъ.

Малорусская литература прежде и теперь; отно-
 шеніе ея къ обще-русской литературѣ.

«Поннать малорусскнй языкъ до уровня образованнаго
 литературнаго въ вышешъ смелѣ, приуготово для всѣхъ
 отраслей знанн и для описанн чужбескнхъ обществъ
 въ вышешъ развитн—ола языкъ общннственна, но
 ея несостоятельность выказана съ пераго вѣднн-
 (Н. И. Костомаковъ, «Малорусская литература». Въ сборннхъ
 Н. В. Гербога «Лоснн свавръ». (но, 1871. Стр. 162).

«Та неважно болыпоа народа, свавоупаюса
 нъ нѣсколькнхъ меньшнхъ бнзко роственнхъ
 этническихъ разностией созданіе общаго ли-
 тературнаго и образованнаго языка составляеть
 дѣло первой необходимости и высокой важности.
 Только общаа такиа языкъ, нація полу-
 чаеть срѣдства какъ для возможно познаго рас-
 культа, такъ своихъ духовныхъ силъ, такъ и
 для ширеаго участн въ міровомъ культурномъ
 движенн; только при такомъ участн она иметъ
 возможность создать болыаую литературу, съ-

III

няются общерусскимъ языкомъ, то отвѣтъ на поставленный вопросъ можетъ быть только отрицательный. Одинъ народъ не можетъ нуждаться въ двухъ или даже трехъ образованныхъ и литературныхъ языкахъ. Стремленіе присвоить тому или другому русскому нарѣчію роль языка науки и высшей образованности должно представляться дѣломъ такъ же трудно осуществимымъ, какъ и безцѣльнымъ и бесполезнымъ. Созданіе всякаго новаго образованнаго языка требуетъ отъ народа большихъ усилій и трудовъ, массы энергіи и много времени. Но для чего же народу вторично браться за работу, которая имъ была уже успѣшно продѣлана въ теченіе ряда вѣковъ и дала ему то, что ему нужно и что его выдвинуло въ рядъ великихъ образованныхъ націй. Наконецъ, если бы эта вторичная трудная работа была съ успѣхомъ доведена до конца и часть русскаго народа овладѣла своимъ особымъ литературнымъ и образованнымъ языкомъ, то это событіе имѣло бы отрицательное значеніе въ исторіи Руси: оно вносило бы въ ея духовную жизнь литературный сепаратизмъ или расколъ, разрывало бы созданное вѣками культурное единство народа, создавало бы помехи широкому развитію его умственной дѣятельности и ослабляло бы ея политическое могущество. Всѣ эти явленія, конечно, не могли бы означать историческаго прогресса рус-

скаго народа, а знаменовали бы возвращеніе его къ старымъ временамъ партикуляризма и раздробленности.

Совсѣмъ иной отвѣтъ на поставленный вопросъ можно дать, если развитіе литературъ на простонародныхъ русскихъ нарѣчіяхъ разумѣть въ болѣе узкихъ рамкахъ, въ смыслѣ одного изъ проявленій этнографической индивидуальности каждой русской народности, безъ присвоенія областнымъ нарѣчіямъ высшихъ функций, выполняемыхъ общерусскимъ языкомъ. Такая разработка областныхъ нарѣчій имѣетъ за собой извѣстное основаніе, какъ явленіе, до нѣкоторой степени естественное, хотя и не необходимое. Подобныя частныя литературы по существу своему бываютъ прежде всего простонародными и въ своихъ задачахъ обыкновенно не выходятъ изъ круга этнографическихъ интересовъ. Онѣ не могутъ занимать самостоятельнаго положенія въ ряду прочихъ большихъ литературъ и должны довольствоваться скромною ролью подл-литературъ, служащихъ дополненіемъ къ главной общей литературѣ.

Существованіе такихъ второстепенныхъ диалектовъ и побочныхъ литературъ наблюдается у многихъ великихъ націй. Такъ, рядомъ съ обще-французскимъ литературнымъ и образованнымъ языкомъ, въ Южной Франціи употребляется провансальское нарѣчіе, имѣющее свою литера-

туру; рядомъ съ общенѣмецкимъ языкомъ держится въ живомъ употребленіи и въ письменности нѣкое-нѣмецкое нарѣчіе; обще-италианскій литературный языкъ (основанный на тосканскомъ нарѣчій) не устраняетъ употребленія въ народныхъ массахъ и простонародной литературѣ частныхъ нарѣчій—неаполитанскаго, сицилійскаго, венеціанскаго и др. Но всѣ эти областныя діалекты указанныхъ народовъ не заявляютъ ни малѣйшаго стремленія вступать въ какое-либо соперничество съ общими литературными и образованными языками и присвоивать себѣ принадлежашія послѣднимъ функции языка: науки, школы, государственной и общественной жизни. Нѣмцы не только въ разныхъ концахъ Германіи, но въ Австріи и въ другихъ странахъ, образуютъ въ наукѣ и литературѣ одинъ общій образованный языкъ—языкъ Лютера, Лессинга, Канта, Гете и Шиллера. Равнымъ образомъ и обще-французскій языкъ во всѣхъ углахъ Франціи, не исключая Прованса, вполне сохраняетъ свое значение органа науки и высшей образованности. Однородный порядокъ вещей нужно признать единственно возможнымъ и правильнымъ и по отношенію къ русскому народу и его этническимъ разновидностямъ.

Здѣсь дѣло представляется въ такомъ видѣ. Бѣлорусская народность, численною превышающая шесть милліоновъ, не проявила особаго

стремленія къ обработкѣ своего нарѣчія. Немногочисленныя попытки употребленія этого нарѣчія въ областной письменности остались безъ всякаго успѣха. Бѣлоруссы вполне довольствуются обще-русскимъ языкомъ и обще-русской литературой. Не то видимъ у другой русской народности. На малорусскомъ нарѣчій уже сто лѣтъ существуетъ и развивается областная литература, имѣющая свою исторію. Возникла она въ нашей Украинѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія и всего лѣтъ тридцать назадъ была перенесена въ предѣлы Заграничной Руси, главнѣйше въ Галичину, гдѣ и пустила довольно глубокія корни. Эта литература представляетъ одно большое дарованіе въ лицѣ поэта Шевченка, нѣсколько болѣе или менѣе видныхъ писателей—беллетристовъ и драматурговъ (каковы, напр., Котляревскій, Гулак-Артемювскій, Квитка, Кулишъ, Костомаровъ, Марко-Вовчокъ, Франко, Кропивницкій и др.) и значительное число посредственныхъ и даже бездарныхъ дѣятелей въ разныхъ областяхъ письменности. Исходнымъ пунктомъ этой литературы было вполне естественное чувство—любовь къ родному слову и поэтическимъ произведеніямъ на родномъ языкѣ. До недавняго сравнительно времени она оставалась литературой по преимуществу простонародной или же народной въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; содержаніе ея не выходило изъ кру-

га задачъ, какими обыкновенно характеризуются областныя литературы. На первомъ мѣстѣ въ ней стояло изображеніе малорусскаго народа, его быта, его поэтическихъ воззрѣній, его прошлаго, при чемъ на малорусскихъ поэтическихъ произведенияхъ отражались направленія, смѣнявшіяся въ обще-русской и отчасти польской литературахъ: стремленіе къ комическому и сатирическому изображенію народной жизни, чувствительность, романтическіе порывы, увлеченія народничества, идеализація быта и прошлаго народа. Нѣсколько позже на ряду съ стихотвореніями, повѣстями, драмами и комедіями на малорусскомъ языкѣ начинаютъ появляться популярныя книжки болѣе серьезнаго содержанія, имѣющія цѣлью распространеніе просвѣщенія въ народѣ. Малорусская литература въ такомъ объемѣ и направленіи, конечно, не представляла и не можетъ представлять ничего предосудительнаго съ точки зрѣнія литературнаго и культурнаго единства обѣихъ русскихъ народностей. Безъ сомнѣнія, она не есть явленіе, настолько необходимое, чтобы безъ него не могъ обойтись русскій народъ (обходятся же бѣлоруссы безъ своей специальной литературы), но во всякомъ случаѣ она имѣетъ извѣстное право на существованіе, какъ одна изъ обнаруженій этнической индивидуальности крупной разновидности русскаго народа, подобно тому, какъ такими же этническими обнаруже-

ніями являются малорусскія пѣсни, пляски, одежда, театральныя представленія. Исполниъ естественно, что малорусская литература довольно долго оставалась въ роли подъ-литературы русскаго языка. Сами выдающіеся дѣятели этой литературы смотрѣли на нее, какъ на таковую, и признавая за ней этнографическое и областное значеніе, работали, а нѣкоторые и теперь продолжаютъ работать въ обще-русской литературѣ. Достаточно вспомнить Квитку, Водянскаго, Костомарова, Кулиша, Марко-Вовчка и другихъ малорусскихъ писателей, которые, принимая участіе въ областной подъ-литературѣ, одновременно обогащали нашу высшую науку и высшую литературу, развивающіяся на общерусскомъ языкѣ. Величайшій же украинскій писатель Н. В. Гоголь, при всей своей горячей любви къ родной Малороссіи и родному языку, нашелъ рамки областной литературы слишкомъ узкими для проявленія во всей силѣ своего таланта и творилъ свои безсмертныя произведенія на общерусскомъ языкѣ, при чемъ, однако, ввелъ въ послѣдній не мало украинскихъ словъ, оборотовъ и даже цѣлыхъ діалоговъ. Вообще въ литературной дѣятельности Гоголя проявилось высокое стремленіе къ художественному соединенію интересовъ двухъ отраслей русскаго народа. Народная по содержанію, малорусская литература долго оставалась народной и по языку. Но какъ

въ отношеніи содержанія она испытывала наибольшее влияние со стороны обще-русской литературы, такъ и въ народную рѣчь малорусскихъ писателей проникали обороты обще-русской литературной рѣчи. Выдающийся поэтъ малорусскаго народа Т. Г. Шевченко, «единственный, котораго знаетъ все славинство», по словамъ проф. Н. П. Дашкевича, «усилъ такъ выработать свою украинскую литературную рѣчь, что его читаютъ и довольно хорошо понимаютъ образованные люди всего русскаго государства». Такъ малорусская литература первоначально состояла при обще-русской литературѣ, находилась съ ней въ тѣсной связи и дорожила этой связью.

Совсѣмъ другой характеръ и въ отношеніи внѣшней формы, и въ отношеніи содержанія принимаетъ малорусская литература за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Сборники этой литературы стремятся вывести ее изъ тѣхъ естественныхъ этнографическихъ рамокъ, которыми собственно и обуславливается самое право ея на существованіе. Они пытаются поставить малорусскій языкъ на одну ступень съ языкомъ обще-русскимъ, т. е. стараются присвоить ему роль органа науки и высшей образованности для всего двадцатимилліоннаго малорусскаго или южно-русскаго народа. Простонародный малорусскій языкъ, получающій послѣ разнаго рода передѣлокъ и превращеній новое имя языка «укра-

инско-русского», дѣлаютъ языкомъ преподавательскимъ не только въ низшихъ и среднихъ, но и въ высшихъ школахъ. Собираются деньги, и предпринимаются другія хлопоты для основанія малорусскаго, или «украинско-русского» университета, въ которомъ все науки должны преподаваться на томъ же «украинско-русскомъ» языкѣ. Еще энергичнѣе ведутся пріиспособленія по открытію «украинско-русской» академіи наукъ. На малорусскомъ языкѣ пишутся и издаются сочиненія по исторіи и этнографіи, медицинѣ, математикѣ, естествознанію и другимъ наукамъ. Развивается и малорусская публицистика. Поэтическая литература все болѣе теряетъ свой народный характеръ и пріобрѣтаетъ тенденціозную окраску, что вредно отражается на ея художественной сторонѣ. Мѣняются и отношенія новой малорусской литературы къ обще-русской. Вступая, такъ сказать, въ непосильное соревнованіе съ послѣдней, новая малорусская литература старается уединиться отъ нея, обособиться и даже прямо становится въ непріязненные отношенія къ ней. Въ малорусскихъ газетахъ и журналахъ, въ quasi-научныхъ изслѣдованіяхъ систематически проводится мысль объ отдѣльности и самостоятельности малорусской народности и малорусскаго языка, поддѣльвается и искажается политическая и культурная исторія русскаго народа, проповѣдуется ненависть и

и
для русского народа, проповедующего деянство и
и искажается политическая и культурная исто-
рическая и малорусская языки, поддвигаются
отдельности и самостоятельности малорусского на-
родности систематически провозвещают мысль о
зетах и жупнах, въ quasi-научныхъ наст-
ненныя отношения къ ней. Въ малорусскихъ га-
содится и даже прямо ставится въ непрям-
литература стараются уединиться отъ нея, обо-
соревнование съ послѣдней, новая малорусская
русской. Вступая, такъ сказать, въ непосредственное
пение новой малорусской литературы къ обще-
ва хужожественной стороне. Мнѣются и отно-
уединенную орнаменту, что прямо отражается на
свой народный характеръ и пріобрѣтаетъ тен-
стика. Литературная литература все болѣе теряетъ
наука. Различается и малорусская публици-
медицины, математикъ, естественнаго и урбани-
и издается сочинения по истории и этнографіи.
уедин науки. На малорусскомъ языкѣ пишутся
книги по открытію «украинско-русской» ака-
комъ» языкѣ. Еще энергичнѣе ведутся привито-
преподается на томъ же «украинско-рус-
университета, въ которомъ въ науки южана
ни малорусского, или «украинско-русского»
и предпринимается урбани хлопоты для основа-
но и въ высшихъ школахъ. Собираются деньги,
трещитъ не только въ вѣнскихъ и сѣвскихъ,
инско-русского», дѣлаютъ языкомъ преподава-

въ отношеніи содержания она неслыханная парт-
тура, такъ и въ народную речь малорусскихъ
писателей проникаетъ общеполитическая инте-
ратурной рѣчи. Выдающийся поэтъ малорусского
народа Г. Г. Шевченко, «единственный, котора-
то знаетъ все самизство», но сломать проф-
Н. П. Дашкевича, «успѣть такъ работать свою
украинскую литературную рѣчь, что его читаютъ
и довольно хорошо понимаютъ образованные лю-
ди всего русскаго государства». Такъ малорус-
ская литература первоначально состояла при
общеполитической литературе съ ней въ
тѣсной связи и тѣсно была связана.
Совѣтъ урбани характеръ и въ отношеніи
внѣшней формы, и въ отношеніи содержания
принимаетъ малорусская литература за послѣд-
нія уединенія итъ урбани. Любопытны этой инте-
ратурѣ стремится ввести ее на тѣхъ есте-
ствениныхъ этнографическихъ фактахъ, которыми
собственно и обуславливается самое право ея
на существованіе. Они пытаются поставить ма-
лорусскій языкъ на одну ступень съ языкомъ
общеполитическимъ, т. е. ставится приносить ему роль
то уединеннаго малорусскаго или южно-
русского народа. Простонародныя малорусскія
языкъ, получающій пость равнаго рода чертѣ
жоръ и превращеніи новое имя языка «урбани

вражда къ русскому государству, «москалять» и обще-русскому литературному языку. Первымъ признакомъ такого обособленія отъ общерусской литературы было появленіе малорусскихъ переводовъ такихъ произведеній, какъ историческія монографіи Костомарова, Дашкевича, Иловайскаго или повѣсти Гоголя. Въ то же время началась спѣшная работа по созданію и установленію новаго «украинсько-руського» литературнаго и научнаго языка, при чемъ въ основаніе работы поставленъ принципъ возможно большаго отдаленія новаго языка отъ обще-русскаго посредствомъ широкаго употребленія новосочиняемыхъ или чужихъ словъ и оборотовъ. Параллельно съ реформой языка вводилось особое фонетическое правописаніе, которое должно было и съ вѣншей стороны дѣлать малорусскую книгу возможно болѣе непохожей на обще-русскую. Средоточіемъ такого направленія въ развитіи малорусскаго литературнаго языка и малорусской литературы стала по преимуществу Галичина, гдѣ оно встрѣтило дѣятельную поддержку со стороны правительства и господствующей въ странѣ польской партіи, усматривающихъ въ покровительствѣ малорусскому литературному сепаратизму весьма подходящій политическій ходъ противъ Россіи. Во Львовѣ, этомъ древнѣмъ, истинно-русскомъ городѣ, находящемся теперь въ рукахъ поляковъ и евреевъ, въ стѣнахъ тамош-

наго университета, въ украинофильскихъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществахъ, въ небольшомъ кружкѣ политическихъ и литературныхъ дѣятелей крайнихъ направленій ведется эта торопливая, лихорадочная работа надъ созданиемъ для русскаго народа, т. е. для малорусской его разновидности, втораго научнаго и образованнаго языка. Слабѣе то же литературное движеніе въ маленькой Вуковинѣ. Отголоски его проникли и въ нашу Украину. Здѣсь новое направленіе, согласно мѣстнымъ условіямъ, выразилось главнѣйше въ измѣненіи общаго характера языка и содержанія поэтическихъ, преимущественно драматическихъ произведеній малорусской литературы. Языкъ ихъ все болѣе удаляется отъ народнаго, въ изобиліи уснащается кованными словами и вообще отличается дѣланностью. Въ содержаніи малорусскихъ произведеній, появляющихся въ предѣлахъ Россіи, наблюдается не мало искусственнаго и тенденціознаго. Въ цѣломъ дѣятельность галицкихъ литературныхъ сепаратистовъ находитъ себѣ нравственную поддержку на страницахъ нѣкоторыхъ кievскихъ и столичныхъ періодическихъ изданій. И въ частъ среди писателей и ученыхъ, преимущественно между украинцами, оказываются (впрочемъ, немногочисленные) сторонники новаго малорусскаго литературнаго движенія, считающіе присвоеніе малорусскому языку роли орга-

на науки и высшей образованности — явлениемъ вполне естественнымъ, правильнымъ и необходимымъ.

Вотъ на эту новѣйшую малорусскую литературу приходится смотреть иначе, чѣмъ на литературу недавняго прошлаго, на литературу времени Шевченка и Костомарова. При ближайшемъ знакомствѣ съ ней невольно закрадывается въ душу сомнѣніе въ ея безыскусственности, необходимости, полезности и целесообразности. Помимо всякихъ другихъ частныхъ вопросовъ, существованіе этой литературы ставитъ ребромъ одинъ большой общій вопросъ: одинъ или два высшихъ образованныхъ языка необходимы русскому народу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ уже указано выше, можетъ быть только неблагоприятный для новосоздаемаго образованнаго «украинско-русского» языка: послѣдній является лишнимъ, ненужнымъ, потому что функции, которыя ему навязываютъ, давно исполняетъ одинаково у всѣхъ вѣтвей русскаго народа выработанный ихъ общими усиліями могучій общерусскій языкъ.

Съ этимъ выводомъ, конечно, не согласятся не только галицкіе сепаратисты, но и сочувствующие имъ наши украинцы. Брать на себя трудъ разубѣждать ихъ въ правильности ихъ взглядовъ — неблагоприятная задача. Я остановлюсь только на обращенныхъ ко мнѣ замѣчаніяхъ

моихъ оппонентовъ въ Кіевской Старинѣ. Они касаются двухъ сторонъ вопроса. Оба критика В. П. Науменко и г. К. Михальчукъ указываютъ на естественность и законность широкаго развитія малорусской литературы и въ частности настаиваютъ на необходимости выработки особаго научнаго и образованнаго языка для Галицкой Руси. Къ вопросу о положеніи дѣлъ въ Галичинѣ я обращусь въ слѣдующей главѣ, а здѣсь ограничусь нѣсколькими замѣчаніями по поводу возраженій, высказанныхъ противъ моей точки зрѣнія на весь вопросъ въ цѣломъ его объемѣ.

В. П. Науменко («Кіев. Стар.» 1899, Янв. Стр. 136) утверждаетъ, что при рѣшеніи вопроса о созданіи общихъ книжныхъ языковъ недостаточно справиться съ данными филологіи, а нужно считаться также и съ науками социальными. Это замѣчаніе можно признать отчасти вѣрнымъ, если имѣть въ виду сдѣланное г. критикомъ поясненіе, что иногда на возвышеніе даннаго языка или нарѣчія до уровня языка литературнаго могутъ вліять политическія обстоятельства. Но то же замѣчаніе получаетъ весьма туманный смыслъ въ дальнѣйшемъ разсужденіи автора статьи. «Видъ вопросъ о созданіи общихъ книжныхъ языковъ», говоритъ В. П. Науменко, съ этой точки зрѣнія (т. е. социальной) очень еще открытый вопросъ. А, можетъ быть, для социальной и политической

на науки и высшего образования - и не только
вплоть до естественных, привилегий и необходо-
димых.

Вот на эту повинную матросскую литературу
патру нечаянно пропало, на литературу вре-
мени Шевченка и Костомарова. При ближай-
шем знакомстве с ней невольно обнаруживается
в тушу сомнение в ее весьма ответственности,
необходимости, полезности и истинности.
Помимо всяких других частей вопросов,
существование этой литературы ставит перед
один большую общую проблему: один или два
высших образования в языке необходимы рус-
скому народу? Отвечать на этот вопрос, как
уже указано выше, может быть только неба-
гоприятный или новосозданный образованный
«украинско-русского» языка: последний вывет-
ся лишним, ненужным, потому что функции,
которые ему навязывают, дано исполнять
Оунаково у всех втнел русского народа вы-
работанный их общими усилиями лучший обще-
русский язык.

Ср эти выходы, конечно, не согласны
не только с нашими украинцами, но и с русскими,
которые иль наши украинцы брать на себя труд

разоблачать их в правдыности их взы-
ловь — неоглагодная загла. В оставности
только на обращенных ко мн заглаивных

концы оппонентов в Киевской Стране. Они
касаются лишь сторон вопроса. Об критика
В. П. Науменко и р. В. Михайлова, указывают
на естественность и законность широкого раз-
вития матросской литературы и в частности
наставляют на необходимость выработки осо-
бых навыков и образования языка для Та-
ликой Руси. В вопросе о положении дел в
Галиции и описуется в сущности стар, а
здесь ограничивается несколькими замечаниями по
поводу возражений, высказанных против моей
точки зрения на весь вопрос в целом его
объект.

В. П. Науменко (Мюн. (стр. 189, Мин. (стр. 186)
уверждает, что при решении вопроса о со-
здании общих книг язык недостаточно
справляется с данными филологии, а нужно
считается также и с научными социальными. Это
замечание можно признать отчасти верным, если
идеть в виду суровое г. критиков, поведе-
ние, что иногда на возмещение данного языка
или наречия до уровня языка литературного мо-
гут идти политические обстоятельства. Но то
же замечание получается весьма туманным смысл.
В дальнейшем рассуждении автора статьи, «Воп-
росы о создании общих книг» язык, выков,
говорит В. П. Науменко, с этой точки зрения
(т. е. социальной) очень еще открытый вопрос.
А, может быть, для социальной и политической

жизни славянства лучше будетъ, если создастся одинъ обще-славянскій языкъ, но не въ формѣ одного какого-нибудь изъ нихъ, принявшаго доминирующее положеніе, а въ дѣйствительности естественно сложившагося обще-славянскаго? Это еще вопросъ, надъ которымъ человѣчеству предстоитъ поработать. Зато и въ другую сторону можетъ повернуться этотъ же вопросъ: кто знаетъ, не лучше ли будетъ для всесторонняго развитія всѣхъ душевныхъ силъ націй, если предоставлена будетъ возможность каждой изъ нихъ выработать самостоятельно свой самобытный культурный языкъ? Прежде всего нужно оставить въ сторонѣ вопросъ объ обще-славянскомъ языкѣ, такъ какъ моя статейка, разбираемая В. П. Науменкомъ, совсѣмъ этого вопроса не затрагиваетъ и говоритъ только объ обще-русскомъ языкѣ. Относительно же дальнѣйшаго разсужденія г. критика возникаетъ недоумѣніе: что нужно разумѣть подъ каждой націей, которой должна быть предоставлена возможность выработать самостоятельно свой «самобытный культурный языкъ». Если здѣсь имѣютъ въ виду крупныя этническія особи, какъ, напр., народы русскій, польскій, чешскій и т. д., то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ правѣ ихъ выработать самостоятельно свои «самобытные культурные языки». Если же г. критикъ подъ націями разумѣетъ равновидности крупныхъ особей, въ данномъ случаѣ не-

ликоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ, то съ точки зрѣнія социальныхъ наукъ никакъ нельзя желать выработки каждою изъ нихъ своего образованнаго языка, такъ какъ черезъ то разрушалась бы многолѣтняя созидательная работа всей русской націи и создавались бы неисчислимыя затрудненія для совмѣстной культурной дѣятельности всѣхъ ея частей. Наконецъ, если В. П. Науменко думаетъ, что каждое нарѣчіе или говоръ данной діалектической группы должно (ради «всесторонняго развитія всѣхъ душевныхъ силъ націи») быть превращено въ «самобытный культурный языкъ», то послѣдствіемъ примѣненія на практикѣ такой теоріи было бы появленіе на территоріи русскаго народа нѣсколькихъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ литературныхъ и образованныхъ языковъ, разнообразіе которыхъ парализовало бы всякую возможность культурнаго общенія между частями одного народа. И такъ, социальныя науки здѣсь, кажется, ни при чемъ.

Оба критика горячо оспариваютъ мой взглядъ на малорусскую литературу какъ на побочную литературу русскаго языка, сфера дѣятельности которой должна ограничиваться этнографическими рамками. Оба они, и особенно г. Михальчукъ, рѣзко осуждаютъ предложенное мною опредѣленіе задачъ малорусской литературы, которое, кажется, не заключаетъ въ себѣ ничего

обидного по отношенію къ малорусскому народу и къ настоящей дѣйствительно народной малорусской литературѣ *). Наконецъ, оба оппонента глубоко возмущены моими сужденіями, въ которыхъ я высказалъ мысль, что стремленіе современныхъ малорусскихъ дѣятелей присвоить малорусскому языку роль органа науки и высшей образованности не оправдывается ни логическими основаніями, ни практическими соображеніями, и что это стремленіе слѣдуетъ признать явленіемъ отрицательнымъ, такъ какъ оно можетъ принести русскому народу, и въ частности малоруссамъ, скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Выникаетъ въ сущность всѣхъ сдѣланныхъ мнѣ возраженій по этому вопросу, не трудно замѣтить, что источникъ ихъ коренится въ разобранныхъ выше

*) Я позволю себѣ повторить это опредѣленіе. По моему мнѣнію, малорусская литература прежде всего должна быть органомъ непосредственнаго поэтическаго творчества, вытекающаго изъ глубины малорусскаго народнаго духа и, сверхъ того, можетъ служить средствомъ распространенія элементарнаго знанія среди простаго крестьянскаго люда. Содержаніе ея должно исчерпываться художественно поэтическими произведеніями, рисующими народную жизнь малоруссовъ, названіями памятниковъ малорусскаго народнаго творчества и протонародными книгами, имѣющими цѣль распространенія просвѣщенія въ Малорусской дѣрвинѣ. Подобныя книги для народа на малорусскомъ нарѣчій должны служить переходною ступенью къ обще-русской книгѣ.

неправильныхъ взглядахъ обоихъ критиковъ на отношеніе малорусскаго языка къ другимъ русскимъ нарѣчіймъ и обще-русскому литературному языку. Если бъ г. оппоненты, отказавшись отъ своей, неоправдываемой выводами науки, вѣры въ «самостоятельность» малорусскаго народа и языка, признали безспорными положенія о племенномъ единствѣ великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ, о близкомъ родствѣ всѣхъ русскихъ нарѣчій, объ участіи малоруссовъ въ созданіи обще-русскаго литературнаго языка, то у нихъ не было бы и малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности всѣхъ выше приведенныхъ моихъ сужденій о задачахъ областной малорусской литературы. Мнѣ приходится сжато повторить моимъ критикамъ то, что само собой ясно всякому объективному изслѣдователю поставленныхъ вопросовъ. При существованіи обще-русской литературы малорусская областная литература можетъ проявлять свою дѣятельность только въ узкой опредѣленной сферѣ. Стремленіе малорусскихъ патриотовъ навязать малорусскому языку неестественную роль органа науки и высшей образованности не оправдывается логическими основаніями, потому что народъ, уже имѣющій выработанный богатый, научный и образованный языкъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ никакой надобности создавать другой подобный же языкъ. Не оправдывается

неправильных взглядах обонх критиков, на
отношение каторужено языка въ дръвкъ рус-
скаго нарѣчя и обще-русскому литературному
языку. Если бы г. оппонентъ, откаавшись отъ
своей, неоправданной вынодкн науки, вьры
въ «самостоятельность» каторужскаго народа и язык-
ка, признали безспорными положеня о текен-
нокъ единствѣ великорусова, малорусова, и
блжорусова, о бзнакомъ роуствѣ всѣхъ русскихъ
нарѣчй, объ участн малорусова въ созданнн
обще-рускаго литературнаго языка, то у нихъ
не было бы и катѣлическаго сомнѣнн въ вѣрности
всѣхъ выше приведенныхъ мнѣхъ сужденн о
задачахъ областной малорусской литературы. Мнѣ
приходится сжато повторить мнѣхъ критикамъ
то, что само собой ясно всякому объективному
наблюдателю постановленныхъ вопросовъ. При
существованн обще-русской литературы мало-
руская областная литература можетъ про-
вать свою дѣятельность только въ узкой опре-
дѣленной сферѣ. Стремлене малорусскихъ па-
триотовъ навязать малорусскому языку неесте-
ственную роль органа науки и высшей образо-
ванности не оправдывается логическими ос-
нованнми, потому что народъ, уже имѣю-
щн выработанный отатн, научный и
образованный языкъ, безъ сомнѣнн, не
имѣетъ никакой надобности создавать дръ-

*) И помимо сѣхъ повторить это опредѣлене. Но можно
кнвно, малорусская литература прежде всего должна быть
органомъ непосредственнаго поэтическаго творчества, не-
темаатно изъ гдубнн малорускаго народа. Духъ и,
смерть того, можетъ сжечь сестровъ распространенн
экономическаго знанн сѣдн простого крестьянскаго люда.
Сожранне ея можно восприниматься хужожественно пов-
тисскими произведеннми, интуитивн народную жизнь
малорусова, катѣлическнмакнвнкоръ малорускаго наро-
дн творчества и непосредственн кнвнми, интуитивн
нѣмъ, непосредственн, простнчнн въ малорусской нарѣч-
н. Подобныя кнвн изъ народа на малорусскомъ нарѣчн
должны сжечь непосредственно ступенью къ обще-русскому
кнвн.

обзнато по отношению къ малорусскому народу
и въ настоящее дѣствительно народной мало-
русской литературы *). Наконецъ, оба оппонента
стубоко возмущены мнѣхъ сужденнми, въ кото-
рыхъ и выказавать мнѣхъ, что стремлене конре-
денныхъ малорусскихъ дѣятелей признать мало-
русскому языку роль органа науки и высшей
образованности не оправдывается ни логическими
основаннми, ни практическими соображеннми,
и что это стремлене сѣтуетъ признать вѣдо-
нелъ отрицательнымъ, такъ какъ оно можетъ
принести русскому народу, и въ частности ма-
лорусскаму, скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Выннки
въ сущности всѣхъ сужденнхъ мнѣхъ возраженнн
по этому вопросу, не трудно замѣтить, что повтор-
ннхъ ихъ повторенн въ разобраннхъ мнѣхъ

это стремление и практическими соображениями, такъ какъ осуществленіе его представляеть непреодолимая трудности. Если бы подобное стремление и осуществилось, то оно, несомнѣнно, принесло бы и всему русскому народу и въ частности малоруссамъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, такъ какъ неизбѣжными послѣдствіями того были бы литературный расколъ, паденіе образованности (вслѣдствіе взаимнаго отчужденія производящихъ силъ) и ослабленіе политической мощи всего народа.

По справедливости, нельзя не удивляться недальновидности нашихъ сторонниковъ украинфильскихъ сепаратистскихъ тенденцій. Неужели они не видятъ, что вопросъ объ единеніи всѣхъ разновидностей русскаго народа въ общемъ литературномъ и образованномъ языкѣ безповоротнo рѣшенъ самою жизнью и не можетъ быть передѣланъ согласно желаніямъ и фантастическимъ планамъ горсти малорусскихъ патриотовъ. Процессъ созданія особаго «украинско-русскаго» культурнаго языка, какъ будетъ показано въ слѣдующей главѣ, отличается искусственностью и лишень жизнѣнності. Результаты этой беспочвенной и неестественной работы почти не проникають въ народныя массы въ Галичинѣ и нерѣдко встрѣчаютъ съ нихъ стороны явное несочувствіе и протесты, а въ нашей Малороссіи они

извѣстны едва десяткамъ лицъ. Для каждаго наблюдателя, внимательно слѣдящаго за ходомъ культурной жизни въ разныхъ частяхъ нашего отечества, ясно, что живущіе въ его предѣлахъ 17 милліоновъ малоруссовъ и 6¹/₂ милліоновъ бѣлоруссовъ никогда не будутъ въ силахъ отказаться отъ употребляемаго ими обще-русскаго образованнаго языка уже по одному тому, что они привыкли къ нему, считаютъ его общимъ своимъ достояніемъ, понимаютъ его мощь и всѣ доставляемыя имъ неоцѣнимыя культурныя блага*). «Вѣдь не могутъ же поборники самостоятельности малорусскаго языка, какъ писалъ въ

*) Вотъ что говорить по данному вопросу проф. Н. П. Дашкевичъ, лучший у насъ знатокъ малорусскаго языка и литературы, притомъ постоянно работающій среди малорусскаго люда: «Безъ сомнѣнія, такіе переводы, какъ переводы произведеній Гоголя, имѣютъ мало смысла поинимая тенденціозности: мы считаемъ преувеличеніемъ толки о томъ, что украинскій народъ нуждается въ подобныхъ переложеніяхъ, такъ какъ до-усвоеніе русскаго литературнаго языка представляетъ для него значительныя трудности; на нашъ взглядъ, въ школахъ и учебной литературѣ почти нѣтъ нѣта малорусскому нарѣчію, и народъ самъ, естественно-инстинктивно, чувствуетъ инстинктивное влеченіе къ усвоенію обще-русскаго литературнаго языка и нерѣдко интересуется даже прокладеніями на полѣднемъ члѣмъ малорусскими книжками... (Отзывъ о сочиненіи г. Петрова «Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія», стр. 229).

прошломъ году «Кіевлянинъ», сказать жизни: «Остановись и подожди, пока мы разработаемъ малорусскій языкъ и превратимъ его въ орудіе культуры». Жизнь не остановится и будетъ продолжать свой естественный историческій ходъ, а въ этомъ ходѣ наблюдается ежедневное, ежечасное, ежеминутное общеніе между собою миллионъ великоруссовъ и малоруссовъ, при чемъ орудіемъ такого общенія является могучій, достигшій высокой степени развитія языкъ, языкъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Тургенева.»

Такимъ образомъ, малорусская литература, если можетъ имѣть какое-либо значеніе въ культурной жизни русскаго народа, то лишь въ своей естественной роли подъ-литературы русскаго языка. Она можетъ быть литературой преимущественно простонародной и во всякомъ случаѣ только народной по языку и содержанию и должна отказаться отъ притязаній на выполнение непосильныхъ для нея задачъ органа высшей образованности, находящихся въ вѣдѣніи общерусской литературы. Войдя въ свою нормальную колею, она, быть можетъ, станетъ богаче истинными поэтическими дарованіями и скорѣе завоеуетъ себѣ симпатіи въ образованныхъ кругахъ не только Малой, но и Великой и Бѣлой Руси.

IV.

Дѣйствительно ли зарубежная Русь (Галицкая, Буковинская и Угорская) имѣетъ надобность въ созданіи своего особаго научнаго и образованнаго языка взамѣнъ существующаго обще-русскаго.

Поборники всесторонняго и широкаго развитія малорусской литературы, защищая свою точку зрѣнія на данный вопросъ, особенно настаиваютъ на томъ, что возвышеніе малорусскаго языка до уровня языка науки и высшей образованности необходимо ради блага той части малорусскаго народа, которая живетъ въ предѣлахъ Австріи. Они утверждаютъ, что на малорусской территоріи этого государства при существующихъ условіяхъ политической жизни обще-русскій языкъ не можетъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ культурныхъ классовъ общества, и что вслѣдствіе этого для зарубежной Руси, особенно Галицкой, нѣтъ другого болѣе благоприятнаго исхода, какъ

прошлом году «Киевлянин», сказать живни: «Остановись и подожди, пока мы разработаем ма-торусский язык и превратим его в орудие культуры». Жизнь не останавливается и будет про-должать свой естественный исторический ход, а в этом ходе наблюдается ежедневное, ежеминутное, ежеминутное ощущение между собой миллионов не-ликоруссов и мапорусов, при чем орудием такого ощущения является молчание, достигающий вы-сокой степени развития язык, язык Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Тургенева.»

Таким образом, мапоруская литература, если может быть, какое-либо значение в культуре-ной жизни русского народа, то лишь в своей естественной роли под-литературы русского язы-ка. Она может быть литературой преимущественно простонародной и во всяком случае быть только народной по языку и содержанию и долж-на отказываться от привязаний на выполнение непосильных для нее задач. Органы высшей образованности, находившиеся в развитии обще-русской литературы: болта в свою нормальную колю, она, быть может, становится боляе исти-ными поэтическими творениями и скорее за-воюет себе симпатии в образованных кругах не только мапору, но и великой и белой Руси.

Подобные восторжания и широкого разви-тия мапоруской литературы, записывая свою точку зрения на данные вопросы, особенно настаивают, уровень языка науки и высшей образованности необходимо ради блага той части мапоруского народа, которая живет в пределах Австрии. Они утверждают, что на мапоруской террито-рии этого государства при существующих усло-виях континентальной жизни обще-русский язык не может считаться достоянием всех культурных массовых обществ, и что польза этого для мапоруки особенно велика, как и для русского народа.

Действительно ли мапоруская Русь (Галиц-кая, Буковинская и Угорская) имеет надоб-ность в создании своего особого научного и образованного языка взамен существую-щего обще-русского.

IV.

создание своего малорусского книжного и культурного языка, при отсутствии которого ей пришлось бы пользоваться чужими книжными языками («Киевская Старина» 1899, Январь стр. 140, Август, стр. 191, 266). Посмотрим, такъ ли это въ дѣйствительности *).

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что обитающіе въ Австро-Угріи малоруссы находятся въ не совсѣмъ одинаковыхъ условіяхъ политической и національной жизни. Галицкая Русь (ок. 2.850,000 д.) уже съ давнихъ поръ томится подъ тяжелымъ польскимъ гнетомъ, который особенно усилился съ 60-хъ годовъ, со времени намѣстничества графа Голуховскаго и установления дуализма въ Австрійской монархіи. Полякамъ принадлежитъ господствующее положеніе въ русской части Галичины. Они составляютъ подавляющее большинство въ сеймѣ, въ ихъ рукахъ вся администрація и крупное землевладѣніе, поскольку оно еще не перешло къ евреямъ. Поляки задаютъ тонъ всей политической и куль-

*) Мои оппоненты гг. В. П. Науменко и К. Михальчукъ представляютъ сомнѣніе относительно осознанности моего знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Галичинѣ. Долгомъ считаю разъяснить гг. оппонентамъ, что въ время моихъ многократныхъ путешествій по славянскимъ землямъ я два раза былъ въ Галичинѣ, и что за галицкими дѣлами слѣжу уже болѣе 20 лѣтъ не только при помощи славянской печати, но и путемъ личныхъ сношеній съ работниками галицкими, буковинскими и угорско-русскими дѣятелями.

турной жизни области. Польскому языку принадлежитъ первое мѣсто въ управленіи, школахъ, наукахъ, литературѣ, общественныхъ отношеніяхъ. Русскій же народъ играетъ приниженную роль, всюду занимаетъ второстепенное мѣсто и съ трудомъ отстаиваетъ свои народныя и политическія права. Тѣмъ не менѣе въ Галичинѣ наблюдаются все же болѣе благоприятныя условія для національной самообороны уже въ силу того, что малорусское населеніе здѣсь представлено болѣе численно, чѣмъ въ другихъ областяхъ имперіи. Хуже положеніе русскаго дѣла въ Буковинѣ, одной изъ меньшихъ провинцій Цислейтаніи. Буковинскіе малоруссы, ничтожные по своей численности (всего ок. 250,000), но зато исповѣдующіе православную вѣру (въ противоположность галичанамъ и угороруссамъ, принадлежащимъ къ греко-уніатской церкви), вынуждены защищать свой языкъ не только противъ нѣмецкаго языка, господствующаго въ качествѣ государственнаго языка въ администраціи, Черновицкомъ университетѣ и среднихъ школахъ, но также противъ румынскаго, которымъ говоритъ значительная часть населенія Буковины, и польскаго, проникающаго сюда вмѣстѣ съ католической пропагандой изъ Галичины. Еще труднѣе живется угорскимъ малоруссамъ (600,000), которые, какъ народность, совершенно подавлены мадьярами. Въ предѣлахъ Угорской Руси мадья-

ирскому языку принадлежать исключительно право употребленія въ управленіи, школахъ и судахъ. Русскій языкъ допускается, и то съ большимъ ограниченіемъ, только въ катехизаціи и низшихъ училищахъ.

При такомъ положеніи дѣла литературное единеніе Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, какъ важнѣйшее средство защиты малорусской народности противъ господства чужеземныхъ началъ, должно опираться на возможно болѣе прочныя основанія, на хорошо выработанный, богатый, литературный и образованный языкъ, который съ полнымъ правомъ можно было бы противопоставить иноземнымъ образованнымъ языкамъ, заявляющимъ притязаніе на господство на территоріи малорусскаго народа.

Какъ же стоитъ дѣло съ литературными и образованными языками въ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси? Мои почтенные оппоненты въ «Кіевской Старинѣ», г. В. П. Науменко и К. Михальчукъ, говорятъ, главнымъ образомъ, о Галицкой Руси и представляютъ себѣ дѣло такъ, что въ этой русской области вопросъ о литературномъ и образованномъ языкѣ уже рѣшенъ въ пользу мѣстнаго галицко-малорусскаго нарѣчія, за которымъ уже признаны нѣкоторыя права въ школахъ и администраціи и которое постепенно поднимается до уровня языка науки и высшей образованности. Такъ, г. К. Михальчукъ пишетъ:

«Вообще, въ Галичинѣ съ малорусскимъ литературнымъ языкомъ дѣло стоитъ уже такъ, что если бы здѣсь почему-либо въ самомъ дѣлѣ явилось вдругъ серьезное стремленіе образованнаго малорусскаго общества отказаться отъ своего родного языка и замѣнить его другимъ, то это неминуемо повело бы лишь къ замѣнѣ его языкомъ польскимъ, такъ какъ въ этомъ только направленіи и возможно здѣсь практическое осуществленіе подобнаго стремленія.» Но такое изображеніе дѣла не совсѣмъ согласно съ истиной. При разсмотрѣніи вопроса во всемъ его объемѣ нельзя имѣть въ виду только Галичину, а нужно считаться съ положеніемъ вещей въ Буковинѣ и Угорской Руси. Въ этихъ же областяхъ, какъ было указано, положеніе малорусской народности иное, чѣмъ въ Галичинѣ. Если въ Галичинѣ малорусское нарѣчіе пользуется нѣкоторыми, въ общемъ очень скромными, правами, то нужно помнить, что въ Буковинѣ развитіе его поставлено въ болѣе тѣсныя рамки, а въ Угорской Руси оно совсѣмъ не имѣетъ никакихъ правъ.

Затѣмъ, вопросъ о литературномъ и образованномъ языкѣ для малоруссовъ Галичины и Буковины не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. За такое его рѣшеніе, которое считаютъ единственно правильнымъ и возможнымъ г. В. П. Науменко и К. Михальчукъ, ратуетъ лишь извѣстная политическая партія—

«Вообще, въ Латиниѣ съ малорусскимъ интe- ратуризмъ языкомъ дѣло стоитъ уже такъ, что если бы яѣсь почему-либо въ самомъ дѣлѣ яви- лось ядруть серьезное стремленіе образованнаго малорусскаго общества отказаться отъ своего родного языка и замѣнить его французскъ, то это неминуемо повело бы лишь къ замѣнѣ его язы- комъ польскимъ, такъ какъ въ этомъ только на- правленіи и возможно яѣсь практическое осу- ществленіе подобнаго стремленія.» Но такое изо- браженіе дѣла не совсѣмъ согласно съ истиной. При разсмотрѣніи вопроса во всемъ его объемѣ нельзя не имѣть въ виду только Латиниу, а нужно считатьъ съ положеніемъ вещей въ Буковинѣ и Угорской Руси. Въ этихъ же областяхъ, какъ было указано, положеніе малорусской народно- сти иное, чѣмъ въ Латиниѣ. Если въ Латиниѣ малорусское нарѣчіе пользуется нѣкоторыми, въ общемъ очень скромными, правами, то нужно помнить, что въ Буковинѣ развитіе его поста- влено въ болѣе тѣсныя рамки, а въ Угорской Руси оно совсѣмъ не имѣетъ никакихъ правъ. Затѣмъ, вопросъ о литературномъ и образо- ванномъ языкѣ для малоруссовъ, Латиницы и Буковины не можетъ считаться окончатель- но рѣшеннымъ. За такое его рѣшеніе, которое считается единственно правильнымъ и возмож- нымъ гг. В. П. Науменко и К. Михальчукъ, — ратуется лишь нѣвѣстная политическая партія —

прекоку языкъ принятъ, нектоичтвенное право употребленія въ управленіи, школѣ и су- дахъ. Русскій языкъ донускается, и то съ болѣ- шимъ ограниченіемъ, только въ катеихизаціи и назшихъ учебницахъ. При такомъ положеніи дѣла литературное еди- меніе Латинкой, Буковинской и Угорской Руси, какъ важнѣйшее средство защиты малорусской народности противъ господства чужеземныхъ на- чалъ, должно опираться на возможно болѣе проч- ная основанія, на хорошо выработанный, бо- гатый, литературный и образованный языкъ, который съ полнотъ правомъ можно было бы противопоставить ноземнымъ образованнымъ языкамъ, заявляющимъ притязаніе на господ- ство на территоріи малорусскаго народа. Какъ же стоитъ дѣло съ литературными и образованными языками въ Латинкой, Буковин- ской и Угорской Руси? Мои почтенные оппоненты въ «Кіевской Старинѣ», гг. В. П. Науменко и К. Михальчукъ, говорятъ, главнымъ образомъ, о Латинкой Руси и представляютъ себѣ дѣло такъ, что въ этой русской области вопросъ о литера- турномъ и образованномъ языкѣ уже рѣшенъ въ пользу нѣстнаго галицко-малорусскаго нарѣ- чія, за который уже признаны нѣкоторыя права въ школѣ и администраціи и которое постепенно понимается по уровню языка науки и высшей образованности. Такъ, г. К. Михальчукъ пишетъ:

народническая, или украинифильская, или сепаратистская. Но идя рядом съ этой партией существуетъ и другая партія, такъ называемая, старорусская (въ насмѣшку обозначаемая москалефильской партией, но въ сущности настоящая русская партія), которая стоитъ за обще-русскій языкъ, какъ за единственно возможный языкъ науки и высшей образованности для всѣхъ малоруссовъ Австро-Угрии. Языкъ этотъ, правда, не такой чистый, какимъ онъ является въ нашей литературѣ, употребляется какъ частью образованнаго малорусскаго общества, такъ и въ мѣстной печати. На немъ, а не только на малорусскомъ, въ Галичинѣ и Буковинѣ издаются газеты, журналы, ученые сочиненія; въ Угорской же Руси существующая тамъ ничтожная литература представлена только этимъ языкомъ. Раздается обще-русскій языкъ и въ общественныхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ народно-просвѣтительными учрежденіями Галичины и Буковины, поддерживающими принципъ единства книжной рѣчи для всѣхъ вѣтвей русскаго народа. Старорусская партія, стоящая за этотъ принципъ, пользуется большимъ вліяніемъ въ народныхъ массахъ и, несмотря на преслѣдованія, какимъ подвергается время отъ времени, энергически заботится о распространеніи обще-русской литературы. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ Галичинѣ и Буковинѣ идетъ

борьба за литературный языкъ, исходъ которой едва ли можно еще предрѣшать. Борьба эта ведется во всѣхъ областяхъ политической и культурной жизни народа. Разныя перипетіи этой борьбы составляютъ главное содержаніе мѣстной прессы. Споръ о литературномъ языкѣ переносится и за границы малорусской территоріи. Такъ, напр., въ Вѣнѣ учащаяся въ университетѣ русская молодежь изъ Галичины и Буковины дѣлится между двумя студенческими обществами: одно изъ нихъ, «Буковина», держится обще-русскаго языка и старательно изучаетъ обще-русскую литературу, другое, «Сѣчь», стоитъ за обработку въ литературѣ малорусскаго нарѣчія и за литературный сепаратизмъ. Не видѣть и не чувствовать этой борьбы невозможно даже для поверхностнаго наблюдателя, интересующагося судьбами малорусскаго населенія въ Австро-Угрии. Тѣмъ удивительнѣе, что гг. ученые публицисты «Кіевской Старины», разбирая вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галичинѣ, почему-то совсѣмъ умалчиваютъ о галицкомъ литературномъ спорѣ и довольствуются нѣсколькими язвительными замѣчаніями по адресу сторонниковъ обще-русскаго языка. Не такое отношеніе дѣлъ къ дѣлу лишаетъ ихъ наложеніе той объективности и безпристрастія, которыхъ въ правѣ можно было бы ожидать отъ академическаго обсужденія важнаго вопроса на страницахъ ученаго из-

данія. Постѣднее обстоятельство вынуждаетъ меня коснуться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, нѣкоторыхъ сторонъ упомянутой культурной борьбы, которая по справедливости заслуживаетъ со стороны нашего образованнаго общества большаго вниманія, чѣмъ это наблюдается въ настоящее время.

Любопытно сопоставить силы обонхъ борющихся литературныхъ направленій. Сторонники обще-русскаго литературнаго языка удерживаютъ за собой слѣдующія народно-просвѣтительныя учрежденія и общества: Ставропільскій институтъ, Народный домъ, «Русскую Матицу», политическое общество «Русскую раду», общество имени Михаила Качковскаго и значительное количество сельскихъ читаленъ и меньшихъ просвѣтительныхъ обществъ. На обще-русскомъ языкѣ выходитъ до 15 періодическихъ изданій, изъ которыхъ важнѣйшія: политическія газеты «Галичанинъ» (Львовъ), «Православная Буковина» и «Буковинскія Вѣдомости» (Черновцы), «Листокъ» (Ужгородъ, въ Угріи), «Русское Слово», литературно-научный журналъ «Живое слово» (Львовъ), сатирической журналъ «Страхоцудъ» (Львовъ), вѣнскіе журналы «Наука» и «Просвѣщеніе», львовская «Русская Библіотека», «Сборникъ Русской Матицы», «Вѣстникъ Народнаго дома» и друг. Къ защитникамъ правъ обще-русскаго литературнаго и образованнаго языка принадлежали и при-

надлежать выдающіеся галицкіе, буковинскіе и угро-русскіе писатели, ученые и народные дѣятели, какъ-то: Я. О. Головацкій, извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ, о. І. Наумовичъ, славный народный писатель, основатель общества имени М. Качковскаго и журнала «Наука», пламенный патріотъ и «просвѣтитель галицкой Руси», почтенный историкъ Д. Зубрицкій, А. И. Добрянскій, доблестный защитникъ правъ угро-русской народности, поэты Хилякъ, Устіановичъ, Гушалевицъ, маститый археологъ, филологъ и историкъ Петрушевицъ, проф. Калужняцкій, видный народный вождь, журналистъ и писатель Б. А. Дѣдицкій, публицисты Марковъ, Свистунъ, Мончаловскій, Дудыкевицъ, историкъ - библиографъ Левицкій, этнографъ Яворскій и мног. друг. Произведенія этихъ писателей составляютъ довольно значительную мѣстную литературу на обще-русскомъ языкѣ. Противники старорусской партіи называютъ употребляемый ея представителями языкъ «язычиємъ», «искаженіємъ» настоящаго русскаго литературнаго языка. Но въ такихъ сужденіяхъ много преувеличенія. Допускаемая малорусскими писателями Галичины, Буковины и Угорской Руси нѣкоторыя отступленія отъ нашего литературнаго языка, выражающіяся въ употребленіи нѣкоторыхъ областныхъ словъ и формъ, нисколько не мѣняютъ основнаго фона усвоеннаго ими обще-русскаго языка

даны. Постыдное обстоятельство низвергает
жени конуться, хотя бы в самах общих чер-
тах, которые стонут упомянутой клятвы
нои борьбы, которая по справедливости обще-
живает со стороны нашего образованного обще-
ства большого внимания, чтоб это наблюдает
въ настоящее время.
Любопытно сопоставить силы обонхъ боря-
щихся литературныхъ направлений. Сторонники
обще-русского литературного языка удерживаютъ
за собой стѣющую народно-просвѣдительную
учрежденія и общества: Славянофильскій инсти-
тутъ, Народный домъ, «Русскую Матильду», поли-
тическое общество «Русскую радю», общество
имени Михаила Качковского и значительное ко-
личество сельскихъ читателей и меньшихъ про-
свѣдѣтельныхъ обществъ. На обще-русскомъ язы-
къ выходить до 16 периодическихъ изданій, изъ
которыхъ важнѣйшія: политическія газеты «Та-
личанинъ» (Львовъ), «Православная Букварина» и
«Букваринскія Вѣдомости» (Черновцы), «Листокъ»
(Жгоровъ, въ Угрии), «Русское Слово», литератур-
но-научный журналъ «Живое Слово» (Львовъ), са-
мическій журналъ «Страждущій» (Львовъ), въ-
сѣе журналы «Наука» и «Просвѣщеніе», львов-
ская «Русская Библиотека», «Сборникъ Русской
Матильды», «Вѣстникъ Народного Дома» и другіе. Къ
то и образованнаго языка принадлежатъ и при-

надлежатъ выдающіеся галицкіе, буковинскіе и
уиро-русскіе писатели, ученые и народные дѣя-
тели, какъ-то: Я. О. Головацкий, наѣбстныи со-
диратель народныхъ пѣсенъ, о. І. Нарковичъ,
славный народный писатель, основатель обще-
ства имени М. Качковского и журнала «Наука»,
знаменитый патриотъ и «просвѣдитель галицкой
Руси», почетный историкъ Д. Зубрицкий, А. И.
Добрянскій, доблестный защитникъ правъ уро-
русской народности, поэтъ Хизикъ, Устатовичъ,
Гушалевицъ, маститый археологъ, филологъ и
историкъ Петрушевицъ, проф. камильевичъ, вид-
ный народный вождь, журналистъ и писатель
Б. А. Дубицкий, публициста Марковъ, Свингунъ,
Мончаловскій, Дудыкевичъ, историкъ - библо-
графъ Левинскій, этнографъ Аворскій и многіе
другіе. Пронзавѣдены этихъ писателей составляютъ
довольно значительную часть литературны на
обще-русскомъ языкѣ. Противники старорусской
партии называютъ употребивши ея представи-
телями языкъ «языкомъ», «исказженемъ» на-
стоящаго русскаго литературного языка. Но въ
такихъ сужденіяхъ много преувеличенія. Доло-
женныя старорусскими писателями, галицкими,
буковинскими и Угорской Руси нѣкоторые отступле-
нія отъ нашего литературного языка, выражаю-
щіеся въ употребленіи нѣкоторыхъ областныхъ
словъ и формъ, никоимъ образомъ не мѣняютъ основ-
ного фона усвоеннаго ими обще-русского языка.

и несколько не умаляют значения трудов на этомъ языкѣ. Затѣмъ, съ каждымъ годомъ галицко-русскій языкъ становится все чище и чище. Новѣйшій львовскій учено-литературный журналъ «Живое Слово» издается уже на языкѣ, почти безупречномъ въ отношеніи чистоты стиля. Наконецъ, разныя шероховатости и неловкія, съ нашей точки зрѣнія, выраженія постепенно сгладятся и исчезнутъ изъ литературнаго языка австрійскихъ малоруссовъ по мѣрѣ усиленія книжныхъ сношеній ихъ съ нашею Русью и болѣе близкаго знакомства съ обще-русскою литературой.

Народническая или украинофильская партія для достиженія своихъ цѣлей имѣетъ въ своемъ распоряженіи: ученое общество имени Шевченка, за послѣднее время проявившее особенно широкую издательскую дѣятельность, далѣе—общество «Просвѣта», педагогическое общество, политическое общество «Народна рада» и нѣсколько другихъ меньшихъ обществъ. Приверженцы этой партіи издаютъ нѣсколько политическихъ газетъ («Діло», «Русланъ», «Народна часопись», «Буковина», «Свобода», «Руська рада», «Громадскій голосъ», «Прапоръ»), служащихъ органами различныхъ фракцій, на которыя сравнительно недавно распалась народническая партія (фракція польско-русская или по-

воиристка, социалистская, украинская)*), журналъ «Литературно-науковій вістникъ», «Записки науковаго товариства имени Шевченка», нѣсколько «Библиотекъ» и проч. Галицкая литература на малорусскомъ языкѣ выдѣлила довольно значительнаго поэта Федьковича, талантливаго новеллиста Ив. Франко и рядъ дѣятельныхъ ученыхъ—Огоновскаго, Колессу, Вехратскаго, Гнатюка и др.

Взвѣсивъ силы обѣихъ борящихся сторонъ, нужно признать, что вышній и матеріальный перевѣсъ принадлежитъ народнической партіи. Она стоитъ близко къ правительству и господствующей въ Галичинѣ польской партіи. Она добилась употребленія малорусскаго народнаго нарѣчія въ низшихъ школахъ, въ пяти гимназіяхъ, отчасти во Львовскомъ и Черновицкомъ университетахъ (по нѣсколькимъ кафедрамъ), а равно признанія его правъ въ судахъ и администраціи. Она бойчѣе и исправнѣе ведетъ свои наданія, получая для многихъ изъ нихъ поддержку отъ сейма и правительства и частью изъ нашей Украины. Напротивъ, старорусская партія стоитъ на дурномъ счету у правительства, отстранена отъ всякаго участія въ

* По новѣйшимъ свѣдѣніямъ въ настоящее время слѣдуетъ подготовляться сліянію въ одну различныхъ фракцій украинофильской партіи, которая принимаетъ названіе «національно-демократической партіи».

областномъ управленіи и подвергается всякаго рода насиліямъ и притѣсненіямъ. Въ своей дѣятельности она не получаетъ ни откуда помощи и предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Зато на сторонѣ старорусской партіи нравственный перевѣсъ. Она ратуетъ не за какой-нибудь новый, наскоро придуманный и беспочвенный принципъ, а за старую идею обще-русскаго національнаго и культурнаго единства, которая въ нынѣшнемъ столѣтіи послужила для галицкихъ, буковинскихъ и угорскихъ малоруссовъ лозунгомъ ихъ національнаго возрожденія и по настоящее время глубоко коренится въ сознаніи простого народа. Представители старорусской партіи много сдѣлали какъ для поднятія народнаго духа галичанъ, буковинцевъ и угороруссовъ послѣ многолѣтняго ихъ униженія, такъ и для развитія у нихъ литературы и просвѣщенія въ ту пору, когда еще не существовало между ними ни народовцевъ, ни украинофиловъ, ни сепаратистовъ. Ни прежде, ни теперь они не вступали въ компромиссы съ врагами своего народа, а всегда отстаивали и отстаиваютъ его право на пользование политической и духовной свободой. Данная имъ политическими ихъ противниками кличка «ренегатовъ» совершенно несправедлива. И къ народному языку они относятся съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ: допускаютъ широкое употребленіе его въ домашнемъ обиходѣ

и простонародной литературѣ и лишь въ области науки и высшей образованности отстаиваютъ права обще-русскаго языка. Достаточно вспомнить о широкой просвѣтительной дѣятельности общества имени Мих. Качковскаго. За 25 лѣтъ своего существованія оно издало для народа 283 книжки, которыя разошлись въ двухъ милліонахъ экземпляровъ. О степени популярности этого общества можно судить по тому, что членами его состоятъ 559 народныхъ читателей. Праздновавшійся въ августѣ 1899 года юбилей общества привлекъ во Львовъ до 4,000 гостей изъ разныхъ концовъ Галичины и Буковины, при чемъ во время торжества произнесли прекрасныя рѣчи на обще-русскомъ литературномъ языкѣ не только представители духовной и свѣтской интеллигенціи, но и простые поселяне *).

*) Прекрасно охарактеризовалъ программу старорусской партіи одинъ изъ ораторовъ въ своей юбилейной рѣчи. Обращаясь къ народникамъ-сепаратистамъ съ вопросомъ, за что они нападаютъ и клеветаютъ на общество имени М. Качковскаго, ораторъ самъ же отвѣчаетъ: «За то, что мы постигли душу народную, за то, что хранимъ заветы предковъ, за то, что дорожимъ нашею стариною и слѣдуемъ ея указаніямъ, за то, что продолжаемъ нерасторжимую русскую народности отъ русской церкви, за то, что не отступаемъ отъ нашихъ народныхъ правъ и бережемъ народную честь, за то, что любимъ святую недѣлимую Русь и желаемъ ее видѣть сильной, славной, могущею!»

областную, украинскую и притом украинскую. В своей деятельности она не получает ни отсюда помощи и представляется как будто рожа нагибать и притом украинскую. В своей деятельности она не получает ни отсюда помощи и представляется как будто рожа нагибать и притом украинскую.

Зато на стороне старорусской партии нравственный перевес. Она рвется не за какой-нибудь новы, наскоро придуманный и безочувственный принцип, а за старую русскую общерусскую национальную культуру и культуру еднства, которая в настоящее время составляет для нас величайшую опасность. Мы должны бороться и удержать в себе то, что составляет нашу культуру и нашу национальную жизнь.

Вот почему старорусская партия имеет право на то, чтобы ее считали истинной партией народа. Превращение старорусской партии в партию, которая борется только за национальную жизнь и по своему характеру является партией, борющейся только за национальную жизнь и по своему характеру является партией, борющейся только за национальную жизнь.

Прекрасно характеризовать старорусскую партию можно так: «За то, что мы поставили душу народу, за то, что хранили святыню, за то, что удержали нашу старину и святыню, за то, что проповедуем народность, за то, что не отступаем от наших народных прав и обычаев, за то, что любили святыню и веру, за то, что ждем ее видеть сильной, святой, могучей и великой».

Прекрасно характеризовать старорусскую партию можно так: «За то, что мы поставили душу народу, за то, что хранили святыню, за то, что удержали нашу старину и святыню, за то, что проповедуем народность, за то, что не отступаем от наших народных прав и обычаев, за то, что любили святыню и веру, за то, что ждем ее видеть сильной, святой, могучей и великой».

Прекрасно характеризовать старорусскую партию можно так: «За то, что мы поставили душу народу, за то, что хранили святыню, за то, что удержали нашу старину и святыню, за то, что проповедуем народность, за то, что не отступаем от наших народных прав и обычаев, за то, что любили святыню и веру, за то, что ждем ее видеть сильной, святой, могучей и великой».

Въ виду приведенныхъ фактовъ, рисующихъ положеніе вопроса о литературномъ и образованномъ языкѣ въ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, приходится недоумѣвать по поводу категорическаго утвержденія нашихъ сторонниковъ малорусскаго литературнаго сепаратизма, что будто въ Галичинѣ «русскій книжный языкъ не можетъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ культурныхъ классовъ общества». Спрашивается, почему же такъ? Вѣдь, если общерусскій языкъ въ Галичинѣ и Буковинѣ находится подъ защитой и попеченіемъ цѣлой политической партіи, пользующейся большимъ влияніемъ въ народѣ, если на этомъ языкѣ выходятъ газеты, журналы, пишутся и издаются поэтическія произведенія и научныя сочиненія, если знаніе и употребленіе этого языка все болѣе ширится и распространяется въ народѣ, то почему же нельзя надѣяться, что со временемъ и здѣсь онъ станетъ языкомъ столь же общедоступнымъ и необходимымъ для каждаго образованнаго человѣка, какимъ онъ давно уже сталъ на большей части территоріи малорусскаго народа. Почва для такого широкаго распространенія общерусскаго языка уже подготовлена. Необходимо только устранить препятствія, которыя тормозятъ успѣшное развитіе этого явленія. Главнѣйшее изъ нихъ заключается не столько въ австрійскомъ правительствѣ или въ польской

партіи, сколько въ расколѣ среди самой русской интеллигенціи, или, частіе, въ дѣятельности народнической партіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы не существовало народнической или сепаратистской партіи, а принадлежашіе къ ней члены, вмѣсто того, чтобы трудиться надъ выработкой своего особаго украинско-русского научнаго и образованнаго языка, направили свои силы, въ полномъ единодушіи со старорусской партіей, на распространеніе общерусскаго языка, то положеніе дѣла въ русскихъ провинціяхъ Австріи было бы иное. Тогда, быть можетъ, и В. П. Науменку не приходилось бы задаваться вопросомъ — согласится или не согласится австрійское правительство на открытіе въ Галичинѣ и Буковинѣ низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ съ общерусскимъ преподавательскимъ языкомъ, такъ какъ вопросъ этотъ самъ собой рѣшался бы въ пользу общерусскаго языка за отсутствіемъ нововыдуманнаго малорусскаго образованнаго языка. Все несчастіе малорусскаго народа въ Австро-Угріи въ томъ и заключается, что народническая партія народилась и выступила съ активной дѣятельностью какъ разъ въ ту пору, когда вставалъ вопросъ о допущеніи русскаго языка и въ среднія школы и въ администрацію. Возникшая со временъ Иосифа II русская инемность, въ Галичинѣ и Угорской Руси была на томъ же старинномъ и

смѣшанномъ языкѣ, какой нѣкогда господствовалъ въ Западной Руси. Соборъ представителей малорусскаго народа 1848 г. постановилъ очищать галицко-русское нарѣчіе отъ полонизмовъ и сближать его съ литературнымъ языкомъ. Это послѣднее сближеніе и наблюдается въ произведеніяхъ писателей 50-хъ и 60-хъ годовъ. Галицкій діалектъ постепенно долженъ былъ приспособиться къ обще-русскому языку и, наконецъ, слиться съ нимъ, какъ это нѣкогда произошло въ Украинѣ и Бѣлоруссіи.

Въ 1866 г. виднѣйшіе вожди галицко-русскаго народа открыто заявили, что признають національное и литературное единство галичанъ съ остальной Русью. Если бы тотъ же лозунгъ приняли тогда и всѣ руководящіе круги галицко-русскаго общества и громко засвидѣтельствовали ту безспорную истину, что малоруссы, обитающіе въ Австро-Угріи, какъ часть одного русскаго народа, могутъ и должны пользоваться только обще-русскимъ уже выработаннымъ образованнымъ языкомъ, то австрійское правительство волею неволею должно было бы считаться съ этимъ фактомъ и рано или поздно на могло бы предоставить этому языку тѣхъ же правъ, какими теперь пользуется народное галицко-малорусское нарѣчіе. Это было бы такъ же естественно, какъ признаніе извѣстныхъ правъ въ извѣстныхъ провинціяхъ имперіи за нѣмецкимъ, италіан-

скимъ или румынскимъ языками. Нѣмцы, италіанцы и румыны, пользуясь своими выработанными языками, господствующими въ Германіи, Италіи и Румынскомъ королевствѣ, въ силу одного этого не перестаютъ быть подданными государства Габсбурговъ. Подобнымъ образомъ и галицкіе, буковинскіе и угорскіе малоруссы, пользуясь обще-русскимъ языкомъ, какъ органомъ науки, литературы и высшей образованности, могли бы удобно оставаться хорошими вѣрноподанными австрійскаго императора. На бѣду какъ разъ въ это время, въ шестидесятыхъ годахъ, рѣзко выдвигается теорія объ отдѣльности малорусскаго народа и необходимости для него созданія своего особаго литературнаго и образованнаго языка. Выразительница этой теоріи народническая или украинская партія сразу вступила во враждебныя отношенія къ той части галицкой интеллигенціи, которая заботилась о поддержаніи литературнаго единенія между галицкими и буковинскими малоруссами и остальной Русью. Поборники этого единенія превратились въ глазахъ «народовцевъ и українофиловъ» въ «москвофиловъ», «рenegатовъ», «измѣнниковъ». Между тѣмъ самое стремленіе къ поднятію галицко-малорусскаго нарѣчія до уровня языка науки и высшей образованности не было явленіемъ естественнымъ, которое обусловливалось бы состояніемъ малорусской литературы въ

связь или румынский язык. Немцы, ита-
лианцы и румыны, пользуясь своим изработан-
ным языком, основательнейшим в Германии,
Италии и Румынии, королевств, в силу
одного этого не перестают быть подданными
государства Габсбургов. Подобным образом
и польские, украинские и украинские народы,
пользуясь общим-русским языком, как орга-
ничная наука, литература и высшей образова-
нием, могли бы удобно оставаться хорошими
подданными австрийского императора. На
обиду как раз в это время, в шестидесятых
годах, прямо выдвигается теория от отъез-
дства малорусского народа и необходимости для
него создания своего особого литературного и
образованного языка. Выразителями этой те-
ории народническая или украинская партия сразу
выступила во враждебныя отношения к той части
галицкой интеллигенции, которая забывается о
поддержании литературного единения между га-
лицкими и буковинскими малорусами и остава-
ется в глазах «народовцев и украинифи-
ков» в «мексиканцев», «бенгальцев», «из-
мников». Между тем, самое стремление к
поднятию галицко-малорусского народа до уровня
высшей науки и высшей образованности не было
выявлено естественно, которое обусловлива-
лось бы состоянием малорусской литературы в

кальшаном язык, какой некогда существо-
вал в западной Руси. Событие, представляющее
малорусского народа 1848 г. постановить, что
идать галицко-русское наречие от подпольной
и обиходной с литературным языком. Это
посильное обличение и наблюдается в произве-
дениях писателей 50-х и 60-х годов. Га-
лицкий диалект постепенно должен был при-
способиться к общему-русскому языку и, наконец,
слиться с ним, как это некогда произошло
в Украину и Украину.
В 1866 г. видные люди галицко-русского
народа открыто заявили, что признают, наибо-
льшее и литературное единство галицких с
остальной Русью. Если бы тот же лозунг при-
няли тогда и все русскоязычные галицко-
русского общества и прокозавидьясь, обитатели
в Австро-Угрии, как часть одного русского
народа, могли бы и должны пользоваться только
обще-русским уже выработанным образова-
нием, языком, то австрийское правительство
этим фактом и рано или поздно не могло не
предоставить этому языку тех же прав, какими
теперь пользуется галицко-малорусское
наречие. Это было бы так же естественно, как
признание галицких прав в польских
провинциях. Империя же немечина, ита-

Галичинѣ; литература эта тогда находилась въ зачаточномъ состояніи. Это стремленіе, какъ и все послѣдующее литературное движеніе, несомнѣнно имѣло нѣсколько искусственный характеръ и въ значительной степени политическую подкладку. На это ясно указываютъ такіе факты, какъ участіе въ движеніи поляковъ (напр. Стахурскій, Свѣнцицкій и др.), рѣзкое обособленіе ново-создаваемого языка отъ общерусскаго, введеніе фонетическаго правописанія, которое должно было и съ вѣдшей стороны дѣлать малорусскую книгу не похожею на общерусскую и которое, однако, было узаконено правительствомъ, несмотря на протестъ заявленный императору отъ имени народа за 50,000 подписей, частое заявленіе въ новосозданной печати чувства ненависти и вражды къ Россіи, москалямъ, общерусскому языку, соглашеніе галицкихъ сторонниковъ литературнаго сепаратизма съ польскою партіей (программа В. Барвинскаго) и проч. Разъ среди малорусскаго образованнаго общества расколъ былъ созданъ, правительство и господствующая польская партія спѣшили имъ воспользоваться въ своихъ интересахъ. Конечно, они должны были поддержать малорусскую тенденцію. Возникшій малорусскій литературный сепаратизмъ представлялъ имъ тройную выгоду: онъ отчуждалъ и уединялъ австро-угорскихъ малоруссовъ отъ прочей Руси,

вносить разнь и несогласіе въ среду образованныхъ классовъ малорусскаго населенія Австро-Угрии и создавалъ болѣзненный наростъ на здоровомъ тѣлѣ русскаго народа. Что удивительнаго, если украинофильская партія пользуется сверху всякимъ покровительствомъ, а старорусская партія, напротивъ, подвергается всякаго рода гоненіямъ?

Какъ бы то ни было, почва для широкаго распространенія общерусскаго языка въ Галичинѣ и Буковинѣ подготовлена. Происходящее здѣсь движеніе въ пользу культурнаго единенія съ остальной Русью не можетъ быть подавлено уже въ силу того, что оно вполне естественно, законно и развивается параллельно съ успѣхами общерусскаго языка во всѣхъ областяхъ славянскаго міра. Слѣдовательно, если бы и народническая партія, отказавшись отъ принятой ею на себя нецѣлесообразной работы по созданію новаго образованнаго языка, тоже пошла навстрѣчу указанному движенію, то полное приобщеніе русскаго населенія Галичины и Буковины къ общерусскому литературному и образованному языку могло бы совершиться въ очень скоромъ времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылась бы надежда на спасеніе погибающаго подъ мадыарскимъ гнетомъ угро-русскаго населенія. Я не могу согласиться съ г. К. Михальчукомъ, который утверждаетъ, что если бы въ Галичинѣ спочему-либо въ са-

момъ дѣлѣ явилось вдругъ серьезное стремленіе образованнаго малорусскаго общества отказаться отъ своего роднаго языка и замѣнить его другимъ, то это неминуемо повело бы лишь къ замѣнѣ его языкомъ польскимъ». По моему мнѣнію, приведенныя соображенія даютъ полное основаніе заключить, что въ случаѣ, на который указываетъ г. К. Михальчукъ, роль образованнаго и научнаго языка естественно долженъ занять языкъ обще-русскій.

Что касается затронутого г. К. Михальчукомъ вопроса о возможности отказа галицкихъ дѣятелей отъ попытокъ создать свой особый образованный языкъ, то мысль эта не представляетъ ничего несбыточнаго или несуществимаго. Въ исторіи новѣйшаго славянскаго возрожденія можно указать любопытный фактъ подобнаго отреченія народа отъ мѣстнаго провинціального нарѣчія, уже имѣвшаго литературную обработку, въ пользу другого болѣе выработаннаго и болѣе широко распространеннаго языка. Хорваты въ первой четверти нынѣшняго столѣтія разработали въ литературѣ свое т. н. кайкавское нарѣчіе, но затѣмъ въ 30-хъ годахъ подъ руководствомъ извѣстнаго дѣятеля илліризма Л. Гаю отказались отъ провинціального нарѣчія и перешли къ общему сербо-хорватскому языку, который господствуетъ въ Далмаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи, имѣлъ уже славныхъ писателей въ

Далматинскую эпоху и получить обработку въ трудахъ сербскихъ писателей Досоея Обрадовича и Вука Караджича. Съ того времени этотъ языкъ остался у хорватовъ и доселѣ языкомъ науки, школы, литературы и общественной жизни. Почему бы ничто подобное не могло произойти въ Галицкой и Буковинской Руси? Конечно, для этого прежде всего необходимо, чтобы народническая партія, покончивъ со своими сепаратистскими теоріями, добровольно прониклась обще-русскимъ сознаніемъ и истинною любовью къ своему народу. Возможность переворота въ указанномъ направленіи облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что научная литература на малорусскомъ языкѣ еще такъ не велика, представлена такимъ незначительнымъ количествомъ книгъ, а научный малорусскій языкъ такъ еще не выработанъ, что отреченіе и отъ этого языка, и отъ этой литературы не будетъ для малорусскихъ патриотовъ дѣломъ особенно труднымъ. Но самую большую помощь при принесеніи этой маленькой жертвы можетъ имъ оказать сознаніе, что вся предпринятая ими работа надъ созданіемъ особаго научнаго и образованнаго украинско-русского языка, независимо отъ представляемыхъ ею трудностей, заключаетъ въ себѣ, съ точки зрѣнія блага австро-угорскихъ малоруссовъ, болѣе отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, малорусскій литературный

...отрицательных, чья положительная сторона
ни была австро-германских мажоресов, ботте
ею трудности, заключает в себя, с точки зр-
дуського языка; независимо от предусавяемых
особого научного и образованного украинско-
вся предприятия или работа над созданием
кой жертвы может им оказать сознание, что
большую помощь при принятии этой мален-
третоя дьявол особенно трудным. Но самую
этой литературы не будет для мажореских па-
ботан, что отречение и от этой языка, и от
научный мажореский язык так еще не выра-
такая незначительная козическая кинт, и
сколь язык; еще так не велика, представляя
тезисов, что научная литература на мажорес-
заинтересованы обещается так обстоя-
своему народу. Возможность перенести в ка-
русский язык, и истинно любовью к
сказки теории, добродельно пропитается обще-
ческая партия, покончив со своим сепаратист-
этого прежде всего необходимо, чтобы народни-
в. Талицкий и Букоминский Русин Конечен, для
Почему бы ничто подобное не могло произойти
наука, школы, литературы и общественной жизни.
язык, остается у хорватов и у славян языков.
ника и языка карпатская. С того времени этот
трудных сербских писателей (брато-
...отрицательную эпоху и получить обратку в

...отрицательных писателей в
...и, Босни, иль, уже главных писателей в
...отрицательных в Дамати, Славони, Сер-
...отрицательных сербо-хорватскому языку, но
...отрицательных провинциального наречия и не-
...отрицательных дьявола и дьявола. И. Там
...отрицательных в 30-х годах под рукой
...отрицательных свое т. н. каллиграфическое нар-
...отрицательных в первой четверти столетия разраба-
...отрицательных широко распространеного языка. Хорваты в
...отрицательных в ползу другого больше выработанным и больше
...отрицательных речей, уже извещают литературную обработку,
...отрицательных чения народа от местного провинциального на-
...отрицательных но указать якобинский факт, пообещав от-
...отрицательных истории новизны стараясь возродить мо-
...отрицательных нинего несомненно или несомненно. В
...отрицательных ниний язык, то может эта не представлять
...отрицательных зей от попыток создать свой особый обра-
...отрицательных вопроса о возможности отказа пиничих дите-
...отрицательных что касается затронутая г. К. Михайлович
...отрицательных нить язык обще-русский.
...отрицательных нато и научного языка естественно должен зар-
...отрицательных указывает г. К. Михайлович, роль образован-
...отрицательных нование заключить, что в стучать, на который
...отрицательных нию, приведенный в соображении дьявола, по-
...отрицательных нить его языков полбески. По моему мн-
...отрицательных нить, то это нехитро посто бля лишь кт. за-
...отрицательных от своего родного языка и записать его дря-
...отрицательных образованного мажореского общества отчасти
...отрицательных коль дьявола иль, сербское отделение

сепаратизмъ, подготовляемый въ Галичинѣ и Буковинѣ, тогда могъ бы получить известную силу и значеніе, если бъ были какія-нибудь основанія для увѣренности, что со временемъ онъ распространится и на русскую Украину, какъ объ этомъ мечтаютъ многіе народовцы и украинофилы. Но вѣдь нельзя же питать серьезно надеждъ на то, что въ близкомъ или далекомъ будущемъ вся Малороссія будетъ пользоваться въ школахъ, администраціи, судахъ, общественной жизни тѣмъ новымъ образованнымъ языкомъ, надъ выработкой котораго теперь трудится кучка львовскихъ ученыхъ и публицистовъ; что на этомъ языкѣ будутъ читаться лекціи по всѣмъ отраслямъ знанія въ университетахъ и другихъ вышнихъ учебныхъ заведеніяхъ Кіева, Харькова и Одессы, и что на немъ, а не на обще-русскомъ языкѣ будутъ печататься въ кіевскихъ типографіяхъ ученые книги по медицинѣ, математикѣ, естествознанію и филологіи. Такъ какъ всѣ эти и подобныя имъ мечтанія не осуществимы, потому что противъ нихъ, какъ уже было показано, идутъ сама жизнь и законъ культурнаго развитія народовъ, то, значитъ, вся работа по созданію особаго малорусскаго образованнаго языка совершается ради малоруссовъ Галичины и Буковины. (Вѣдь въ Угорскую Русь не проникаютъ плоды этой работы). Но насколько плодотворна и богата результатами можетъ быть по-

добная работа? Развѣ трехмилліонный бѣдный народъ, съ такою же бѣдной малочисленной интеллигенціей, въ состояніи создать свою научную литературу на языкѣ, который еще надо выработать, да еще при условіи, что часть самого народа и его интеллигенціи явно выражаетъ несочувствіе такой нецѣлесообразной работѣ и открыто примыкаетъ къ уже готовой, богатой общерусской литературѣ? Очевидно, галицко-буковинскіе ученые, предоставленные самимъ себѣ, и въ сто лѣтъ не успѣютъ создать трудовъ по всѣмъ отраслямъ знанія, которые содержали бы только азы науки. Ничтожно будетъ количество ученыхъ изданій въ такой литературѣ, ничтожно и число читателей такихъ изданій. Зато при недостаткѣ положительныхъ сторонъ ново-созидаема «українсько-руська» литература представляетъ не мало вполне очевидныхъ отрицательныхъ сторонъ. Поддерживая рознь въ образованныхъ кругахъ малорусскаго общества Галичины и Буковины, она должна отдалять австро-угорскихъ малоруссовъ отъ остальной Руси; затрудняя для нихъ пользованіе богатой русской литературой, она тѣмъ самымъ, конечно, открываетъ широкій доступъ къ нимъ чужихъ образованныхъ языковъ и литературъ. Поэтому я попрежнему настаиваю на безусловной вѣрности высказанной мною раньше мысли, вызвавшей цѣлый варывъ негодованія со стороны моихъ критиковъ: стре-

мленіе галицко-русскихъ дѣятелей поднять мало-русское нарѣчіе до уровня языка науки и высшей образованности слѣдуетъ признать явленіемъ отрицательнымъ, которое самой Галицкой и Буковинской Руси можетъ принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Подобное стремленіе, по моему мнѣнію, не можетъ заслуживать ни сочувствія, ни поддержки со стороны искреннихъ друзей мало-русского народа. Напротивъ, полное право на то и другое имѣетъ та часть образованнаго мало-русского общества Галичины и Буковины, которая борится за обще-русскій языкъ. Я вполнѣ присоединяюсь къ тому, что еще недавно писалъ въ русской газетѣ одинъ изъ представителей старорусской партіи: «Въ Галиціи можно и слѣдуетъ поддерживать одинъ только обще-русскій языкъ, который распространяется тамъ все болѣе и болѣе и который при нынѣшнихъ роковыхъ условіяхъ русскаго Прикарпатья единственно можетъ сохранить его для всего русскаго міра.» Иначе думаетъ В. П. Науменко, выставившій такой тезисъ: «Попытки нѣкоторыхъ галицкихъ кружковъ изъ культурнаго класса распространить путемъ литературы (но не школы, такъ какъ въ Австріи этого не позволяютъ) русскій книжный языкъ и сдѣлать его языкомъ своей книжности—мы считаемъ... не только не полезными, но прямо вредящими ходу развитія малорусскаго національнаго дѣла въ

Австріи.» Насколько правильна такая точка зрѣнія, показываетъ вся аргументація настоящей моей статьи. Здѣсь достаточно будетъ прибавить, что той же самой точки зрѣнія держатся и галицко-буковинскіе народовцы, украинофилы и сепаратисты. Считая дѣятельность сторонниковъ обще-русскаго языка и литературы «вредной для малорусскаго національнаго дѣла», они искусно пользуются своею близостью къ правительственнымъ кружкамъ и не стѣняются въ выборѣ средствъ для преслѣдованія своихъ политическихъ противниковъ. Вотъ въ этомъ внутреннемъ раздорѣ руководящихъ классовъ общества, основанномъ на извращеніи чувства народности, и заключается главная причина того трагическаго положенія, какое переживаетъ нынѣ столь близкая намъ, родная обездоленная Прикарпатская Русь.

Я подошелъ къ категорическому отвѣту на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ настоящей статьи. Заграничная Русь не имѣетъ никакой надобности въ созданіи своего особаго научнаго и образованнаго языка. Такимъ языкомъ удобно можетъ служить ей, какъ служитъ другимъ частямъ малорусскаго народа, языкъ обще-русскій. Языкъ этотъ уже извѣстенъ значительной части малорусскаго образованнаго общества въ Австріи и легко можетъ получить значеніе общаго образованнаго языка въ Руси Галицкой и Буко-

мение галицко-русских ученых почитать мало-
 русское наречие по уровню языка науки и на-
 шей образованности сдерживать, которое самой Галицкой и Бу-
 ковинской Руси может принести скорые вред,
 чья польза. Удобное стрекание, по моему мнѣ-
 нью, не может заслуживать ни сочувствия, ни
 поддержки со стороны искренности русских мало-
 русскаго народа. Напротивъ, такое право на то
 и должно имѣть, та часть образованнаго мало-
 русскаго общества Галичинна и Буковинна, кото-
 рая борится за обще-русскій языкъ. Я вполнѣ
 присоединяюсь къ тому, что еще недавно писалъ
 въ русской газетѣ о томъ, представляется
 старорусской нации: «Въ Галичинѣ можно и сдѣ-
 лать поддержку оцнть только обще-русскій
 языкъ, который распространяется тамъ все бо-
 лѣе и болѣе и который при нннѣшнихъ роко-
 выхъ условіяхъ русскаго Прикарпатья един-
 ственно можетъ сохранить его для всего рус-
 ская міра.» Иначе думаетъ В. П. Науменко, вы-
 ставившій такой тезисъ: «Попытки нѣкоторыхъ
 галицкихъ кружковъ изъ кувальднаго класса
 распространить путемъ литературы (но не школы,
 такъ какъ въ Австріи это не дозволено) рус-
 ской книжной языкъ и сдерживать его языкомъ
 своей книжности—ни считаемъ... не только не
 полезнымъ, но прямо вредящимъ ходу раз-
 витія малорусскаго національнаго духа въ

Австріи.» Неколько правительна точки
 зрѣнія, показывается вся аргументация настоящихъ
 коихъ статьи. Зѣчь достаточно будетъ прибавить,
 что той же самой точки зрѣнія держатся и га-
 личко-буковинскіе народолюбцы, украинифилы и
 сепаратисты. Читая дѣятельность сторонниковъ
 обще-русскаго языка и литературы «вредной для
 малорусскаго національнаго духа», они несутъ
 ответственность къ правительству въ выборъ
 языкъ кружковъ и не стѣсняются въ выборъ
 средствъ для преслѣдованія своихъ политиче-
 скихъ противниковъ. Вотъ въ этомъ внутрен-
 немъ раздорѣ русско-галицкихъ классовъ общества,
 основанномъ на различіяхъ чужда народности,
 и заключается главная причина того трагиче-
 ского положенія, какое переживаетъ нынѣ степъ
 галицкая языкъ, родная обездоленная Прикарпат-
 ская Русь.
 Я подождалъ къ категорическому отвѣту на во-
 просъ, поставленный въ заголовкѣ настоящей
 статьи. Заграничная Русь не имѣетъ никакой
 наядности въ созданіи своего особаго научнаго
 и образованнаго языка. Тамъ языкомъ удобо-
 можетъ служить ей, какъ служитъ другимъ час-
 тамъ малорусскаго народа, языкъ обще-русскій.
 Языкъ этотъ уже является значительной час-
 тью малорусскаго образованнаго общества въ Ав-
 стріи и легко можетъ получить значеніе общаго
 образованнаго языка въ Руси Галицкой и Буко-

винской, а затѣмъ и въ Угорской, если будутъ устранены препятствія, созданныя дѣятельностью народнической партіи. Само собою разумѣется, что пользованіе обще-русскимъ языкомъ, какъ органомъ высшей образованности и науки, не можетъ мѣшать широкому употребленію мѣстнаго нарѣчія въ домашнемъ обиходѣ и просто-народной литературѣ. Созданіе для Галицкой и Буковинской Руси особаго образованнаго языка не только не облегчитъ народу веденія борьбы за національную и политическую самостоятельность, но, напротивъ, задержитъ успѣхи его національнаго развитія. Единственное спасеніе для австро-угорскихъ малоруссовъ — возможно скорое и широкое усвоеніе обще-русскаго языка. Въ этомъ важномъ дѣлѣ можетъ и должна къ нимъ придти на помощь только наша Русь. Передъ русскимъ образованнымъ обществомъ, какъ великоруссами, такъ и малоруссами, стоитъ высокая и благородная задача принять подъ свою защиту и покровительство духовныя нужды нашихъ зарубужныхъ братьевъ и облегчить имъ успѣшный выходъ изъ переживаемой ими тяжелой внутренней борьбы. Въ чемъ и какъ можетъ выразиться эта помощь и поддержка, это — особый весьма важный вопросъ, надъ которымъ стоитъ поразмыслить и поработать.

V.

«Наукове Товариство імени Шевченка» и создаваемый имъ научный «українсько-руський» языкъ.

Новѣйшее малорусское литературное движеніе, какъ извѣстно, сосредоточено преимущественно въ Галичинѣ и Буковинѣ. Въ предѣлахъ Россіи оно представлено очень слабо и выражается только въ появленіи время отъ времени немногочисленныхъ новыхъ беллетристическихъ произведеній, преимущественно театральныхъ пьесъ, въ перепечаткѣ сочиненій нѣкоторыхъ старыхъ малорусскихъ писателей и въ изданіи небольшого количества книгъ для простонароднаго чтенія. Гораздо шире развивается дѣло въ Галичинѣ и Буковинѣ. Здѣсь создается особая малорусская литература весьма разнообразнаго содержанія. На малорусскомъ плн, точнѣе, «українсько-руськомъ» языкѣ печатаются учебники для низшихъ и среднихъ школъ, издаются газеты и журналы,

появляются книги не только беллетристического, но и научного содержания. Здесь же разрабатываются планы и проекты основания «украинско-русского» университета и «украинско-русской» академии наук. Главным очагом всего этого движения служит собственно одно учреждение — Львовское «Наукове Товариство імени Шевченка», существующее уже 26 лет. Около него группируются все местные сторонники малорусского литературного сепаратизма, к нему тяготеют и сочувствующие этому сепаратизму наши украинцы. «Товариство» задает тонь всему движению, руководит имъ, намѣчаетъ его конечныя цѣли и задачи. Между прочимъ, оно приняло на себя и главныя заботы о выработкѣ новаго научнаго «украинско-русского» языка.

Въ виду такой важной роли Общества имени Шевченка въ современномъ малорусскомъ литературномъ движении, нельзя не удѣлить этому обществу нѣкотораго вниманія съ цѣлью болѣе полного выясненія занимающаго насъ общаго вопроса о поднятіи малорусскаго языка до уровня языка науки и высшей образованности. Любопытно присмотрѣться къ дѣятельности «Товариства» и ближе познакомиться съ типомъ выработываемаго имъ научнаго языка.

Общество имени Шевченка основано во Львовѣ въ 1873 г. по инициативѣ девяти представителей народнической партіи, между которыми особенно

видную роль играли Е. Огоновскій, Романчукъ и С. Качала. Возникло оно на средства, доставленные изъ Россіи (г-жей Милорадовичъ и М. Жученко). Средства этихъ было настолько достаточно, что общество съ самаго начала обзавелось своей типографіей, поставивъ главной своей задачей — содѣйствовать изданію книгъ на малорусскомъ языкѣ. Въ первыя двадцать летъ дѣятельность общества была ограничена довольно тѣсными рамками. Она состояла почти исключительно въ матеріальной поддержкѣ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій (особенно журн. «Правда»), затѣмъ въ изданіи своего журнала «Зоря» и въ печатаніи отдѣльныхъ сочиненій, между которыми особенно выдаются труды д-ра Е. Огоновскаго (по языку и исторіи литературы), имѣннѣе цѣлью обоснованіе положенія объ отдѣльности и самостоятельности малорусскаго языка и народа. Нѣкоторое оживленіе въ дѣятельности общества обнаруживается только съ 1892 г., когда оно благодаря заботамъ своего предсѣдателя Ал. Барвинскаго получило новый уставъ и превратилось въ «ученое общество», поставившее своей задачей «разработку всѣхъ отраслей знанія на «украинско-русскомъ языкѣ». Оно раздѣлилось на три «секціи» — филологическую, историко-философскую и естественно-математико-медицинскую и начало издавать свой ученый журналъ «Записки», который первоначально выходилъ по

вплотную роль играли В. (Фоминский), Ложанин
и С. Качага. Возникло оно на срезе, уста-
нениив язык. Россия (также Литовско-польск. и М.
Кученко). Средствъ этихъ было настолько доста-
точно, что общество ст. самое начало обязалось
своихъ типографей, составлять главной своей за-
дачей—содѣйствовать издаванію книгъ на като-
русскомъ языкѣ. Въ первый увидѣть эти, уни-
терность общества была органичена довольно
тѣсными рамками. Она состояла почти исключи-
тельно въ матеріальной поддержкѣ некоторыхъ
періодическихъ изданій (особенно журн. «Литве-
русъ»), а также въ изданіи своего журнала «Зорька»
и въ печатаніи отдѣльныхъ сочиненій, между
которыми особенно выдаются труды д-ра В. Оро-
новскаго (по языку и исторіи литературы), иль-
ини ильбо обоснованіе положеніи обр. отъ-
ности и самостоятельности малорусскаго языка
общества обнародованы только ст. 1892 г., когда
оно благодаря заботамъ своего председателя А.
Барвинскаго получило новый уставъ и превра-
тилось въ «ученое общество», составившее своей
задачей «разработку всѣхъ отраслей знания на
украинско-русскомъ языкѣ». Оно раздѣлилось
на три «секціи» — филологическую, историко-
филологическую и естественно-математико-медици-
скую и начало издавать свой ученый журналъ
«Записки», который первоначально выходилъ по

повторяемыя книги не только безвозмездно,
но и учено-содѣйствіемъ; такъ какъ разрабатываются
планы и проекты основанія «украинско-рус-
ского» университетскаго и «украинско-русско-акаде-
мическаго» высшаго училища въ этомъ движеніи
служить собственно одно учрежденіе—Львовское
«Науково Товариство іменіи Шевченка», существую-
ющее уже 26 лѣтъ. Около него группируются въ
кѣстные сторонники малорусскаго литературнаго
сепаратизма, къ нему тяготеютъ и сочувствующіе
этому сепаратизму наши украинцы. «Товариство»
задаетъ тонъ всему движенію, руководитъ имъ,
наблюдаетъ его конечныя цѣли и задачи. Между
прочимъ, оно приняло на себя и главныя заботы
о выработкѣ новаго научнаго «украинско-рус-
ского» языка.
Въ виду такой важной роли Общества имени
Шевченка въ современномъ малорусскомъ литера-
турномъ движеніи, нельзя не уделить этому об-
ществу въ некоторомъ вынаніи ст. цѣлю. Суще-
ствую вышенія занимающая часть общаго
вопроса о поднятій малорусскаго языка до уровня
языка науки и высшей образованности. Любо-
пытно прикомотрѣтся къ дѣятельности «Това-
риства» и ниже познаномишься съ типомъ вы-
работываемого имъ научнаго языка.
Общество имени Шевченка основано во Львовѣ
въ 1873 г. по инициативѣ дѣятели преподавателей
народнической партіи, между которыми особенно

одной книжкѣ въ годъ. Но настоящую широкую и разностороннюю дѣятельность развиваетъ «Товариство» только съ 1894 г., со времени появленія во Львовѣ въ качествѣ профессора русской исторіи въ мѣстномъ университетѣ магистра университета св. Владимира М. С. Грушевскаго, вскорѣ сдѣланнаго председателемъ («головой») «Товариства». Пріѣздъ въ Галичину молодого русского ученаго и немедленное выступленіе его въ роли дѣятельнаго члена «Товариства» имѣло значеніе крупнаго событія въ исторіи развитія малорусскаго литературнаго сепаратизма. Какъ разъ въ это время, т. е. въ 1894 г., скончался д-ръ Ем. Огоновскій, главная опора литературнаго украинофильства въ Галичинѣ. Между мѣстными людьми народнической партіи, уже распавшейся на нѣсколько политическихъ фракцій, не было такого лица, которое, обладая научнымъ авторитетомъ, стояло бы внѣ партійныхъ счетовъ и потому съ успѣхомъ могло бы взять въ свои руки дѣло дальнѣйшаго развитія литературнаго сепаратизма. Такое лицо послала въ Галичину наша Украина. Малорусъ по происхожденію и русский подданный, перолецъ историко-филологическаго факультета университета св. Владимира, бывшій профессорскій стипендіатъ, удостоенный факультетомъ степеніи магистра русской исторіи за сочиненіе, изданное на обще-русскомъ литературномъ языкѣ, М. С. Грушевскій оказался самымъ подходящимъ

кандидатомъ для замѣщенія важнаго поста, оставшагося вакантнымъ послѣ смерти д-ра Е. Огоновскаго. Независимо отъ своихъ личныхъ качествъ и дарованій и извѣстнаго научнаго авторитета, санкціонированнаго ученою степенью магистра, онъ былъ особенно приятенъ и дорогъ народнической партіи, какъ малорусъ, имѣвшій большія связи съ русской Украиной. Порѣздъ его въ Галичину открывалъ партіи надежду на возможность широкой пропаганды въ Россіи основнаго идей «Товариства» и полученія изъ нашей Украины дѣятельной матеріальной и нравственной поддержки. Всѣ эти надежды и ожиданія галицкихъ сепаратистовъ прекрасно оправдалъ М. С. Грушевскій. Онъ сталъ настоящимъ энергичнымъ вождемъ украинофильскаго движенія въ Галичинѣ и широко раздвинулъ рамки дѣятельности «Научоваго Товариства іменн Шевченка». Пишущій эти строки да, вѣроятно, и многіе другіе профессора историко-филологическаго факультета университета св. Владимира не могутъ не испытывать чувства душевной горечи и обиды, ближе знакомясь съ разнообразными фактами дѣятельности г. Грушевскаго, какъ руководителя литературно-сепаратистскаго движенія въ Галичинѣ. Понимая удивительно, какимъ образомъ русский образованный и ученый человекъ, имѣвшій возможность въ свои школьные годы (въ противоположность нѣкоторымъ галицкимъ ученымъ сепаратистскаго

толка) близко познакомиться съ необъятной силой русской ученой литературы и мировым значеніемъ обще-русского языка, явившись въ Галичину, выступилъ горячимъ противникомъ идеи распространенія этого могучаго языка и этой богатой литературы среди русского населенія Австріи. Въмѣсто того, чтобы, пользуясь своимъ положеніемъ ученаго профессора, разъяснить сторонникамъ народнической партіи всю неестественность, искусственность, беспочвенность и бесплодность ихъ литературныхъ затѣй и украинофильскихъ плановъ, онъ выступилъ ревностнымъ поборникомъ такого дѣла, которое должно закрывать галицкимъ и буковинскимъ малоруссамъ доступъ къ обще-русской литературѣ и приводить ихъ къ отчужденію отъ остальной Руси. Какія невѣдомыя и темныя силы толкнули молодого ученаго, изъ котораго могъ выработаться хорошій дѣятель русской науки, на путь столь сомнительнаго служенія ближнему для него малорусскому народу и вскормившей и воспитавшей его родинѣ?

Какъ бы то ни было, Михаилъ Сергѣевичъ Грушевскій, теперь переименовавшій себя въ «Михайла Грушевського», съ самаго своего приѣзда во Львовъ обнаружилъ изумительную энергию и опытность въ веденіи литературнаго дѣла, словно онъ заранее готовился къ той дѣятельной роли, какую принял на себя. Съ необык-

новеннымъ трудолюбіемъ онъ принялся за сочинительство на малорусскомъ языкѣ и за шесть лѣтъ своего пребыванія во Львовѣ написалъ огромное количество работъ по южно-русской исторіи, какъ-то: статей, монографій, сообщений, замѣтокъ, библиографическихъ обзоровъ, даже повѣстей и рассказовъ на историческіе сюжеты и темы. Наполняя своими трудами различныя цѣли и значенія изданія «Товариства», онъ въ то же время состоитъ редакторомъ главнѣйшихъ изъ нихъ, а именно — «Записокъ», которыя стали выходить книжками шесть разъ въ годъ, и «Литературно-научнаго Вѣстника», ежемѣсячнаго журнала, назначеннаго для большаго публцики. Независимо отъ того онъ издаетъ цѣлыми томами историческіе матеріалы и ведетъ большую работу — тенденціозную по замыслу и исполненію «Исторію Украины Руси», первый томъ которой уже вышелъ, а второй печатается. Подъ руководствомъ М. С. Грушевскаго «Товариство» получило новую организацію, которая, по мысли предсѣдателя, должна облегчить превращеніе ученаго общества въ академію наукъ; такъ, при секціяхъ образованы особыя комисиі — археологическая, этнографическая и медицинская, Издательская дѣятельность «Товариства» также расширилась весьма значительно. Кромѣ упомянутыхъ уже «Записокъ» и «Вѣстника», служащихъ общими органами общества,

поведают о том, что принимая на себя
чуждую работу по Львову, написав
отромное количество статей по южно-русской
истории, как-то: статьи, монографии, сочинения,
заметки, библиографические описания, даже
портреты и рисунки на исторические сюжеты
и темы. Наполняя своими трудами различные
журналы и значительные издания «Товари-
ства», то же время состоять редактором «Товари-
ства» и лично — «Занесок», кото-
рые стали выходить книжками не в два, а
три, и «Литературно-научного Вестника», еже-
месячно издаваемого, предназначенного для большо-
го числа читателей. Независимо от того он издает и
различные исторические материалы и ведет
большую работу — редактирование по разным
неподлинным «История Украины Руса», первый
том которой уже вышел, а второй печатается.
Получив известия М. С. Грушевского «Товари-
ство» получило новую организацию, которая
по мысли председателя, должна облегчить пре-
ращение учебного общества в академическое на-
учное, при сем же образовать комис-
сию — археологическую, этнографическую и музей-
ную. Инициатива Львовского «Товари-
ства» также расширялась весьма значительно,
кроме упомянутых уже «Занесок» и «Вест-
ника», служивших общими органами общества,

Как бы то ни было, Михаил Сергеевич
Грушевский, теперь переживавший себя в
«Киевском Вестнике», с самого своего при-
езда во Львов обнаружил изумительную энер-
гию и опытность в ведении литературного дела,
своею оной зарею готовился к той работе,
ноу рою, какую принял на себя. С неодоли-

мыми трудностями и восставшей его ро-
дано служения близкому для него малорусскому
делу, на путь столь сознатель-
но, на путь столь выразительной хороших
ученых, из которых моль вырабатывается хороших
неудобная и темная сила толкнула к этому
их к отчаянию от остальной Руси. Как
успеть к общерусской литературе и приобщить
книжки различных и разнообразных
подборки, такого дела, которое можно за-
писать, он выступил в различные
публикации, в которых зашла и украин-
ность, неясность, безответственность и без-
различность народной партии всю неясность
положения украинского профессора, излагать сво-
еобразно. В это время, когда украинский
вопрос литературы среди русских ученых
распространения этого вопроса языка и это
чуждую работу, выходящую противником, не
чуждую общерусскому языку, выходящую в
той русской научной литературе и мировой зна-
комости, которую она представляет с собой

выходят спеціальні «Сборники» окремих секцій і комісій, а також видаються: юридичський журнал (Правничі Часопис), Істочники «українсько-руської» історії («Жерела до історії України Русі»), «Руська історична бібліотека» і «Російсько-Український словар» М. Уманця. В 1898 г. було wydано 18 томів. На паданія 1899 года по смѣті ассигновано 16,250 гульденів. І денешні средства «Товариства» також весьма увеличились за время предсѣдательства М. С. Грушевскаго. Къ ежегодной субсидіи отъ сейма и министерства народнаго просвѣщенія (5,500 гульд.) теперъ присоединяются довольно значительныя пожертвованія, притекающія изъ нашей Украйны. Такъ, въ 1898 г. одинъ украинець, имя котораго пока остается неизвѣстнымъ, пожертвовалъ 45,000 гульд. на фондъ для устройства «Українсько-руського» университета. На эти деньги «Товариство» уже приобрѣло собственный домъ въ 140,000 гульд. Сверхъ того М. С. Грушевскій установилъ особые сборы пожертвованій для образованія двухъ фондовъ—для учрежденія «українсько-руської» академіи и для приготовленія профессорівъ для будущаго «українсько-руського» университета. Почитатели же М. С. Грушевскаго учредили спеціальний фондъ его имени для поддержки занимающейся наукой молодежи. Всѣ эти фонды, пока еще незначительные, также составляютъ главнѣйше

изъ мелкихъ пожертвованій, присылаемыхъ изъ Россіи.

Такова въ общихъ чертахъ внѣшняя сторона дѣятельности Ученаго общества имени Шевченка. Приведенные факты несомнѣнно свидѣтельствуютъ какъ о большой энергіи и предпримчивости новаго предсѣдателя и ближайшихъ его сотрудниковъ, такъ и о быстромъ развитіи дѣятельности «Товариства». Но, касаясь внѣшней стороны жизни общества, нельзя оставить безъ вниманія и внутренней ея стороны. И вотъ тутъ возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Какое значеніе имѣетъ дѣятельность «Товариства»? Соответствуетъ ли она насущнымъ нуждамъ галицко-русскаго народа? Насколько значительны и цѣнны достигнутые ею результаты? Предсѣдатель «Товариства» г. М. Грушевскій на этотъ счетъ имѣетъ, повидимому, самыя свѣтлыя мысли. Въ общемъ собраніи общества, 2 февраля нынѣшняго года, онъ заявилъ съ гордостью и нѣкоторымъ пафосомъ слѣдующее: «На нынѣшнюю высоту «Товариство» поднялось лишь за нѣсколько предшдущихъ лѣтъ. Проживши первыя десятилѣтія своего существованія въ весьма скромной обстановкѣ, за послѣднія пять лѣтъ оно выпустило въ свѣтъ болѣе 50 томівъ научныхъ изданій; оно, можно сказать, создало украинско-русскую науку въ глазахъ и понятіяхъ ученаго міра («сотворило українсь-

ко-руську науку в очах і поняттях ученого світа»), вызвало и воспитало кадры работников науки в различных ее областях, стало главным очагом, средоточием культурной работы для всех краев Украины Руси и высоко подняло знамя украинско-русской культуры («стало головним огнищем, осередком культурної роботи для всіх країв України Руси та височенько підняло прапор українсько-руської культури!»). Но с такими видами, исполненным не малаго хвастовства и самолюбия, без сомнѣнія, не согласится ни один объективный наблюдатель галицкого малорусскаго литературнаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, ужели можно серьезно думать, что пятьдесят или даже сотня томовъ книгъ (положимъ, даже дѣльных) ученаго содержанія на малорусскомъ языкѣ могутъ служить доказательствомъ существованія особой «українсько-руської» науки и высокаго положенія «українсько-руської» культуры? Кому же неизвѣстно, что наука у народовъ не создается кружкомъ ученыхъ изъ 10—15 лицъ въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ, а является результатомъ продолжительныхъ настойчивыхъ трудовъ нѣсколькихъ поколѣній образованныхъ классовъ всего народа и предполагаетъ существованіе не десятковъ и даже сотенъ, а тысячъ книгъ, изъ которыхъ однѣ содержатъ изслѣдованія разныхъ частныхъ вопросовъ

всѣхъ возможныхъ областей знанія, а другія представляютъ систематическіе обзоры цѣлыхъ наукъ или крупныхъ ихъ отдѣловъ. При этомъ необходимо должно присутствовать налицо болѣе или менѣе значительное количество трудовъ, исполнѣ самостоятельныхъ, существенно обогащающихъ науку и принадлежащихъ ученымъ, которые составили себѣ имя силою своей мысли и таланта. Что же представляетъ собою съ этой точки зрѣнія «українсько-руська» литература, создаваемая Обществомъ имени Шевченка? Если взять въ виду не только 50 томовъ, о которыхъ говоритъ г. Грушевскій, но и всѣ вообще изданія Товариства, въ общей сложности около 80 томовъ, то оказывается, что большая часть ихъ относится къ изученію малорусскаго народа въ историческомъ, этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Но, разбирая эти томы, мы находимъ: во-первыхъ, что наибольшую цѣну между ними представляютъ тѣ, которые содержатъ не изслѣдованіе научныхъ вопросовъ, а сырой матеріалъ, какъ-то: изданія историческихъ актовъ, памятниконъ старинной литературы (напр., апокрифовъ), образцовъ народныхъ говоровъ и проч.; во-вторыхъ, что значительное количество томовъ содержатъ нецонятно зачѣмъ сдѣланные переводы съ обще-русскаго языка на «українсько-руський» сочиненій русскихъ историковъ — Костомарова, Плотаискаго, Антоновича, Дашкеви-

ча, Драгоманова, Тининченка и др., и, въ-третьихъ, что въ важнѣйшемъ и наиболѣе чистенномъ по количеству томовъ изданіи—«Запискахъ»—значительную и при томъ лучшую часть составляютъ обзоры и пересказы содержанія ученыхъ сочиненій и изданій на обще-русскомъ языкѣ. Что касается другихъ, болѣе общихъ отраслей знанія, то имъ посвящено такъ мало изданій, а въ «Запискахъ» отводится такъ мало мѣста, что просто смѣшно говорить о самостоятельной разработкѣ въ «украинско-русской» литературѣ такихъ наукъ, какъ медицина, математика, естествознаніе, право. Десятки, другой мелкихъ статей и сообщеній по частнымъ вопросамъ этихъ наукъ имѣютъ значеніе вывѣски для «Товариства», какъ нѣкое оправданіе фикціи о высокомъ развитіи «украинско-русской культуры». Не представляетъ эта новая «ученая» литература ни одного большого цѣльнаго и оригинальнаго сочиненія по какой-либо наукѣ, если не считать пресловутой «Исторіи русской литературы» покойнаго Е. Огоновскаго и новѣйшей «Исторіи Украины Руси» М. Грушевскаго, кото; ая, судя по первому тому, въ отношеніи тенденціозности не будетъ уступать труду Огоновскаго *). Изданія «Товариства» заполняются обыкновенно небольшими статьями, замѣтками, сообщеніями

*) Свое сочиненіе по малорусской диалектологіи Е. М. Огоновскій предпочелъ издать на русскомъ языкѣ.

большію частію весьма невысокой научной цѣны. Не видно среди дѣятелей «Товариства» ни обилія ученыхъ силъ, ни настоящихъ талантовъ, хотя бы и немногочисленныхъ. Главными работниками и самыми плодовитыми вкладчиками въ изданія «Товариства» являются два лица—М. С. Грушевскій и д-ръ П. Франко. Рядомъ съ ними можно назвать еще 8—10 именъ лицъ, труды которыхъ имѣютъ болѣе или менѣе научный характеръ (напр., Колесса, Томашевскій, Верхратскій, Гнатюкъ, Озаркевичъ и др.). М. С. Грушевскій въ своемъ отчетѣ о дѣятельности Общества имени Шевченка за 1898 г., между прочимъ, съ чувствомъ особаго удовольствія отмѣчаетъ, что въ ученыхъ изданіяхъ «Товариства» участвовало 74 писателя, въ томъ числѣ 4 женщины. Но относительно ученой подготовки болѣе части этихъ писателей и достоинства ихъ произведеній можно сказать mutatis mutandis то же самое, что нѣсколько лѣтъ назадъ сказалъ про новѣйшихъ малорусскихъ беллетристовъ одинъ изъ галицко-русскихъ писателей. Это «не писатели, не поэты, даже не литературные люди, а просто политическіе солдаты, которые получили приказаніе: сочинять литературу, писать стихи по заказу, на срокъ, на фунты. Вотъ и сыплются, какъ изъ рога обилія, безграмотныя литературныя «произведенія», а въ каждомъ изъ нихъ «ленька Украина» и «клятый москаль»

водятся за чубы. Ни малѣйшаго слѣда таланта или вдохновенія, ни смутнаго понятія о литературной формѣ и эстетикѣ не проявляютъ эти «малые Тарасики», какъ остроумно называлъ ихъ Драгомановъ, но этого всего отъ нихъ не требуется, лишь бы они заполняли столбцы «Зорни» и «Правды», лишь бы можно было статистически доказать міру, что дескать, какъ же мы не самостоятельный народъ, а литература наша не самостоятельная, не отличная отъ «московской», если у насъ имѣется цѣлыхъ 11 драматурговъ, 22 беллетриста и 37 1/2 поэта, которыхъ фамиліи оканчиваются на—«енко»? («Вестѣда» 1894 г.).

Въ такомъ видѣ рисуется передъ нами внутренняя сторона дѣятельности Общества имени Шевченка. Какъ видимъ, она стоитъ не высоко. Настоящіе результаты дѣятельности «Товариства» не соответствуютъ оптимистическимъ взглядамъ его предсѣдателя и во всякомъ случаѣ не даютъ права утверждать вмѣстѣ съ нимъ, что «Товариство» «создало украинско-руську науку». Такой науки пока мы не видимъ, а видимъ только попытки создать нѣчто въ родѣ «науки». Но еще вопросъ, насколько эти попытки удачны и вообще цѣлесообразны. Во всякомъ случаѣ, предпринятая «Товариствомъ» работа по созданию научной литературы на «украинско-руськомъ» языкѣ находится въ самомъ началѣ, и успѣхъ ея подлежитъ большому сомнѣнію. Отсюда весьма

наивными и смѣнными представляются всѣ указанные толки и заботы объ учрежденіи «украинско-руського» университета и украинско-руськой» академіи наукъ. Гдѣ тѣ «украинско-руськіе» ученые, которые въ качествѣ членовъ будущей академіи будутъ разрабатывать на «украинско-руськомъ» языкѣ математику, физику, химию, языковѣдѣніе или политическія и социальныя науки? Откуда возьмутся профессора для будущаго «украинско-руського» университета? Гдѣ тѣ научныя пособия и курсы на «украинско-руськомъ» языкѣ, безъ которыхъ немислимо академическое преподаваніе наукъ? Гдѣ, наконецъ, выработанный научный языкъ и установившаяся научная терминологія? Нужно бѣтъ совершенно близорукимъ, чтобы не видѣть, сколько неестественнаго, дѣланнаго, искусственнаго заключаетъ въ себѣ вся дѣятельность «Товариства». Въ силу фантастичности своихъ плановъ и задачъ она стоитъ слишкомъ далеко отъ насущныхъ нуждъ галицко-русскаго народа и потому пользуется съ его стороны очень малымъ сочувствіемъ и поддержкой. Доказательство равнодушія большей части образованнаго общества Галицкой и Буковинской Руси къ дѣятельности «Товариства» можно найти въ отчетахъ послѣдняго. На какія средства существуетъ «Товариство»? Да: главнѣйшіе на правительственную, впрочемъ, довольно скромную субвенцію и на бо-

наши дни и сближили прореквизицию в их за-
вание тогда и заботы от украинцев «укра-
инско-русского» университета и украинско-
русской «академии наук». Тут же «украинско-
русские» ученые, которые в качестве членов
будущей академии будут разрабатывать на
«украинско-русском» языке математику, фи-
зику, химию, языковедение или политическую и
социальную науки. Откуда возьмутся профессора
или будущие «украинско-русского» универси-
тета? Тут же научными пособиями и курсами на «укра-
инско-русском» языке, без которых не ма-
етко академическое преподавание наук? Тут,
наконец, выработанный научный язык и уста-
новившаяся научная терминология? Ну, конечно,
совершенно необходимо, чтобы не видеть, сколько
ко неестественного, убогого, искусственного жи-
вучает, в себе вся убогость «Локри-
стана». В силу фантастичности своих планов,
и задуя она стоит слишком далеко от на-
стоящих нужд украинско-русского народа и по-
тому пользуется с его стороны очень малым
соучастием и поддержкой. Доказательство раз-
ноушии большей части образованного общества
«Локристана» можно найти в отчетах, посто-
янно. На какие средства существует «Локри-
ство»? Да главным же на правительственный,
впрочем, довольно скромный субсидию и на бо-

полужить большому количеству
язык находится в самом начале, и убохт еи
научной литературы на «украинско-русском»
предпринята «Товариществом» работа по созданию
и вообще приспособления. Во всяком случае,
Но еще вопрос, насколько эти понятия удачны
только попытки создать нечто в роде «науки».
Такой науки пока мы не видим, а видим
просто «создание украинско-русскую науку».
Приведем утверждать вкратце с тем, что «Това-
риство» предпринимать и во всяком случае не дадут
его предпринимать, о чем мы уже говорили.
Настоящие результаты деятельности «Товарищества»
Швенца. Как, видите, она стоит, не только
тренируя стороны деятельности общества имени
В. так как видя будущее перед нами ину-
оканчиваются на «ею?» («Вестник» 1894 г.).
22 беллетристики и 37 1/2 поэмы, которых фамилии
если у нас нет никаких других, и драматургов,
составительская, не отчаяны от «московской»,
мостовительских народов, а литературы наша не с-
доказательству, что дескать, как же мы не с-
и «Привет», лишь бы можно было статистически
буква, лишь бы они запоздали стодолга «Зорн»
Украиновья, по этому вопросу от них не тре-
«малые Тараскины», как остроумно называет эти
турной форма и «жесткие» не провозвизит, эти
или экономии, не случайно понятия о литерат-
ноулки за чужды. Ни материально сфера талант

лѣ или менѣе значительныя пожертвованія, присылаемыя изъ Россіи. Мѣстное галицко-буковинское общество удѣляетъ ничтожныя крохи. Такъ, въ 1898 г. членскіе взносы дали въ кассу общества всего 720 гульденовъ. Зато, быть можетъ, мѣстные образованные люди усердно покупаютъ и поддерживаютъ изданія «Товариства»? Но и этого нѣтъ. Въ отчетахъ, составляемыхъ вообще очень обстоятельно, но оказывается свѣдѣній о количествѣ проданныхъ экземпляровъ научныхъ изданій и, по всей вѣроятности, потому, что количество это ничтожно. Зато отчетъ за 1898 г. съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, какъ доказательство успѣха издательской дѣятельности «Товариства», тотъ фактъ, что «Літературно-научовий Вістникъ» имѣлъ 890 подписчиковъ. Несмотря на такой успѣхъ (!) этого изданія, въ смѣту на 1899 г. внесена статья: 1,500 гульд. на покрытіе возможнаго дефицита по изданію «Вістника». Впрочемъ, и самъ предсѣдатель «Товариства» въ общемъ собраніи 2 февраля нынѣшняго года сознался, что будущность «Товариства» и его культурной работы «не заключаетъ въ себѣ ничего прочнаго, что средства его истощены до послѣдней степени и что доходы не обезпечены». («Записки», 1899. II В.).

Искусственность и тенденціозность — характерныя черты дѣятельности «Товариства». Онѣ отражаются и на внѣшности его изданій. Въ своей

литературной производительности отиракляясь отъ принципа отдѣльности и самостоятельности малорусскаго языка и народа, «Товариство» видитъ одну изъ своихъ задачъ въ томъ, чтобы обосновать и доказать этотъ ложный по существу своему принципъ, и потому заботится о томъ, чтобы издаваемыя имъ книги и въ отношеніи правописанія, и по языку стояли какъ можно дальше отъ книгъ, печатающихся на обще-русскомъ языкѣ. Эта сторона дѣятельности «Товариства» также представляетъ много любопытнаго и поучительнаго.

Въ настоящее время всѣ книги и изданія «Товариства», а равно учебники и всякія официальныя бумаги на малорусскомъ языкѣ въ Галичинѣ и Буковинѣ печатаются особымъ правописаніемъ, т. е. фонетическимъ, отличающимся отъ того правописанія (этимологическаго), которое принято въ нашемъ литературномъ языкѣ и которое употребляется въ малорусскихъ книгахъ, печатающихся въ Россіи, а также издающихся въ Галичинѣ и Буковинѣ, но отъ имени общества и частныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ украинофильской партіи. Сущность фонетическаго правописанія состоитъ въ томъ, что слова пишутся такъ, какъ произносятся; напр., обще-русскія входъ, отецъ, звѣзды, кони передаются по-малорусски фонетическимъ правописаніемъ слѣдующимъ образомъ: вхїд, отецъ (и

вітець, звізды, вѣнь. Следовательно получается
 наибольшее сходство между одинаковыми обще-рус-
 скими (книжными) и «українсько-руськими» сло-
 вами. Но, вѣдь, тѣ же самыя слова и для вели-
 корусса будутъ имѣть отличную отъ обще-рус-
 ской (книжной) формы, если ихъ передать фо-
 нетическимъ правописаніемъ: вхот, атьецъ,
 звіозды, и, однако, никому и въ голову не при-
 деть въ литературномъ языкѣ, принятомъ у ве-
 ликоруссовъ, примѣнять фонетическое правопи-
 саніе. Введеніе въ правописаніе фонетическаго
 принципа сдѣлало необходимымъ внесеніе въ
 графнку нѣсколькихъ новыхъ знаковъ, устране-
 ніе изъ нея нѣкоторыхъ старыхъ буквъ (ъ, ѣ, ѣ)
 и присвоеніе нѣкоторымъ старымъ буквамъ новаго
 звукового значенія. Осуществленіе этой реформы
 и узаконеніе ея австрійскимъ правительствомъ
 составляетъ одинъ изъ печальныхъ подвиговъ
 Общества имени Шевченка. Принимая подъ свое
 покровительство это дѣло, оно пошло навстрѣчу
 давнишнему стремленію правительства и господ-
 ствующей польской партіи, заботившихся объ
 отдѣленіи галицко-русской литературы и пись-
 менности отъ обще-русской. Достаточно вспо-
 мнить, что еще въ 1848 г. началось гоненіе на
 употребляемое галичанами русское гражданское
 письмо и дѣлались попытки ввести вмѣсто него
 латинскую абечеду. Попытки эти были близки
 къ осуществленію въ намѣстничество графа Го-

духовскаго, такъ что русскимъ патріотамъ во
 главѣ съ М. О. Головацкимъ, стоило не малаго
 труда отстаивать русское письмо. Тогда-то въ виду
 этой неудачи у сторонниковъ разьединенія Руси
 явилась мысль о введеніи фонетическаго право-
 писанія. Если не ошибаюсь, одинъ изъ первыхъ
 сталъ распространять эту мысль украинифиль-
 ствующій полякъ Стахурскій, впрочемъ стояв-
 шій также и за принятіе малоруссами латиницы.
 Первая выработка основъ фонетическаго право-
 писанія и примѣненіе ихъ въ печати принадле-
 жать П. Кулишу. Народническая партія ухва-
 тилась за новую идею и стала ее поддерживать
 въ своихъ изданіяхъ. Въ 1892 г. Общество имени
 Шевченка вмѣстѣ съ Педагогическимъ обще-
 ствомъ подало въ министерство народнаго про-
 свѣщенія прошеніе о введеніи фонетическаго пра-
 вописанія въ учебникахъ народныхъ школъ и
 среднихъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ прошеніи
 необходимость правописной реформы обоснована
 не столько научными и педагогическими сообра-
 женіями, сколько политическими; между послѣд-
 ними прямо указывалось, что для Галицкой Руси
 и лучше, и безопаснѣе не пользоваться тѣмъ са-
 мымъ правописаніемъ, какое принято въ Россіи.
 Правительство, конечно, отнеслось съ полнымъ
 сочувствіемъ къ такому ходатайству и, не обра-
 щая вниманія на протесты и просьбы народа и
 русской партіи, покрытыя 50,000 подписей, издало

8
 думается, так что русский патриотизм во
 главе с г-м (Головинским), стояло не мало
 трудя отстоять русское писмо. Тогда-то в виду
 этой неурядицы сторонники разведания Руси
 являлись мисья о введении фонетического право-
 писания. Если не ошибаюсь, один из первых
 стал распространять эту мисья украинский
 стьющий помят Станушевский, впрочем стья-
 ний также и за принятыя мажорусские латиница.
 Первая работа основана фонетическим право-
 писания и приктышение их в печати принадле-
 жать П. Бутину. Народническая партия уха-
 тилась за новую мисья и стала ее поурядивать
 в своих изданиях. В 1892 г. Общество имени
 Шевченка выдало сь Государственный обще-
 ственный доклад в министерство народнаго про-
 сьвания и приктышение о введении фонетическаго пра-
 вописания в учебниках народнаго школьничья
 ерешения. В этом прошение
 необходима форма основана
 не только научными и педагогическими сообра-
 жениями, сколько политическими; между поста-
 нки прямо указывалось, что для Латинской Руси
 и лучше, и безопаснее не пользоваться тья са-
 мья, правописания, какое принято в России.
 Правительство, конечно, отнеслось сь подлинно
 сочувственно к тья такому ходатайству и не обра-
 щая внимания на протесты и просьбы народа и
 русской партии, открытыя 50,000 подписей, издало

112
 втвоем издании, в том (с) отношении получено
 втвоем похвалено мажорусским обществом
 евки (книжники) и украинско-русскими
 яки. Но, в тья, тья же евки слова и тья не
 коруса будут и тья отячную оть обще-рус-
 ской (книжной) форм, если их перодать фо-
 нетическим правописанием: в хот, атлет,
 атеизм, и, однако, никому и в тья не при-
 деть в тья интерпрюкт, а тья, принимают у не-
 ликорусов, приктышать фонетическое правопи-
 сание. Введение в правописание фонетическаго
 принципа с тьяго необходимо в введение в
 правописание некоторых новизн, а именно, в тья
 не в тья некоторых стрижать буквы (т, ф, в)
 и приктышение стрижать буквы помято
 в тьякого значении. Обусловление этой реформы
 и законение в акрипическим правописанием
 составитель один из печальничья помятовья
 общества имени Шевченка. Принимая помят свое
 покровительство это тья, оно пошло настрья
 давшишему средению правительства и господ-
 стьющей польской партии, забывшихся оть
 отячненя тьяко-русской литературы и пись-
 менности оть обще-русской. Достаточно напо-
 мнить, что еще в 1848 г. начатось воевание на
 употребленное тьячашам русское гражданское
 писмо и тьячась помятти внести в тьяго nero
 тьячашку адепту. Политики эти были дьяки
 в осуществлению в нахотничестве графа Го-

распоряженіе, въ силу котораго Вѣдѣнія государственнаго законодѣнія, всѣ официальныя изданія, учебники, судебныя рѣшенія и распоряженія властей въ Восточной Галичинѣ и Буковинѣ печатаются фонетикой. Такъ, къ общему удовольствію поляковъ и украинофиловъ-сепаратистовъ, цѣль была достигнута: галицкая «украинско-русская» литература обзавелась своимъ правописаніемъ и по внѣшнему виду своихъ изданій значительно отдѣлилась отъ общерусской литературы. Но сторонники этой реформы, повидному, въ свое время не подумали о томъ, какія печальныя послѣдствія она должна имѣть для успѣшнаго развитія самой малорусской литературы. Прежде всего малорусская книга, напечатанная въ Галичинѣ фонетикой, уже по внѣшнему своему виду, не говоря объ отличіяхъ языка, стала малодоступной малоруссамъ Украины, привыкшимъ къ этиологическому правописанію. Затѣмъ, фонетическое правописаніе внесло расколъ въ малорусскую литературу Галичины и Буковины, такъ какъ многіе патриоты и ученые общества отказались принять фонетику и продолжаютъ печатать малорусскія книги (назначаемыя для простаго народа) старымъ этимологическимъ правописаніемъ. Наконецъ, правописная реформа сдѣлала вообще книжную малорусскую рѣчь менѣе понятной для тѣхъ галичанъ, буковинцевъ и угро-руссовъ, говоры кото-

рыхъ представляютъ характерныя звуковыя отличія отъ галицкаго говора, лежащаго въ основѣ литературнаго языка: напр., въ нѣкоторыхъ говорахъ лемковъ вмѣсто украинско-русскаго вѣдѣя говорятъ вувѣя, увѣя, вывѣя, вмѣсто лѣдъ, вѣз—людъ, вѣоз (лѣдъ, вѣзъ), вмѣсто колѣно, мѣсто—колѣно, мѣсто и т. п. Такую путаницу въ литературное дѣло Галицкой и Буковинской Руси внесла правописная реформа, уже по самой идѣе своей весьма неудобная для литературныхъ языковъ такихъ большихъ народовъ, которые представляютъ значительное количество нарѣчій и говоровъ, и въ данномъ случаѣ названная не требованіями книжнаго языка, а извѣстной нездоровой политической тенденціей.

Та же печать тенденціозности лежитъ и на научномъ языкѣ, надъ выработкой котораго трудится Общество имени Шевченка. Въ русской печати уже не разъ указывалось, что нынѣшній малорусскій литературный языкъ не представляетъ единства. Ни среди галичанъ, ни среди нашихъ украинскіхъ писателей еще не было такого большого таланта (какимъ, напр., былъ въ общерусской литературѣ Пушкинъ), который бы опредѣлилъ общій характеръ литературнаго языка. Правда, въ произведеніяхъ Шевченка малорусскій народный языкъ получилъ прекрасную обработку, сдѣлавшую эти произведенія доступными и понятными всѣмъ образо-

важными русскими людьми. Но Шевченко, къ сожалѣнію, не имѣетъ большого вліянія на послѣдующихъ, особенно новѣйшихъ, малорусскихъ писателей. Они не слѣдуютъ своему великому учителю, а въ своемъ литературномъ творчествѣ шли и идутъ особою дорогою. Руководясь главнѣйше украинифильскою тенденціей и какъ бы силясь доказать теорію о самостоятельности малорусскаго народа, они стараются отдалить языкъ «українсько-руськой» литературы отъ языка обще-русскаго. Съ этою цѣлью для передачи отключенныхъ понятій, для которыхъ не оказывается соответствующихъ выраженій въ просто-народной рѣчи и для которыхъ весьма легко было бы найти соответствующія слова въ русскомъ образованномъ языкѣ, они употребляютъ слова чужія, преимущественно польскія, или искажаютъ до неузнаваемости слова обще-русскія, или прямо куютъ и сочиняютъ совсѣмъ новыя слова и выраженія. Въ частности примѣненіе всѣхъ этихъ приемовъ выработки литературнаго языка представляетъ широкій произволъ у отдѣльныхъ писателей. Къ этому присоединяются и различія въ языкѣ разныхъ авторовъ, обуславливаемые особенностями то галицкихъ, то украинскихъ говоровъ въ зависимости отъ происхождения каждаго писателя и степени анакомства его съ народною рѣчью. Поэтому вполне справедливо замѣчаніе одного изъ галицкихъ пи-

сателей, что современная художественная литература малоруссовъ не представляетъ единого выработаннаго языка, а множество отдѣльныхъ языковъ, какъ-то: языки Старинцаго, Франка Чайченка, Ол. Пчілки и т. д.

Такими же чертами характеризуется и научная «українсько-руській» языкъ, создаваемый Обществомъ имени Шевченка. Единства въ языкѣ отдѣльныхъ ученыхъ, помогающихъ свои труды въ изданияхъ общества, не замѣчается: каждый пишетъ на свой ладъ. Всѣ сотрудники «Товариства» сходятся лишь въ одномъ: въ своей болѣзни пользоваться терминами и выраженіями обще-русскаго языка; всѣ они въ большей или меньшей степени заполняютъ свою рѣчь чужими, преимущественно польскими или, рѣже, нѣмецкими выраженіями и новыми кованными словами самаго разнообразнаго чекана. Отсюда новосоздаваемый ученый языкъ отличается крайнею искусственностью и малопонятностью. Больше всего, однако, въ немъ замѣтно господство польской стихіи: научная терминологія по разнымъ отраслямъ знанія вырабатывается главнѣйше подъ вліяніемъ польскаго языка. Представлю нѣсколько данныхъ въ подтвержденіе этого положенія. Начать хотя бы съ самаго названія общества—«Наукове Товариство», которое прямо взято изъ польскаго—«Towarzystwo naukowe». Беру наудачу отдѣльныя страницы изъ

сего, что современная хуровственная лингвистика, маловероятно не предостерегает от утраты в работе, как-то: язык Старинного, Французского, и т. д.

Чайченка, Ог. Ивтан и т. д.

Таким же чертам характерна и научная «Украинско-руская» лексика, составленная в 1911 году в Киевской Академии наук, под редакцией своего профессора, украинского ученого, подполковника Ол. Чайченки. В ней собраны все слова, которые употребляются в украинском языке, но отсутствуют в русском языке. В ней собраны все слова, которые употребляются в украинском языке, но отсутствуют в русском языке. В ней собраны все слова, которые употребляются в украинском языке, но отсутствуют в русском языке.

внимательнее изучать язык. Но Шевченко, в составлении, не имеет большого значения в лингвистике, особенно в украинском языке, маловероятно не предостерегает от утраты в работе, как-то: язык Старинного, Французского, и т. д.

Чайченка, Ог. Ивтан и т. д.

Таким же чертам характерна и научная «Украинско-руская» лексика, составленная в 1911 году в Киевской Академии наук, под редакцией своего профессора, украинского ученого, подполковника Ол. Чайченки. В ней собраны все слова, которые употребляются в украинском языке, но отсутствуют в русском языке. В ней собраны все слова, которые употребляются в украинском языке, но отсутствуют в русском языке.

разнихъ изданій «Товариства». Вотъ, напр., годової отчетъ о діяльності «Товариства» за 1808 г., читаний въ главній своей части предсѣдателемъ М. С. Грушевскимъ въ обществѣ собрании. Всего на нѣсколькихъ страницахъ находимъ такое обиліе польскихъ словъ: локальні съвятковання (lokalne świątkowanie), институція (instytucya), не рахуючись (rachować się) з перспективами переноси з помещканія до помещканія (pomieszkanie), на решти (na resztę), розкавалкованой (kawalek) вітчизни, вплинула (wpływała) на розвіи взагалі культурнихъ інтересів, кошта (koszta), наукова часопис (czasopis naukowy), мусимо, мусить, мусило (musić, musiał и т. д.), увага (uwaga), до деталічного перегляду (przeгляд), поступ (postęp), публікація (publikacya) справоздане (sprawozdanie), уконституувався, штука (sztuka), мова (mowa), субвенції, квота (kwota), випадки (wypadek), сотворити дотацію, резервовий, каменіца (kamienica), офіцини коштом, урядженя (urządzenie), друкарня (drukarnia) друкарняныхъ справъ (sprawa), складач (składacz—наборщикъ), видане (wydanie), спілка (spółka), аркуш (arkusz), до президні сформовано (zorganizował), вурсор (kursor), книгарня (księgarnia), оферту (oferta), засягавъ гадки (zasięgał), рекумерувавъ праці (praca), товариство (towarzystwo), велика вага (waga), переважного (przeważny), обход (obchód), споряджене (sporządzenie).

шануючи (szanować), затвержене (zatwierdzenie), видатки (wydatek), репрезентатив, канція, вартість (wartość), запас накладів (nakład), запас паперу (papier), фарба (farba), заінтабульовано, рахунок (rachunek), сперанди, зиск (zysk), переклад (przekład) и т. д. («Записки» 1899. В. I).

А вотъ списокъ словъ, взятыхъ изъ первыхъ страницъ обширнаго сочиненія г. М. С. Грушевскаго «Исторія України Руси»: істновання (istnając), праці (praca), користна (korzystny), залежати (zależec), замір (zamiar), науковий (naukowy), нотка (notka), ухибляючи (uchybiać), інструктивни пояснення, видродженне (odrodzenie), мусить мати (mieć musi), умова (umowa), увага (uwaga), міграція (emigracya), певністю (pewność), докладно (dokładnie), виразно (wyraznie), знищеного (zniszczony), пониженого (poniżony), г'рунтъ всякої культурної еволюції, незвичайно (niezwyczajny), вплива, вплив (wpływ, wpływać), вага (waga) з рештою (z resztą), двоїстість (сочин. слов.), упривилойованой (uprzywilejowany), абсорбованне, поваленне й зреформованне (соч. сл.) и т. д. Изъ небольшой критической замѣтки того же автора («Записки» 1898 VI в.): науковість (сочин. слов.), приємне вражіння (przyjemnie, wrażenie), переконанне (przekonanie), істнованне, реконструкція історії, зручність (zgręczność), переважно (przeważnie), аматоромъ і пильнимъ дослідникомъ, читач (сочин. сл.) и др.

Приведу кілька образців новосоздаваної научної термінології. Напр., в філологічній роботі об'єкту угро-руських мов. В. Верхратського зустрічаються такі новосочинені терміни («Записки» 1899 г.): наголос (удареніє), голосівоchia (гласные звуки), накінчик (окончаніє), наростки (приставки), пень (основа), слововлад (синтаксис), назвук (початковий слог), вивзвук (конечный слог), повноголосність (полногласіє), суголосочня (согласные звуки), шествор (образованіє основ), суцник (імя существительное), приложник (імя прилагательное), присловник (нарѣчіє), зашменник (мѣстоименіє), числовник, теперешник (настоящее время), умовник (условное наклоненіє), давноминувшик (давнопрошедшее время), минувшик стану діїшого, повельшик (повелительное и.), іменик, рідник и т. д.

Изъ математического сочиненія В. Левицкаго «Еліптичні функції модулові» («Записки» 1895, VII): «Подав я дефініцію еліптичних функцій модулових, се-б то функцій, що належать до групи субституцій. Формою модуловою к-тої димензії називаємо однозначну однородну функцію двох змінних x и y к-тої димензії, яка остає безъ зміни, наколи вї аргументи піддати якінебудь субституції в групі лінеарних однородних субституцій; наколи ж ужем (узує) інших субституцій, то функція та взагалі зміняє свою вартість (wartość)». Еще кілька

терміновъ изъ той же статьи: незамінник, дискримінанта функції еліптичних, вартість безглядна, інтегральний рахунок, рахунок різничковий (дифференціальное исчисленіє), рівноважні (równowazny), збіжність (Convergenz), діїсний (дійствительный), многість всюди-густа (Überall-dichte Menge) и т. д.

Изъ небольшой статейки юридическаго содержания («Записки» 1898, в. VI.): процесъ цивильний (cywilny), спадкове право (spadkowe prawo), спадок (spadek наслѣдство), спадкодавця, спадкоємця; ціха (zeichen), дефініцію, заробковий податок, деталічно, загальнознатність (сочин. сл.), судова влада устава, запровадний закон, світогляд читачів (соч. сл.) и т. д.

Изъ медицинской статьи д-ра Черняховскаго «Пристрій до мірення сили скорочень уразу» («Записки» 1893, II) ураз (uraz), водони бочонки (membranae ovi), вартість (wartość), здатность (zdatność), при тракції плоду, поліжница (položnica), вада (wada), кулька (kulka), вжиток (użytek), вирава (uprawa), умова (umowa) и т. д.

И такихъ чужихъ и кованнихъ словъ можно набрать изъ изданій «Товариства» на цілий томъ, а то и больше. Спрашивается, что же это за языкъ? Ужели мѣ памѣть передъ собою настоящую малорусскую рѣчь? Не служитъ ли этотъ искусственный, смѣшанный малорусско-польскій языкъ рѣзкою насмѣлкой надъ литературными

терминотъ изъ той же статьи: немцы, иностран-
цы, французскіе колонисты, испанскіе колонисты,
интеркалліи (intercalles), итальянскіе колонисты,
французскіе колонисты (Colonnes), испанскіе колонисты
(wazny), зблизително (Uberall-dichte)
терминотъ, множить, вселити (Uberall-dichte

Менге) и т. д.

Изъ вышеописанной статьи юристъ-испанскій сохранилъ
ни («Zamora», в VI: провозъ, провинція
судно), спавное право (spradkowe право), сн-
док (spadek наследство), снуконанія, снуконанія
мха (mcha), зблизително (Uberall-dichte), закон, снуконанія
таблиц (сн. ст.) и т. д.

Изъ юридической статьи д-ра Чернышковскаго

«Иностранцы до мѣрени снуконанія, снуконанія
«Заморскіе» 1893, II) ураз (ураз), снуконанія
(membranas ови), мѣрени (marche), снуконанія
при уразнннхъ плочахъ, снуконанія (polo-
misa), мѣрени (wada), мѣрени (kalka), снуконанія (uz-
tek), мѣрени (шова) и т. д.

II такнхъ чужихъ и снуконаніяхъ снуконанія
набравъ изъ названія, «Товариства» на цѣль
тогда, а то и больше. Спрашивается, что же это
за языкъ? Какъ мы можемъ перейти, снуконанія на-
своишю малорусскою рѣчь? Не служить ли это
неестественннмъ, снуконаніяхъ мапорусско-польскнхъ
языкъ, рѣчьхъ наснуконаніяхъ мапорусскнхъ

Принимая въ основу образцовъ, новозарядкою

наукою терминологии. Например, въ филологической

работѣ отъ уро-русскнхъ товарищъ Ив. Верхрат-

скаго встрѣчается такіе новозарядные терми-

ны («Заморскіе» 1899 г.): марозе (удареніе), коло-

своина (гласные звуки), картинчик (окончаніе),

народскн (приставка), мѣрени (основа), снуконанія

(снуконанія), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

(снуконанія) (конечный слогъ), мѣрени (начальный слогъ), мѣрени

занятами того самого Шевченка, имя которого посить «Наукове Товариство»? В самом дѣлѣ, какая непроходимая пропасть между языкомъ Шевченка, Костомарова, даже Кулиша и ново-создаваемымъ «украинско-руськимъ» языкомъ галицкихъ ученыхъ съ ихъ «головой» г. Михаиломъ Грушевскимъ. Не приплетъ ли бы въ ужасъ и содроганіе и самъ покойный М. П. Драгомановъ, если бы увидѣлъ, что его весьма цѣнная монографія по малорусской народной поэзіи и другія статьи, издавныя въ свое время на обще-рускомъ языкѣ, теперь явились въ «перекладѣ» на никому непонятную уродливую «украинско-руськую мову». Видь если дальнѣйшая обработка этой «мовы» пойдетъ все въ томъ же направленіи, т. е. подъ воздействием польскаго литературнаго языка, то галицкому писателю не трудно будетъ добраться до черты, отдѣляющей рѣчь русскую отъ польской, и придется признать «украинско-руськую мову» за одно изъ нарѣчій польскаго языка, какъ это нѣкогда и сдѣлалъ украинофильствующій поэтъ Тимко Падура. Но въ такомъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Вудилевичъ, человеку съ самостоятельнымъ талантомъ «лучше ужъ перейти къ чистому польскому языку, чѣмъ писать на сѣмшанномъ русско-польскомъ жаргонѣ, напоминающемъ гермафродита».

Нѣкоторые изъ нашихъ сторонниковъ широкаго разнѣтія малорусской литературы признаютъ разные недостатки въ книжной «украинско-руськой» рѣчи галичанъ, но полагаютъ, что эти недостатки могутъ быть устранены. Такъ, В. П. Науменко заявляетъ, что и его «далеко не удовлетворяетъ качество этой рѣчи», и для улучшенія ей совѣтуетъ галицкимъ писателямъ заняться «изученіемъ русскаго книжнаго языка» («Кіевская Старина» 1899, Августъ, стр. 266, 271). Но если этотъ совѣтъ искрененъ, то онъ, во-первыхъ, стоитъ въ противорѣчій съ другимъ положеніемъ В. П. Науменка, на которое уже было обращено вниманіе въ предшествующей главѣ, именно съ тѣмъ, по которому «всѣякія попытки нѣкоторыхъ галицкихъ кружковъ распространять русскій книжный языкъ признаются не только не полезными, а прямо вредными»; а во-вторыхъ, онъ идетъ въ разрѣзъ съ основными тенденціями и стремленіями «Товариства», которыя находятъ себѣ горячее сочувствіе на страницахъ «Кіевской Старины». Въ самомъ дѣлѣ, если бы галицкіе ученые, имѣя въ виду совѣтъ В. П. Науменка, обратились къ обще-рускому языку, какъ своему естественному источнику; за научной терминологіей и, сверхъ того, бросивъ фонетику, вернулись къ этимологическому правописанію, то новый научный «украинско-руський» языкъ въ изданіяхъ «Товариства»

представлять бы такъ мало отличій отъ общерусскаго, что полная ненужность существованія его какъ органа высшей образованности для галицкихъ и буковинскихъ малоруссовъ стала бы ясною, какъ нельзя болѣе. Но этого, конечно, какъ разъ и не желаютъ галицкіе литературные сепаратисты и поддерживающіе ихъ наши украинофилы. По ихъ взгляду, «украинско-руській» языкъ долженъ быть возможно больше непохожимъ на общерусскій, чтобы тѣмъ крѣпче была фикція о «самостойности» малорусскаго народа. Къ этой цѣли главнѣйше и направлены все ихъ усилія.

И вотъ такой-то пестрый, смѣшанный, искусственный языкъ мечтаютъ сдѣлать органомъ будущей «украинско-рускою» академіи и «украинско-рускою» университета! Мало того, ему приуготовляютъ важную роль языка образованнаго для всего малорусскаго народа. Такъ на это ясно намекаетъ «голова» «Товариства» г. «Михайло Грушевський» въ своей рѣчи, произнесенной въ общемъ собраніи въ нынѣшнемъ году. Указавъ, что Общество имени Шевченка находитъ себѣ сочувствіе и поддержку на Украинѣ, онъ съ гордостью замѣчаетъ: «Товариство далеко поднимается надъ мѣстными потребностями и приобретаетъ значеніе духовнаго центра, который связываетъ въ одно все части нашей «роскавалкованой

вітчини, переділеної природними і політичними границями, перегороженої всякими перегородами» («Записки» 1899, I В.).

Это ли не утопія, которая, конечно, была бы очень смѣшна, если бы въ то же время не была еще болѣе грустной?!

Историческими по Львову образованный взгляд
 именуется не русско-русская, а украинско-
 русская и, следовательно, представляется
 служить органом науки и литературы не только
 для Латвии и Буковины, но и для нашей
 Украины, или Малороссии. М. Грушевский в
 своих трудах охотно признает «Товариство
 имени Шевченка» духовным источником всякой
 части просветительской и общественной жизни
 Украины, как средоточие и оплот малорусской
 образованности, которая сдвигается просветительской
 «Украинско-русской интеллигенции». Но, с другой стороны,
 все это движение, отличающееся, как было по-
 казано, большой неукротимостью и тенденциоз-
 ностью, и связываясь с нить широкие планы
 по созданию особой «Украинско-русской интел-
 лигенции» пока находят очень слабые отклики и
 сочувствие в пределах России. Навстречу
 странному и противостоит стремление
 разбить сепаратизм и уступить у нас с ма-
 териальной и нравственной поддержкой лишь
 некоем отщепеням типа, украинско-французский,
 по-прежнему то полагающие, что вполне понятная и
 естественная любовь к малорусской народной
 жизни, к малорусской и к малорусской
 старинке и проч. непременно должна соединяться
 с симпатией к французскому плану и
 ультра-львовскому «Товариству». Масса же об-

Попытка пропаганды научного «украинско-
 русского» языка на XI археологическом
 съезде.
 Особенно по Львову, славная работа на соз-
 дание научного «украинско-русского» языка
 идет, конечно, только в археологическо-
 м духе Латвии и Буковины, но также юсти-
 ции больше интересов, политический и культур-
 турный зачат. Конечно планам и вступают
 запавать этой работе, но быстрое развитие
 вилское литературное движение должно распр-
 страняться и на все малорусское или южно-ру-
 сское пространство приговора и про-
 извольно соединено название «Украинский Русь».)
 *) Латинские сепаратисты отзываются «Австрийско-Украин-
 ской» от «Российской Украины» и термин «украинско-
 русский» вербуют с термином «русско-украинский»,
 который впервые был применен в обращении, кажется, по-
 лавкам.

разованнаго общества Южной Руси, не говоря уже о простомъ народѣ, остается равнодушной къ галицкому литературно-сепаратистскому движению. Причины этого явленія совершенно ясны: основныя цѣли движенія советѣмъ непоняны наимѣмъ малоруссамъ, а самое движеніе представляется имъ ненужнымъ, безцѣльнымъ, такъ какъ они издавна пользуются обще-русскимъ языкомъ, какъ языкомъ высшей образованности, и богатую литературу и науку на этомъ языкѣ, приносящія имъ неисчислимые блага, считаютъ въ такой же мѣрѣ своимъ драгоценнымъ достояніемъ, какъ и великоруссы и бѣлоруссы. Неудивительно поэтому, что и самыя изданія «Товариства імени Шевченка», особенностями своего языка и правописанія вносящія расколъ въ литературную жизнь малоруссовъ и потому отвергаемая значительною частью галицко-рускаго образованнаго общества, не имѣютъ доступа въ Россію и извѣстны здѣсь очень немногимъ.

Такое положеніе дѣла, конечно, огорчаетъ и заботитъ руководителей галицкаго движенія, группирующихся около «Товариства імени Шевченка», и возбуждаетъ у нихъ стремленіе усилить пропаганду создаваемыхъ ими языка и литературы въ «Россійской Украинѣ». Со времени переселенія М. С. Грушевскаго изъ Кіева во Львовъ и перехода въ его руки завѣдыванія дѣ-

лами «Товариства» и на эту сторону дѣятельности общества обращено особое вниманіе. «Товариство» пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы напомнить русскимъ украинцамъ о своемъ существованіи, заинтересовать ихъ своею дѣятельностью и найти среди нихъ сторонниковъ защищаемыхъ имъ тенденцій. Первый такой наиболѣе подходящій случай представило празднованіе въ 1898 г. столѣтія появленія въ печати переложенной «Энеиды» Н. Н. Котляревскаго. Этотъ писатель, считающійся основателемъ новой малорусской литературы, конечно, вполне заслуживаетъ юбилейнаго чествованія. Принадлежащія ему, кромѣ смѣхотворной «Энеиды», двѣ театральныя пьесы: «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чарівникъ», доселѣ остающіяся лучшими произведеніями малорусской сцены, извѣстны великоруссамъ не меньше, чѣмъ малоруссамъ. Поэтому въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ Кіевѣ, Полтавѣ, Петербургѣ и еще кое-гдѣ отпраздновали юбилей Котляревскаго, но отпраздновали такъ, какъ обыкновенно празднуются литературные юбилеи, т. е. безъ какихъ бы то ни было демонстрацій политическаго характера. Не то было въ Галичинѣ, гдѣ произведенія Котляревскаго стали извѣстны не ранѣе 50-хъ годовъ и не оказали большого вліянія на развитіе мѣстной литературы. Львовское «Товариство», не безъ самохвальства заявившее, что ему принадлежитъ

«перворазное значение въ культурной жизни украинско-русского народа», принимая на себя инициативу превращения общественной интеллигенции въ политическую организацию, на которое приглашалось вся украинско-руская интеллигенция и въ славянских украинских учебных заведениях. Называя столбную точку выхода въ светъ «Звенида» Котляревского «столбикомъ юности и возрожденію украинской литературы», «Товарищество» со-здало изъ этого «юности» большой культурный и национальный украинско-русский народъ, призываетъ национальную интеллигенцию и общественнаго прогресса. Въ призывающихъ за подписью М. Грушевскаго, какъ «головы» юбилейнаго комитета, поставилъ въ организаторъ Котляревскаго украинскаго народа, «что украинско-русский народъ, второй по численности въ Славяншине и живущий много заселъ въ истории европейской культуры, поднимается изъ своего униженія, что онъ, «поврежденный историчными обстоятельствами», разбужденный своими высшими состояніями, сведенными къ значенію этнографической массы, снова занялъ достойное место въ семье славянскихъ народовъ съ твердою надеждою внести въ современную общечеловѣческую прогресси новыя начала, соотвѣтственно своей численности и деятельности тяжелой долѣ». Въ отвѣтъ на эти при-

131
полководца и политическаго деятеля, котораго интеллигенція украинскаго народа превращаетъ въ политическую организацию, «Товарищество» близко подучены прикати- стья изъ десяти мѣстностей России, между прочимъ, «Товариществомъ» были подучены прикати- стья изъ десяти мѣстностей Украины. Отдѣленіи украинскаго языка и словесности Академіи Наукъ Харьковского университета и Харьковского историко-филологическаго общества. Въ дѣлѣ украинскаго общества и общества украинскаго общества, членство въ нихъ это равнозначительное историческое общество. Другой еще болѣе удобный случай для проведения сепаратистскихъ идей «Товарищества» представляла въ археологическій съездъ. По инициативѣ и иниціативѣ эти строки на съездѣ были приняты и введены въ жизнь славянскихъ земель, гдѣшнимъ образомъ въ славянскихъ земляхъ и каждаго прочнаго изъ Галичинны и Буковинны въ частности члена львовскаго учёнаго общества имени Шевченка, при чемъ въ «Дружину съезда» былъ внесенъ параграфъ, въ силу котораго въ заступничествѣ допущены докладчикъ на званіяхъ южнѣхъ и западныхъ славян. Въ виду

96
(*) Описание этихъ празднествъ см. въ «Запискахъ» 1898 г. т. VI. Изъотрицавъ рвыи, произнесенныя на празднествѣ, посвященны въ «Литер. Наук. Вѣстн.» за 1898 г.

последняго обстоятельства у членовъ «Товариства» возникла мысль добиться разрѣшенія читать на съѣздѣ свои доклады на новосоздаваемомъ «украинсько-руськомъ» языкѣ. Осуществленіе этой мысли для успѣха дѣятельности «Товариства» несомнѣнно имѣло бы важное значеніе какъ съ практической стороны, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. Оно открывало бы возможность широкой пропаганды въ большомъ собраніи ученыхъ новаго «украинсько-руськаго» языка и новой «украинсько-руськой» науки и въ то же время означало бы официальное признаніе со стороны образованной Россіи законности «украинсько-руськаго» сепаратизма въ области языка, науки и высшей образованности. Отсюда вполне понятно, что члены «Товариства», руководимые своимъ «головой», горячо взялись за указанный вопросъ и рѣшились, во что бы ни стало, добиться осуществленія своего плана или, въ случаѣ его неудачи, воспользоваться археологическимъ съѣздомъ какъ-нибудь иначе въ цѣляхъ пропаганды своихъ тенденцій. Старанія ихъ, однако, не увѣнчались успѣхомъ, по крайней мѣрѣ такимъ, какого они желали. Читеніе докладовъ на «украинсько-руськомъ» языкѣ не было разрѣшено. Тогда члены «Товариства» въ особомъ собраніи демонстративно постановили не ѣздить на археологическій съѣздъ, о чемъ немедленно же напечатали въ «Запискахъ» и

громко заговорили о нанесенной украинсько-руському народу обидѣ, о несправедливости и проч. Среди нашихъ украинофиловъ, конечно, сейчасъ же нашлись защитники мнимо-обиженныхъ. Въ результатѣ какъ въ галицкихъ, такъ и въ русскихъ и нѣкоторыхъ западно-славянскихъ газетахъ и журналахъ появились статьи и корреспонденціи по вопросу объ «инцидентѣ съ украинсько-руськимъ» языкомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе тенденціозныхъ, вся вина за несприятный для «Товариства» исходъ дѣла сваливалась на меня и г. ректора университета св. Владиміра (І. Я. Фортинскаго, какъ членовъ предварительнаго комитета по устройству съѣзда, высказавшихся открыто противъ допущенія въ занятіяхъ съѣзда «украинсько-руськаго» языка. Не ограничиваясь простой защитой претензій «Товариства», авторы нѣкоторыхъ русскихъ статей позволили себѣ крайне грубыя и дерзкія выходки по адресу предполагаемыхъ виновниковъ неудачи проекта львовскихъ сепаратистовъ (напр. г. Мордовцевъ въ № 189 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»), или же, какъ, напр., анонимный авторъ статьи въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» (394—402), пошли еще дальше, обратились къ недостойнымъ инсинуаціямъ, къ заподозрѣванію тѣхъ же предполагаемыхъ виновниковъ не то въ доносахъ, не то въ полицейскомъ сыскѣ и пр. Наконецъ, въ ноябрьской книжкѣ галицкаго «Ин-

ченка получило приглашеніе на съѣздъ и члены его вмѣстѣ съ «головой» Мих. Грушевскимъ увидѣли, что «украинско-руському» языку нѣтъ оффиціального доступа на съѣздъ, они рѣшили, во что бы ни стало, добиться этого доступа, считывая на дѣятельную помощь нѣкоторыхъ своихъ кievскихъ сторонниковъ. Въ февралѣ 1899 г. въ засѣданіи Кіевскаго комитета была доложена бумага на «украинско-руськомъ» языкѣ за подписью «голова» г. Михайла Грушевскаго съ запросомъ — «чи буде допущена украинско-руська мова до рефератів, дебат і видань з'їзда» и съ поясненіемъ, что отъ того или иного рѣшенія этого вопроса будетъ зависѣть участіе представителей «Товариства» въ занятіяхъ съѣзда. Я тогда же предлагалъ комитету отвітить «Товариству», что Правила съѣзда, утвержденныя г. министромъ, исключаютъ возможность оффиціального допущенія другихъ языковъ, кромѣ указанныхъ въ § 29, но собраніемъ, по настоянію г. предсѣдателя, рѣшено передать дѣло въ Московскій предварительный комитетъ. Какимъ путемъ разбирался и рѣшался этотъ вопросъ въ Москвѣ, доподлинно трудно сказать, такъ какъ Кіевскій комитетъ не былъ ознакомленъ съ протоколами засѣданій Московскаго комитета, касающимися даннаго дѣла; но отъ нѣкоторыхъ членовъ Московскаго археологическаго общества, пріѣзжавшихъ на съѣздъ, мнѣ приходилось слышать, что новое

рѣшеніе, принятое Московскимъ комитетомъ, произошло не безъ возраженій и протестовъ. Рѣшеніе это дѣйствительно въ высшей степени странно. Оно гласитъ слѣдующее: «По запросу львовскаго ученаго общества имени Шевченка постановлено: признавая, что украинско-руській (малорусскій) языкъ немногимъ разнится отъ общерусскаго языка и близко сливается съ языкомъ украинскихъ губерній Имперіи, — не выдѣлять его какъ особый языкъ въ группу другихъ славянскихъ языковъ и допустить чтеніе рефератовъ на этомъ языкѣ въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ съѣзда наравнѣ съ докладами на русскомъ языкѣ. Что же касается до печатанія докладовъ, то таконіе могутъ быть допущены лишь въ чисто-русской передачѣ на страницахъ «Трудовъ съѣзда». Признавая, что «украинско-руській языкъ немногимъ разнится отъ общерусскаго», и въ то же время допуская его наравнѣ съ послѣднимъ въ засѣданіяхъ съѣзда, Московскій комитетъ не только впадалъ въ удивительное внутреннее противорѣчіе, но и совершалъ ту большую ошибку, что тѣмъ самымъ открыто заявлялъ о полной правильности и законности развитія въ средѣ русскаго народа двухъ культурныхъ и научныхъ языковъ, обще-русскаго и новосоздаемаго «украинско-руського». Совершенно понятно, что когда объ этомъ постановленіи Московскаго комитета было доложено въ маѣ сего года въ Кіевскомъ

языкъ, но это разграничение было обозначено такими
определениями, которая въ сущности являла зна-
чение отрицательнаго признака въ вопросе. Однако,
прежде чѣмъ стало ясно изъяснение послѣднее расפורи-
женіе, членъ «Товариства», види, что затѣнное
имъ дѣло не удалось, сдѣланы въ особомъ собра-
ніи упомянутое выше постановленіе, въ силу
котораго признано не приниматься участія въ сдѣлѣ,
а назначенныя для него уполномоченныя дѣлать особю
комитетъ. Эта законодательная, о которой было со-
общено въ газетѣ, проанализирована на
часть же сообщено въ газетѣ, проанализирована на
ное впечатлѣніе на публику, сообщенныя на
сдѣлѣ, что въ томъ случаѣ, что въ томъ случаѣ «То-
вариства» всѣмъ признаны въ дѣлѣ участія,
хотя и не принимали въ дѣлѣ участія,
а вступать за нихъ, вступать по закрытымъ сдѣлѣ,
являясь ея же и сдѣлѣ «Товариства», и Министръ
Трудовъ. Начальникъ разнаго толка и криво-
толки, отъ инстинктовъ указаннымъ образомъ въ
русской и галицкой печати. Такова исторія «ин-
цидента».

комитетъ, то дѣлѣ возникъ вопросъ о его призна-
тельности, какъ, дѣлѣ, участія въ дѣлѣ, не
исключая, въ которыхъ изъясняется призна-
тельность, и считать себя въ правѣ имѣть свое
сужденіе по данному вопросу и вынести
сужденіе противъ предположеннаго признака на-
прямую о языкахъ. Въ указывающа на формальное
неудобство изъясненія уже изъясненнаго и утвер-
жденнаго признака изъясненнаго, и дѣлѣ отъ
необходимости участія кружка, и еще болѣе оста-
новился на разборѣ сдѣлѣ хотѣлось по сущ-
ности, поглядѣвъ такъ же сдѣлѣмъ хотѣлось отпо-
сительно украинско-русского языка, какіе при-
знаки въ насъ имѣли сдѣлѣ. На неудобствѣ,
связанныя съ признаніемъ въ невозможности
постановленія дѣлѣ, указавъ и дѣ-
ректоръ, Ф. Я. Фортункинъ. Въ концѣ концовъ дѣлѣ
сдѣлѣ, участія, участія, участія, участія,
сдѣлѣ археологическаго общества и предпринятъ-
нако комитетъ, графиню П. О. Уварову, и дѣлѣ
Министръ Народнаго Просвѣщенія за раз-
ясненіями по спорному вопросу. Подлинности хода
этого дѣла въ высшихъ инстанціяхъ имѣ совер-
шенно неизвѣстны. Знаю только, что сначала
послѣдовалъ категорическій отказъ относительно
но дѣлѣ, участія, участія, участія, участія,
языкъ, а затѣмъ было получено въ дѣлѣ новое
распоряженіе, въ силу котораго изъясненіе участія
получати разрѣшеніе читать рефераты на своемъ

достигшей их неудачи въ протестѣ, заявленномъ мною и г. ректоромъ университета св. Владимира противъ упомянутого постановленія Московскаго комитета. Постараюсь разъяснить всю неправильность этой точки зрѣнія. Я не беру съ судить, насколько мой протестъ, о которомъ попали въ газеты свѣдѣнія неточныя и неполныя, могъ оказать какое-либо вліяніе на ходъ дѣла. Знаю только, что предсѣдатели какъ Кіевскаго, такъ и Московскаго комитетовъ признали его настолько малозначительнымъ, что даже не дали ему мѣста въ протоколахъ засѣданій комитета. Самъ же я по поводу происходившаго въ засѣданіяхъ комитета не писалъ ни статей, ни сообщеній ни въ кіевскія, ни въ столичныя газеты, а равно не дѣлалъ никакихъ другихъ шаговъ, чтобы дать движенію дѣла то или иное направленіе. Поэтому я считаю инсинуаціей приписанное мнѣ въ анонимной статьѣ «Вѣстника Европы» (Ноябрь, стр. 398—399, 402) «обращеніе за содѣйствіемъ къ высшей административной власти» и какое-то участіе въ «мѣстныхъ дрязгахъ» и полицейскомъ смыскѣ по части «затѣи украинофиловъ». Обвиненія эти высказаны настолько бездоказательно и голословно, что можно лишь удивляться появленію ихъ на страницахъ такого солиднаго журнала, какимъ считается «Вѣстникъ Европы». Они свидѣтельствуютъ лишь о столь обычной у насъ нетерпимости къ чужому мнѣ-

нію, въ силу которой иные публицисты, причисляющіе себя къ либераламъ, не гнушаются, однако, въ полемикѣ противъ неприятныхъ имъ мнѣній и взглядовъ пользоваться такими неусдобными приемами, которые у каждаго порядочнаго человѣка должны бы вызывать только негодованіе и отвращеніе. Дѣло, однако, въ томъ, что независимо отъ того, былъ ли бы заявленъ или не былъ, мной или кѣмъ-либо другимъ, протестъ противъ страннаго постановленія Московскаго комитета, вопросъ, возбужденный львовскимъ «Товариществомъ», могъ получить только отрицательное рѣшеніе. И высшая власть, которой не могъ миновать этотъ вопросъ, и трезвое общественное мнѣніе, и ученое собраніе, держась логики фактовъ и имѣя въ виду высшіе духовныя интересы и благо всего русскаго народа, могли отвѣчать галицкимъ литературнымъ сепаратистамъ на предъявленное ими къ съѣзду настойчивое требованіе только однимъ словомъ: «Нѣтъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какія особенно вѣскія основанія можно было бы привести въ пользу допущенія на съѣздъ «украинско-русскаго» языка? Быть можетъ, этотъ языкъ является общепризнаннымъ выразителемъ умственной жизни особаго самостоятельнаго въ этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ народа? Быть можетъ, онъ служитъ органомъ богатой научной литературы и, вообще, считается языкомъ извѣстнымъ

то это обстоятельство не имело бы ничего естественного - известно в научную действительность ступить, зато в принципиальности отношении оно претерпело бы весьма большое неудобство: оно означало бы официальное признание со стороны России и представителей русской науки за научную «украинско-русскую» языковую группу права на самостоятельное развитие и распространение в Российской империи. Какое отношение к этому имеет украинский язык? Не вно ли, что эти приращения и не могли иметь другого происхождения, кроме того, какой посылкой. Отказываясь ступать в ряды славянских языков на языке научных изданий «Товариства», русский ученый и образованный мир как бы так говорил и оразумевал себя: «Мы очень рады видеть вас, своих русских братьев, в нашей украинской общине, но мы должны сказать вам прямо, что не сочувствуем вашей культурной работе и не считаем ее своей ответственностью украинско-русского языка: надо и образованного украинско-русского языка наладить чуждым и непонятным путем и работам, как чуждым и непонятным выходящим из вашей книжной сферы; вся же действительность

в украинском мире? Ничего подобного. Нет, украинский язык представляет нечто иное, что научная «украинско-русская» язык, которому хотелось бы иметь равное место не только с другими славянскими языками, но и с обще-русским, потому не может означать органа культурной жизни малорусского населения, почти во всей своей массе, пользующейся обще-русским языком, выработанным советом малых славян восторгов и малорусов; он не ступит, даже обаянием образованности, языком для всей Латвии и Буковинской Руси, так как его отвергает значительная часть образованного общества зарубежной Руси, открыто стоящая за сохранение литературного единства с остальной Русью; он является оригиналом лишь восточной политической и литературной партии, при том проповедующей тенденциозную картину разделения русского мира, когда культурно развитые русские мира, которые не могут сочувствовать ни одной русской чуждым, ни великорусской, ни малорусской, искренно любящий свой народ и желающий ему духовного прогресса. Наконец, как было сказано, этот язык представлял ничтожной научной литературой, отличается исключительностью, невыработанностью и очень мало развивается, так же как и само собой понятно, что если бы такой язык, обладающий указанными свойствами, получил доступ на археологический язык, ми,

ваша въ указанномъ направленіи представляется прямо вредной съ точки зрѣнія культурнаго прогресса, какъ Галицкой и Буковинской Руси, такъ и всего вообще малорусскаго народа. Если вамъ нравится, упражняйтесь въ своемъ тѣсномъ кружкѣ во Львовѣ въ выработкѣ своего новаго смѣшаннаго малорусско-польскаго научнаго языка, но оставьте въ покоѣ Россію и не пытайтесь сѣять здѣсь сѣмена фантастическаго ученія о культурномъ сепаратизмѣ. Ваша пропаганда не найдетъ здѣсь благопріятной почвы». Я убѣжденъ, что только единицы, немногіе представители русскаго образованнаго общества не признаютъ правильнымъ подобнаго откровеннаго обращенія къ дѣятелямъ львовскаго «Товариства»; это будутъ: или фанатически-убѣжденные сторонники украинофильства и тенденцій «Товариства»; или лица, мало освѣдомленныя относительно положенія дѣлъ въ зарубежной Руси, или, наконецъ, люди, завѣдомо не желающіе видѣть фактовъ, рѣзко бросающихся въ глаза, и вообще считающіе нелиберальнымъ прямо и открыто высказывать правду.

Безусловная необходимость отрицательнаго отношенія къ претензіямъ «Товариства» станеть еще болѣе очевидной, если обратитъ вниманіе еще на одно обстоятельство — на поведеніе членовъ «Товариства» вмѣстѣ съ ихъ «головой» во все время развитія созданнаго ими «украинско-

русскаго инцидента». Понесигиѣ, нельзя не поражаться той удивительной невѣжливостью (выражаясь деликатно), какая была проявлена членами «Товариства» по отношенію къ Россіи и представителямъ русскаго науки. Они забыли, что, будучи приглашены на съѣздъ въ качествѣ гостей, они могли, пожалуй, высказывать извѣстные желанія, но въ скромной и приличной формѣ, и отнюдь не имѣли никакого права предъявлять къ хозяевамъ какія-либо требованія. Между тѣмъ, они поступили такъ, какъ порядочные люди, знакомые съ правилами приличія, не поступаютъ. Получить приглашеніе на съѣздъ, они поставили свои условія относительно языка, а когда имъ отвѣтили, что эти условія не могутъ быть приняты, потому что расходятся съ выработанными и утвержденными правилами, то они демонстративно заявили, что не пріѣдутъ на съѣздъ, а затѣмъ стали открыто выражать свое негодованіе, жаловаться на обиду и, наконецъ, браниться. Мало того, постановивъ не ѣздить на съѣздъ и объявивъ объ этомъ въ печати, они все-таки прислали въ Кіевъ нѣсколько своихъ представителей, которые, конечно, не принимали участія въ занятіяхъ съѣзда, но старались погнѣть силъ радѣть на пользу «Товариства» и его идей. Что же это такое? Развѣ это — «учено-деликатное» поведеніе людей науки? Не наноситъ ли оно прямой обиды Императорскому Москов-

индусъ подобно, то тѣмъ маннifestируетъ, конечно, по-прежнему быя всеобщему оживленію и оживленію индо и на Западѣ, и у себя дома. А у насъ тѣмнѣе сепаратизма, прудо населявшиса и нахъ сръзкохъ, и нахъ русскія языколъ, и нахъ русскою наукой, нахотятъ себя: индистинковъ и просвѣтителей какъ всѣхъ боримъ за Русю на-руссости!

Чѣмъ же можно объяснить такое удивительное забвение междунароуныхъ и общеклассическихъ нравствъ инстинкты и възникновѣтъ? По моему мнѣнію, главнѣйшине тѣмъ, что въ насъхъ похвѣли чужонствъ. Конкретно на Востоци стѣзятъ русскіе иде интeрeсeвъ занимали есая ли не поестрѣе мѣсто, а на нервохъ стояли навѣстная попптчекскія цѣли, всѣхъ которыхъ тѣмъ забывается то, что стѣзовало бы похннть, и дозволяется то, что обикновенно считается невозможительнымъ. Въ саколъ дѣтъ, киевскій археологическій стѣзъ прѣдставлятъ для галицко-русскихъ ученыхъ, стовпнхъ у себя дома довольно изолированно, прекраснѣй стѣзъхъ завязать и укрѣпить нахъное общеніе съ остальной Русю. Стѣзачекъ зинтъ, конечно, стѣзовало дождитъ и восполъзваться имъ возможно лучше въ интересахъ науки. Вопросъ о языкѣ дождитъ не мѣтъ прѣдставлятъ для галицкихъ ученыхъ сръзкою потерю. Завязаніе о томъ, что было бы имъ не-достѣпнѣ, обще-русскій языкъ, ахучить торжон

свою археологическую обществу и сому русскіхъ ученыхъ, рѣшившихся приискать на стѣзъ это «Конкретно», есая начинающее проявлять первое признаки какой-то ученой прооты? Не заслуживаетъ ли удивленія такое преобрѣтительное отношеніе къ Россіи, русскою наукъ и русскому образованному языку? Мыслимо ли что-нибудь подобное на друпнхъ ученыхъ сръзкахъ? Въъ рѣзкомъ контрастѣ вопросъ о языкѣ дождитъ на сръзкахъ, на какнхъ только възвасетъ: иначе получнлось бы стѣзоповнѣе нахтонное и стѣзъ бы невозможнѣмъ обхннть мнѣннѣмъ. Но никому изъ прикннннннхъ ученыхъ стѣзъхъ никому и въ голову не приходнтъ прѣдъявлять хозеннѣтъ свои стѣзованія на стѣзъ стѣзъ, да есче съ угрозами. Напримѣръ, русскіе ученые постановно дѣзятъ на междунароуные ученые стѣзъхъ въ Парижъ, Берлинъ, Лондонъ или Римъ, стѣзъ рѣферты доу-скаются только на дѣххъ, много на дѣххъ нахъбогѣ распространѣннѣхъ, западно-европейскнхъ языкахъ, и оунако-нѣкая и прѣдставлятъ себя, что бы хотѣ у кого-нибудь изъ русскихъ, послѣдннхъ мысль прѣдоставъ доупущенія въ застѣннхъ сръзкохъ русскато языка, и тѣмъ богѣе похрѣпнлѣть подобное прѣдваніе шумннхъ де-монстрацнѣмъ. Если бы такъ и стѣзилось, что-

проією, особливо, если вспомнить, съ какимъ рвеніємъ и усиліємъ изучаютъ нашъ литературный языкъ ученые и образованные люди среди южныхъ и западныхъ славянъ, изъ которыхъ нѣкоторые и на съѣздѣ не пожелали воспользоваться правомъ читать доклады на своемъ родномъ языкѣ, а прибѣгали къ обще-русскому языку. Изъ 23 рефератовъ, которые были зачитаны членами «Товариства», вѣроятно, значительная часть приходилась на долю г. М. Грушевскаго, главнаго представителя историческаго знанія въ «Товариствѣ», но, вѣдь, онъ, какъ магистръ университета св. Владимира, всѣмъ всякаго сомнѣнія, въ силахъ былъ написать свои рефераты на хорошемъ обще-русскомъ языкѣ. Небольшого труда ему стоило бы исправить языкъ рефератовъ своихъ товарищей, изъ которыхъ, впрочемъ, одни, напр., гг. профессора Колесса и Студинскій, какъ слависты, могли вынести знаніе обще-русскаго литературнаго языка изъ семинаріи профессора П. В. Ягича, подъ руководствомъ котораго изучали въ Вѣнѣ славянскую филологію, другіе же по одному тому не могутъ не знать русскаго языка, что занимающее ихъ изученіе южно-русской старины непременно опирается на близкое знакомство съ ученой литературой на обще-русскомъ языкѣ. Наконецъ, если бы кто изъ приѣзжихъ галичанъ затруднялся излагать на чистомъ литературномъ языкѣ и

прибѣгать къ областнымъ словамъ и оборотамъ, никто бы этого ему въ вину не поставилъ. Стало бытъ, дѣло не въ недоступности обще-русскаго языка, а кое въ чемъ другомъ. Очевидно, что представители «Товариства» настаивали на допущеніи на съѣздѣ своего «українсько-русского» языка не потому, что они не могли бы участвовать въ съѣздѣ безъ удовлетворенія этого требованія, а потому, что они непременно хотѣли получить возможность открыто, официально пронагандировать сочиняемій ими научный «українсько-русский» языкъ и добиться санкціи этого языка на русскомъ ученомъ съѣздѣ, въ главномъ просвѣтительномъ центрѣ Южной Руси, въ стѣнахъ университета св. Владимира, въ присутствіи инославянскихъ ученыхъ. Такъ какъ это пламенное желаніе галицкихъ сепаратистовъ не осуществилось, то они устроили упомянутую шумную демонстрацію, чтобы, по крайней мѣрѣ, этимъ способомъ обратить вниманіе въ Россіи на свое «Товариство» и преслѣдуемыя имъ тенденціи. Насколько успѣшнымъ оказался этотъ маневръ—пока судить преждевременно, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ принести «Товариству» скорѣе дурную славу, чѣмъ хорошую.

Наконецъ, нужно отмѣтить еще одну прискорбную сторону въ описанномъ «українско-русскомъ инцидентѣ». Неосновательныя притязанія «Товариства» нашли себѣ спѣшную поддержку у

зованнаго языка русскаго народа. Объ этихъ ученыхъ, однако, и не вспомнили тѣ наши руководители дѣлами съезда, которымъ непременно хотѣлось сдѣлать пріятное галицкимъ сепаратистамъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что галичане, ратующіе за сохраненіе культурнаго единства своего народа съ остальною Русью, должны быть ближе и дороже намъ тѣхъ галичанъ, которые, по выраженію Кулиша, хотятъ, во что бы ни стало «половинити» Русь. Какъ бы то ни было, поддержка, найденная «Товариствомъ» у лицъ, стоявшихъ во главѣ съезда, получила для него значеніе хорошаго вознагражденія за неудачу, постигшую проектъ открытой пропаганды «украинско-русского» языка въ собраніяхъ съезда. Этой поддержкой, вѣроятно, отчасти и объясняется возможность проявленія со стороны украинофиловъ и сепаратистовъ той удивительной невѣжливости и грубости, о которыхъ было сказано выше.

Такимъ является въ истинномъ своемъ свѣтѣ пресловутый инцидентъ съ «украинско-русскимъ» языкомъ «Товариства», вызвавшій столько превратныхъ сужденій въ нашей печати. Разсматривая его съ объективной точки зрѣнія, нельзя не видѣть въ немъ и положительной стороны. Она заключается въ томъ, что теперь передъ русскими людьми, мало посвященными въ галицко-русскія отношенія, прекрасно рас-

крылись истинныя дѣли и задачи дѣятельности «Научнаго Товариства имени Шевченка» и группирующихся около него галицкихъ и буковинскихъ дѣятелей. Въ виду этого на будущее время русское образованное общество и русскіе ученые учрежденія, съезды и собранія, конечно, будутъ осторожиѣ въ выраженіи вниманія и братской привѣтливости къ извѣстнымъ зарубежнымъ землякамъ, тающимъ къ себѣ подъ прикрытіемъ науки непонятную фанатическую вражду къ Россіи, русскому языку и русской образованности.

Часть и какъ помочь зарубежной Руси въ
переживаемой ею культурной борьбѣ?

VII.

Вопросъ этотъ долженъ быть собою возмнать
въ уаѣ читателя при размышленіи о современ-
ной, позвоженіи дѣлать въ зарубежной Руси, какъ
оно очерчено въ предметномъ указѣ, изложеніи.
Отвѣтъ на него является вполнѣ естественнымъ.
заключеніемъ всего разсужденія.
Наръ приведенныхъ выше данныхъ достаточно
выясняется сущность внутренняго кризиса, не-
реживаемато въгвю маторусскаго народа, об-
тающей въ прѣдѣлахъ Австро-Урала. Къ нѣмало-
уама, вытекающій изъ условій политическаго
жизни въ чуждой государствѣ и подъ влеченіемъ
чужихъ народовъ, приспособляется естественная
привада своихъ же образованныхъ классовъ
на-за вопроса о книжномъ языкѣ и осл. отно-
шеніи Галицкой, Буковинской и Угорской Руси
къ общерусской литературѣ и образованности.
Между тѣмъ, какъ одна часть образованныхъ

нрують общества и масса простого народа по-
отдѣляются себя отъ чуждаго русскаго народа, хо-
дипаго въ составъ русскаго государства, и же-
даютъ сохранить съ нимъ духовную связь че-
резъ употребленіе общаго литературнаго языка
и широкое усвоеніе русской литературы, мрута
часть интеллигенціи, стѣгая украинификацію
тенденціей, отрицаетъ общерусское единство
въ области науки и литературы и стремится къ
созданію особаго научнаго и образованнаго языка
на почвѣ христанато истинно-русскаго нарѣчія.
борьба между этими двумя противоположными на-
правленіями и политическимъ теченіемъ, рѣсно
тературнаго и политическаго теченія, рѣсно
противоположенія въ печати, въ образованнхъ об-
щественныхъ, ученыхъ и просвѣдителейскихъ об-
ществахъ, вносима въ среду маторусскан,
учащейся въ высшихъ школахъ, неренесена уже
въ среднюю школу и всюду запечатлена стрѣль-
ностью и крайней неравноравноостью ерѣствъ,
которыя и позыаютъ сторонники украинифика-
ціи тенденціи съ цѣлью ослабленія своихъ
противоположеній*). Таде внутренне раздоръ въ
среде русскнхъ образованныхъ круговъ только

*) Достаточно припомнить раскрытый въ концѣ
1899 г.) въ Черновцахъ суръ писемъ фактъ пре-
сѣдованія украинификаціи 56 гимназистовъ-по-
ростковъ за изученіе или русскаго литературнаго языка.
Ср. мою статью въ вѣ «Киевлянинѣ» 1900 г. № 38. Пре-
сѣдованіе думается гимназистовъ за русскій языкъ и
«коевольство».

на руку какъ центральному вѣнскому правительству, такъ и господствующимъ въ государствѣ народностямъ — вѣнцамъ, полякамъ и мадярамъ,—не имѣющимъ основаній желать успѣховъ въ области культурнаго развитія той части русскаго народа, которая пошла подъ ихъ опеку.

Спрашивается: какъ же должно относиться къ такому порядку вещей въ зарубежной Руси наше образованное общество? Должно ли оно оставаться пассивнымъ зрителемъ невзгодъ этой Руси, всецѣло предоставивъ ее собственной участи, или же, напротивъ, ему слѣдуетъ прійти къ ней на помощь въ переживаемомъ ею кризисѣ, и въ такомъ случаѣ въ чемъ могла бы выразиться эта помощь?

Само собой разумѣется, что о возможности полного безучастія русскаго образованнаго общества къ положенію дѣлъ въ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси не можетъ быть и рѣчи. Какъ въ историческомъ, такъ и этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ эта Русь связана такими тѣсными узами съ нашею Южною Русью, что считать ее для себя чужой и тѣмъ болѣе чураться ея мы не имѣемъ никакого права. Если иногда случается, что наше общество и печать мало обращаютъ вниманія на то, что дѣлается по ту сторону западной границы у самыхъ близкихъ нашихъ единоплемейниковъ, то это явленіе несомнѣнно нужно считать ненормальнымъ и вре-

меннымъ. Вообще же нужды и интересы, радости и печали зарубежной Руси всегда были и должны быть близки каждому русскому сердцу, и оказаніе ей возможной помощи въ нужную минуту является для насъ прежде всего дѣломъ нравственнаго долга.

Но къ этическимъ мотивамъ присоединяются и практическія соображенія. Происходящая въ предѣлахъ зарубежной Руси культурная борьба близко касается интересовъ всего русскаго народа и русскаго государства. Съ одной стороны, отстаиваемое старорусской партіей широкое распространеніе обще-русскаго литературнаго языка имѣетъ прямое отношеніе къ успѣхамъ русской образованности, а эти успѣхи должны быть дороги каждому русскому человѣку. Съ другой стороны, дѣятельность галицкихъ и буковинскихъ украинофиловъ, имѣющая цѣлью, по собственному ихъ признанію, выработать особый «украинско-руський» научный и образованный языкъ не только для Австро-Угорской Руси, но и для всего малорусскаго народа, затрогиваетъ вопросъ о культурномъ единеніи всѣхъ вѣтвей русскаго народа въ общемъ литературномъ языкѣ, опять вопросъ, къ которому не можетъ относиться равнодушно русскій человѣкъ, думающій о благѣ и величій своей родины и своего народа.

Итакъ, оказаніе помощи зарубежной Руси со стороны нашего образованнаго общества—дѣло

2. Учащаяся въ высшихъ школахъ молодежь Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, не сочувствующая стремленіямъ украинофиловъ и сепаратистовъ, имѣетъ три своихъ студенческихъ кружка: «Другъ» во Львовѣ, «Карпаты» въ Черновцахъ и «Буковина» въ Вѣнѣ. Эти кружки, конечно, не пользуются особымъ покровительствомъ властей; они очень бѣдны и не обладаютъ средствами, чтобы выписывать въ достаточномъ количествѣ русскіе книги и журналы. Придемъ къ нимъ на помощь въ этомъ важномъ дѣлѣ. Если наши издатели газетъ и журналовъ, авторы и издатели книгъ по веѣмъ отраслямъ знанія и художественной литературы станутъ высылать въ каждое изъ упомянутыхъ студенческихъ обществъ по одному экземпляру своихъ изданій, то этой маленькой жертвой они окажутъ большое благодѣяніе не только самой молодежи, искренно стремящейся къ ознакомленію съ богатой русской литературой, но и всей зарубежной Руси, которая благодаря такой поддержкѣ получитъ большее число дѣятелей широкообразованныхъ и проникнутыхъ обще-русскимъ сознаніемъ.

3. Такая же помощь русскими книгами, газетами и журналами можетъ быть направлена и въ другія просвѣтительныя учрежденія, находящіяся въ вѣдѣніи сторонниковъ обще-русскаго литературнаго единства, — напр., въ бібліотеку

«Народнаго Дома» во Львовѣ, въ Литературно-артистическое общество въ Коломыѣ и въ многочисленныя народныя читальни, заведенныя Обществомъ имени Мих. Качковскаго по селамъ и мѣстечкамъ Галичины и Буковины. Организацию дѣла собиранія и разсылки книгъ въ эти и другія учрежденія могли бы принять на себя наши славянскія общества, въ которыя и теперь поступаетъ не мало ходатайствъ о присылкѣ книгъ въ разныя мѣста Галичины и Буковины. Наконецъ, имѣло бы своевремено было бы основать особое общество, которое приняло бы на себя заботы объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ зарубежной Руси.

4. Независимо отъ бесплатной разсылки книгъ необходимо позаботиться о предоставленіи образованному обществу зарубежной Руси возможности пріобрѣтать русскія книги у себя на мѣстѣ. Во Львовѣ давно уже чувствуется потребность въ хорошей книжной лавкѣ, которая всегда бы имѣла въ складѣ капитальнѣйшія произведенія русской литературы и своевременно получала всѣ важнѣйшія книжныя новости. Открытіе такой лавки, конечно, должна была бы взять на себя одна изъ наиболѣе крупныхъ — нашихъ книгопродавческихъ фирмъ; оказывая тѣмъ большую услугу дѣлу культурнаго развитія зарубежной Руси, такая фирма, навѣрно, и сама не была бы въ убыткѣ.

5. Борьба жителями было бы установление
 более близкого общения между нашими учениками,
 писателями и журналистами — и, следовательно, в со-
 части науки, литературы и публицистики в за-
 рубечной Руси, отставивши принципы един-
 ства русского литературного языка. Можно было
 бы признать различные и бюрократичные пре-
 жде и, частью в трудах наших ученых,
 общество, в содружестве в наших на-
 тах и журналистах и пр.

6. Долгую борьбу нашу раскрепощения рус-
 ского литературного языка в зарубечной Руси
 пришлось бы ускорить во время работы по
 типу издания с переводчиками, большими
 части предков на обще-русском, литератур-
 ном языке. Осуществление этого предприятия
 уже не так легко, как, думают, переписан-
 ных выше, но все-таки не представляется собою
 чего-то невозможного, неопределимого. Нужно толь-
 ко с нашей стороны побольше энергии и пред-
 приимчивости. Денег, конечно, также понадоби-
 тся, но не такая уж большая, чтобы их у нас
 не нашлось. Несомненно, что подобная школа
 через какое короткое время стала бы сама себя
 поддерживать по своему содержанию.

7. Наконец, не только жегательно, но и не-
 обходимо более внимательно относиться к на-
 шей периодической печати в отношении

развита и журналисты должны возможно чаще на-
 помянуть русскому обществу об этой Руси и
 ее развитии, проехавшей на ее территории куль-
 турной борьбы. Эти «зарубечной Руси» должны
 быть отнесены к основанию рубрика в нашей
 национальной ежедневной печати.

Уот, развивались и, по моему мнению, легко
 исполнимая борьба, порождают, которая рус-
 ское общество могло бы оказать действитель-
 ную помощь зарубечной Руси в переживае-
 мых ее невзгодах. Помощь эта, преимущественно
 моральная и культурная, должна заключаться в
 русском литературном единстве, и, быть с тем
 содействовать бы установлению правильного
 и знаменит украинифицированной печати, как
 теперь, ввиду ставящихся поставлений этой
 печати, для многих, сомированных и коле-
 блющихся языков и буквальных востанови-
 вых, с одной стороны, все молчаливое рус-
 ское литературное русское языка и бытие рус-
 ской литературы, а с другой — вся естествен-
 ность и безпочвенность фантастических затей
 украинифицированной сепаратистов.

Вместе с тем, что наше общество и печать
 относятся к поставленному вопросу не только
 с вниманием, но и с искренним сочувствием.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Отъ автора	III
Вступленіе	1
Гл. I. Что такое малорусская рѣчь?	5
Гл. II. Племенное единство великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ и обще-русскій литературный и обра- зованный языкъ	27
Гл. III. Малорусская литература прежде и теперь; от- ношеніе ея къ обще-русской литературѣ	48
Гл. IV. Дѣйствительно ли зарубежная Русь (Галицкая, Буковинская и Угорская) имѣетъ надобность въ созданіи своего особаго научнаго и образованнаго языка взамѣнъ существующаго обще-русскаго	69
Гл. V. «Наукове Товариство імени Шевченка» и со- здаваемый имъ научный «українсько-руський- языкъ»	95
Гл. VI. Попытка пропаганды научнаго «українсько- руського» языка на XI археологическомъ съѣздѣ	126
Гл. VII. Чѣмъ и какъ помочь зарубежной Руси въ пе- реживаемой ею культурной-борьбѣ?	154

